

НА ГРАНИ ТЬМЫ

СЕРИЯ «НА ГРАНИ КРАХА #3»

A soldier with long red hair, wearing a dark winter coat and a grey knit hat, stands with their back to the camera on a snow-covered bridge. They are carrying a rifle slung over their shoulder. To their left, a large, shaggy brown dog sits on the snow, looking towards the soldier. The dog has a white logo on its back, which is a stylized bird or eagle. In the background, a war-torn winter landscape is visible with snow-covered trees, a damaged car, and a large fire or explosion in the distance under a dark, cloudy sky. The overall atmosphere is somber and tense.

КАЙЛА СТОУН

Мир без электричества, света, транспорта...

Лиам и Ханна продолжают свое опасное путешествие, но за ними по пятам следует смертельно опасный противник. Измученные и израненные, смогут ли они вернуться домой?

В Фолл-Крике Ноа изо всех сил пытается защитить своего сына и своих друзей. Когда в городе заканчиваются запасы еды и топлива, а холод становится все более жестоким, приходится идти на компромиссы, которые грозят еще большей опасностью...

Перевод: MonaBurumba

Вычитка: MonaBurumba

Русификация обложки: Хексаны

Глава 1

Ханна

День восьмой

Монстр навис над Ханной Шеридан, красные глаза сверлили ее, когда он тянулся к ней острыми как бритва когтями. Монстр схватил ее руку и раздавил ее, перемалывая кости в пыль, мучительная боль пульсировала в ее сломанных пальцах, раздробленных костях...

Боль разбила ее на куски, на мелкие осколки, когда она превратилась в ничто, в муки, страх и тьму, которые никогда не кончались...

— Ханна!

Чьи-то руки на ее плечах, трясут ее.

Она моргнула, открывая глаза. Слепая паника охватила Ханну. Она вскочила, сжимая в руке нож, и бросилась на нападавшего, на монстра.

— Нет! — закричала она, ее голос оборвался, страх бешено бился в груди.

Кто-то схватил ее за запястье — крепко, но не сдавливая.

Еще нет. Боль придет. Боль всегда приходит.

Она извивалась, пытаясь освободиться, нож бесполезно мелькал в ее зажатых пальцах. Ее единственная попытка нанести ответный удар закончилась неудачей, как и все предыдущие. Как и все, что было до этого.

— Ханна!

«Нет...» — Голос в самой глубине ее души. Нежелание сдаваться, уступить.

Как раньше больше не будет. Она уже не та Ханна, что прежде.

Она взмахнула деформированной левой рукой. Ей удалось задеть мягкую плоть: сильный удар в нос монстра. Ударная волна боли пронзила ее искалеченные пальцы.

Монстр выругался, но едва вздрогнул. Он откинул голову назад, чтобы она его не достала. Она все равно была по нему, бесполезно ударяя по его руке, по плечам, ее слабые руки сталкивались с твердыми мышцами.

— Ханна! Это я. Лиам.

Она быстро моргнула. Панический туман в ее мозгу начал медленно рассеиваться. Она

заставила себя считать, чтобы вернуться к себе. «Раз, два, три...»

Перед ней появился монстр.

Не монстр, мужчина.

И не он. Не Пайк.

Воспоминания последней недели нахлынули на Ханну — отключение электричества, незапертая дверь тюрьмы, бешеный побег через снег и лес после того, как она освободила собаку, освободила Призрака. Лиам Коулман спас ей жизнь. Хижина Сиси, ее доброта.

Изнурительный, морозный путь в Бранч, город, захваченный мародерами. Библиотека. Схватка с Пайком. Паническое бегство в амбар.

Она опустилась на сено.

— Лиам.

— Я так и сказал. — Он все еще держал ее руку с ножом, обхватив пальцами маленькое запястье. Лиам наблюдал за ней, как за диким котенком с крошечными, острыми как иглы зубами, которые могут укусить его за пальцы. Раздражает, но не представляет реальной угрозы. — Теперь я могу тебя отпустить?

Она кивнула.

Лиам отпустил ее руку и опустился на пятки. Осторожно потер нос. Немного крови просочилось на губу.

— Не ожидал такого. Должен был. Но не ожидал.

Чувство вины укололо Ханну.

— Прости, я...

— Никогда не извиняйся за то, что защищаешь себя. Хороший удар. — Он резко поднялся на ноги. — Пора идти.

В темноте она могла различить высокий рост и широкие плечи Лиама, его точеные черты лица и щетину многодневной каштановой бороды, оттеняющую его квадратную челюсть. Эти притягательные серо-голубые глаза, которые, казалось, приковывали ее к месту всякий раз, когда его взгляд останавливался на ней.

Все в нем излучало силу, надежность, мощь. Солдат, насквозь. Он был немногословен и отстранен. В глубине его глаз таились тени.

Он уже несколько раз спасал ей жизнь. Она мало что о нем знала, но поняла, что Лиам хороший. После Пайка она никогда не думала, что сможет снова доверять мужчине, но теперь доверяла. Ханна безоговорочно доверяла Лиаму Коулману.

Серый свет рассвета проникал сквозь щели в сарае и просачивался через полуоткрытые двери амбара. Холодный воздух жалил ее щеки и уши.

Шапка-ушанка, которую ей подарила Сиси, чуть не свалилась ночью. Она натянула ее обратно на уши, отодвинула в сторону седельные одеяла, которые Лиам нашел прошлой ночью, и вытащила несколько кусочков соломы из своей огромной коричневой куртки.

Окинула взглядом затененный сарай. Пустые стойла. Старые, покореженные доски стен. Кучи сена. Где...?

— Призрак! — Ханна повернулась, инстинктивно потянувшись к псу.

Он лежал позади нее на соломе, в той же позе, что и вчера вечером, когда они приехали. Призрак был огромным псом, размером с небольшого пони, сто сорок фунтов крепких мышц, покрытых блестящей белой шерстью.

Она прижала руку к его пушистому боку. Легкое вздымание и опадание его ребер уверило Ханну в том, что он еще жив.

Она погладила мех на его животе. Его большие лапы подергивались. Призрак издал низкий звук, который наполовину походил на рычание, наполовину на страдальческий вой.

Хотя прошлой ночью Лиам очистил его и обработал рану, на макушке и левом ухе остались полосы свежей крови. Повернув голову, пес посмотрел на нее, и в его красивых карих глазах отразились боль и недоумение.

— Прости, Призрак. Прости.

Длинный пушистый хвост Призрака слабо подрагивал. Он издал еще один тихий стон, грустный и почти сожалеющий, словно извиняясь за свою неспособность вскочить на лапы и послушно выступить в роли ее пушистого защитника.

— На этот раз я позабочусь о тебе, хорошо? Не волнуйся. Просто отдохни. Все хорошо.

Ее сердце сжалось от боли. Ханна не знала, что бы делала без Призрака. Не имел значения, что она провела с ним всего неделю. Казалось, что прошли годы. Призрак был преданным, храбрым, бесстрашным. Великолепное животное, царственное и благородное, как король.

Они оказались вместе в ловушке, в плену у одного и того же человека.

Призрак спас ее. И не только от Пайка. Он дал ей силы жить дальше. Напомнил ей, кем она была и кем могла быть.

Она сглотнула комок в горле.

— Нам нужно найти ветеринара.

— Ты в состоянии двигаться дальше?

Мышцы Ханна одеревенели и тело было покрыто синяками, но она не колебалась.

— Да.

Лиам окинул ее пронизательным взглядом.

— Уверена?

Она сложила нож и сунула его в карман куртки. Пошатываясь, поднялась на ноги, придерживая живот размером с баскетбольный мяч больной рукой, как будто это могло помочь. Движение под ее рукой — скользящая дуга пятки или крошечный кулачок.

Ханна вздрогнула. Резко отдернула руку.

Она не знала, сколько времени у нее осталось. В своей подвальной тюрьме она отмечала время мелом на стене. Пять лет.

Это не помогло ей понять, как давно она беременна. Ребенок был его. Только это имело значение. Она старалась думать об этом как можно меньше. Ханна просто хотела, чтобы он вышел. Это была его часть, живая связь с похитителем, которую она ненавидела и возмущалась всеми фибрами своего существа.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Лиам снова, обеспокоенный.

Поморщившись, она направилась к нему, боль от нападения Пайка накануне вечером давала о себе знать. Ушибленные ребра. Правый висок пульсировал от боли. Кожа вокруг левой глазницы опухла, отекала и саднила. Но Ханна стояла на ногах.

Кожа головы зудела, волосы спутались. Она ненавидела жирную, невытую кожу. Но самая насущная физическая проблема лежала в другом месте. У нее сдавило мочевой пузырь.

— Я буду в порядке. Но мне нужно в туалет.

Лиам стоял на страже у двери, держа в руках зловещую AR-15, которую он украл у бандитов, напавших на них в Бранче. Он осматривал заснеженные поля, пока она облегченно вздохнула за углом, присев на корточки и прислонившись к стене. Было холодно и противно.

Она сделала свои дела как можно быстрее и использовала два квадратика туалетной

бумаги, которые дал ей Лиам. Ханна не хотела думать о том времени, когда туалетной бумаги больше не будет. Чем будут пользоваться люди? Журналами? Кукурузными початками, как в старые времена?

Они не просто убежали от убийцы. Соединенные Штаты были атакованы. Электромагнитный импульс от ядерного оружия — по крайней мере, одного, а может, и нескольких, — взорванного высоко в атмосфере, вывел из строя почти всю электронику.

Согласно данным, полученным Сиси по радиосвязи, большая часть страны погрузилась во тьму. И не только электросеть, но и сотовые телефоны, и большинство автомобилей.

Грузовики ближнего и дальнего следования не могли доставить необходимые товары в продуктовые магазины, аптеки и больницы. Без работы снегоуборочной техники снежные заносы скапливались в опасно высокие сугробы, фактически отрезая города.

Люди остались предоставлены сами себе.

Когда она вернулась, Лиам дал ей спрей для дезинфекции рук, затем два батончика мюсли и немного воды на завтрак. Ханна быстро поела, почти не чувствуя вкуса пищи. Она проголодалась, но ее внимание сейчас занимала помощь Призраку.

Лиам двигался осторожно. Темные круги оттеняли его глаза. Последние несколько ночей он патрулировал, охраняя их. Она знала, что Лиам не признается в этом, но он устал и страдал. Из-за нее. Из-за того, что он ее спас.

— Ты в порядке?

Его рот сжался.

— Тебе не нужно беспокоиться обо мне.

Она кивнула, все равно беспокоясь.

Лиам достал из рюкзака бумажную карту и несколько минут изучал ее. Сарай, в котором они укрылись, находился за пределами Ньюайго, чуть южнее границы Национального парка Манисти.

Он показал ей карту и указал на маленькую точку.

— I-31, I-196 и I-131 — это межштатные дороги, которые ведут на юг. Шоссе — плохая идея. Эшленд-сендер и Бриджтон находятся в стороне от шоссе, но они такие маленькие, что вряд ли там есть ветеринарная клиника. То же самое с Грантом, хотя он находится прямо на шоссе. До Эшленда около десяти миль. Похоже, он достаточно большой, чтобы там оказалось то, что нам нужно.

— А если там будет, как в Бранче?

— Далеко не все городки будут захвачены. Это зависит от их удаленности от населенных пунктов и автомагистралей, а также от того, как быстро жители осознают свою новую реальность и начнут что-то с этим делать. Вся эта местность — сельская. Нам может повезти. Осторожность превыше удачи.

— Но Призраку нужна помощь.

Он кивнул, поморщившись.

— Я знаю.

По крайней мере, со снегоходом им не нужно волноваться о расчищенных дорогах или вообще о дорогах.

— Сколько у нас осталось бензина?

— В баке почти пусто. Полагаю, всего на пятнадцать или двадцать миль. Нам нужно заправиться. Придется обогнуть Гранд-Рапидс и Каламазу и оставаться на объездных дорогах. По моим расчетам, мы все еще в ста тридцати милях от Фолл-Крика. С объездами

— больше.

При упоминании о доме у Ханна екнуло сердце. Она не выросла в Фолл-Крике, не маленький городок, расположенный в уголке юго-западного Мичигана, стал ее домом с тех пор, как восемь лет назад она вышла замуж за Ноа Шеридана и начала новую жизнь в качестве жены и матери.

Воспоминания о ссорах, слезах и хлопающих дверях эхом отдавались в ее голове. Все складывалось не лучшим образом. Но это не означало, что Ханна все еще не любила Ноа. Она едва помнила причины их ссор.

Рушащийся брак несколько не уменьшал ее всепоглощающей любви к сыну Майло. Она вспомнила, как в последний раз видела его в трехлетнем возрасте — большие темные глаза, черные волосы, завивающиеся вокруг ушей, пухлые щечки, которые она любила потискать, его чистый запах детской присыпки.

Ее внутренний компас всегда указывал домой, к ним.

Всегда.

Она сунула руку в карман куртки и нащупала компактный «Ругер Американ» 45 калибра. Успокаивающая, придающая уверенность тяжесть. Рюкзак она потеряла в библиотеке, но оружие у нее все еще при себе.

В первый раз она потерпела неудачу. Но Ханна твердо решила не повторять свою ошибку. Лиам согласился научить ее стрелять. В следующий раз она не будет колебаться.

Пайк все еще где-то там. Все еще охотится на них. Преследует, как смертельно опасный хищник. Настойчивый, упорный, неустрашимый.

Призрак ранил его. Но Пайк не из тех, кто легко сдается. Он вообще не собирался сдаваться.

Ханна Шеридан тоже не сдастся.

— Мы спасем Призрака. И потом домой. Я готова отправиться домой.

Глава 2

Лиам

День восьмой

Серый свет пролился в небо над деревьями, когда солнце взошло на востоке.

Тридцати четырехлетний Лиам Коулман в перчатках вцепился в ручки снегохода. Двигатель ревел в его ушах и грохотал под ним. Ледяной ветер обдувал его, но Лиам благодарен своему шлему, который защищал от самых сильных порывов.

Сотни заглушенных машин загромождали двухполосное шоссе. Слишком много возможностей для неприятностей. Слишком много способов оказаться в западне.

Лиам избегал самой дороги, но ехал параллельно ей вдоль гребня невысокого холма, примерно в пятнадцати ярдах по линии деревьев. Он ехал медленно, петляя между деревьями, опасаясь упавших веток, следя одним глазом за дорогой, а другим постоянно сканируя шоссе слева и справа, верхушки деревьев и оглядываясь назад.

Ханна сидела впереди него, его руки лежали по обе стороны от ее миниатюрной фигурки — изящной, если бы не ее раздутый живот. Призрак ехал в прицепе позади них.

Лиам расстелил под собакой несколько седельных одеял, которые нашел в сарае, и просунул еще одеяла между прутьями, обмотав их скотчем из своей сумки, чтобы они держались на месте и не пропускали ветер.

Но все равно это никуда не годилось для собаки, особенно раненой.

Позвоночник Лиам неприятно дергался. При подъеме и последующем переносе тяжелого животного на плечах у него затрещало что-то в пояснице. После окончания службы в отряде «Дельта», когда прыжки с вертолетов привели к разрушению нескольких дисков, он потерял часть здоровья.

Он все еще оставался сильным и подтянутым. На шаг или два медленнее, но он по-прежнему мог выполнять работу. Просто теперь это отнимало у него больше сил. И стоило ему дороже.

Шаткий снегоход нещадно бил по больным местам и синякам, оставшимся после битвы накануне вечером. Лиам устал и изможден, но истощение ему не грозило. Он мог обходиться всего несколькими часами сна за ночь. Переносить боль он тоже умел.

Он беспокоился о том, что они найдут в следующем городе. Точнее, что они там не найдут.

У них заканчивалась питьевая вода и еда. Беременная Ханна ела гораздо больше, чем он ожидал. Лиам знал, что ей это необходимо. Им обоим, прежде всего, нужно поддерживать энергию и температуру тела.

Они могли бы развести костер возле амбара и растопить снег, чтобы напиться, но это заняло бы больше времени и могло привлечь нежелательное внимание. Им обоим не терпелось отвезти Призрака к ветеринару. Но еще им просто необходимо найти припасы в следующем городе. Воду, еду и бензин.

Лиам заметил что-то на дороге впереди. Что-то не совсем правильное. Его пульс ускорился.

Он плавно затормозил, сохраняя между ними и дорогой две толстые сосны, и выключил двигатель.

— Почему мы остановились? — спросила Ханна.

Лиам не сразу ответил. Он снял шлем и повесил его на руль. Затем потянулся к своей сумке, достал бинокль из подсумка и осмотрел местность.

Дорога поворачивала на крутом повороте, скрывая то, что лежало впереди. Слева от дороги тянулась крутая канава глубиной десять-пятнадцать футов. За канавой деревья росли реже, поэтому Лиам выбрал эту сторону.

С правой стороны до самой обочины тянулся лес из густых, плотных сосен. Еще одна причина, по которой он избегал этой дороги. Лиам ненавидел деревья вблизи дороги. Слишком много мест, где могут прятаться враги. Одна эта мысль заставила его напрячься.

В ста ярдах к югу, прямо перед поворотом, две машины частично перекрыли дорогу. Они стояли под углом в сорок пять градусов, оставляя достаточно места для проезда одной машины, медленно и осторожно.

В отличие от других заблокированных автомобилей, заваленных нетронутыми снежными куполами, на этих машинах заметны следы вмешательства — снег примят вдоль бортов, на земле утрамбован грунт, чтобы скрыть свежие следы.

С этого ракурса он не мог видеть четко, но Лиам почувствовал несколько теней, спрятавшихся за машинами, поджидающих ничего не подозревающего путника.

— Что там? — тихо спросила Ханна.

— Засада.

Он передал ей бинокль и показал, что нужно искать.

Ханна изучила сцену, кивнула.

— Что нам делать?

— Объехать ее. Мы можем обогнуть противоположную сторону холма, найти путь через деревья и снова выйти на дорогу с другой стороны в ближайшие четверть или полмили.

— Хорошо. А что насчет засады?

— Что насчет нее?

— Разве мы не должны что-то сделать?

— Нет. — Лиам уже собирался убрать полевой бинокль и запустить двигатель, когда до них донесся гул другого двигателя.

Он прижал палец к губам. Ханна кивнула.

Лиам спустился с красной «Ямахи», помог Ханне слезть и присел за ней. Она охнула, присев на корточки и прислонившись к боку машины, чтобы сохранить равновесие.

Их ботинки тонули в снегу по колено. При дыхании в морозном воздухе поднимались белые клубы пара. Лиам поднял бинокль и посмотрел на дорогу к северу.

Через несколько мгновений показался потрепанный зеленый внедорожник «Шевроле Сильверадо» конца 1970-х годов, на зимней резине. Он ехал медленно, чтобы преодолеть глубокий снег и заглохшие машины, со скоростью около десяти миль в час.

Ханна ничего не сказала. Она не двигалась.

«Шевроле» еще больше замедлился, но не остановился. Водитель не развернулся и не поехал в другую сторону, как следовало бы. Лиам выругался под нос, когда грузовик попытался проскочить между двумя стоящими под углом машинами.

Две фигуры выскочили из-за дальней машины, стоявшей ближе всего к лесу. Оба оказались суровыми мужчинами в потрепанной одежде и с неухоженными бородами.

Они бросились на «Сильверадо», крича и размахивая бейсбольными битами. Первый бандит — белый парень в холщовой куртке цвета хаки и охотничьей камуфляжной зимней шапке-ушанке — дернул за дверь со стороны водителя. Тот, кто находился внутри, запер ее. Тогда Охотник ударил бейсбольной битой по стеклу. Оно разбилось.

Второй бандит, худощавый чернокожий парень в белой бейсболке, залез в разбитое окно, отпер дверь и дернул ее. Он вытащил водителя.

Водитель, пожилой белый мужчина, остуился и упал на колени в снег. Его вязаная шапка упала с головы, обнажив блестящую лысину и несколько клочков седых волос.

Третий бандит появился из-за второй машины из засады. Белый парень, крупный и крепкий, со светлой козлиной бородкой. Он обогнул заднюю часть грузовика и направился к пассажирской стороне.

Вытащил пожилую женщину, вероятно, жену старика. Козлобородый схватил ее за длинную седую косу и поставил на колени.

Она скорчилась на снегу, плача и умоляя сохранить ей жизнь. Лиам не мог разобрать точных слов на таком расстоянии, но суть он уловил

С другой стороны грузовика Бейсболка начал пинать старика. Тот свернулся калачиком на снегу, закрыв лицо руками, пытаясь защитить голову. Охотник забрался на сиденье грузовика и начал выбрасывать припасы. Сумки. Несколько рюкзаков. Куча одеял.

Крик старухи огласил воздух.

В груди Лиама зародился гнев. Его руки сжались в кулаки.

Ханна потянула его за руку.

— Ты должен помочь им.

— Нет, не должен, — сказал он хрипловато. — Мы не можем помочь всем нуждающимся.

— Я видела тела, которые ты оставил после себя в Бранче. Я знаю, что ты можешь сделать. Ты можешь им помочь.

Инстинкт подсказывал Лиаму избегать людей в любое время. Он был прирожденным одиночкой. Не ввязываться. Остаться в живых. Вернуться в свою изолированную усадьбу, где у него имелось или он мог изготовить все необходимое для выживания.

После Чикаго... он думал, что больше никогда не захочет общаться с другими людьми. Но когда встретил Ханну в лесу — потерянную, одинокую, беременную — совесть взяла верх.

Совесть снова возобладала над ним.

— У нас нет времени, — глухо проговорил он.

— Ты можешь сделать это быстро. Пять минут.

Он посмотрел на нее с поднятыми бровями.

— Пять минут?

Выражение ее лица оставалось серьезным, но в голосе слышался намек на юмор.

— Я засеку время.

Он мог это сделать. Он мог застрелить их за пять секунд или меньше.

Его пистолет лежал в кармане, а не в кобуре под курткой. Ему требовался быстрый доступ, если что-то пойдет не так. Винтовку он носил через плечо в пределах досягаемости.

Ему нужно экономить патроны. У него оставалось меньше двух магазинов для «Глока 19». Запасных магазинов для AR-15 не имелось вовсе. Его тактический нож «Гербер МК II» был пристегнут к бедру.

Он действовал особенно смертоносно, используя нож.

Лиам снова осмотрел местность, проверяя деревья, машины, ища что-нибудь необычное, что могло бы вызвать у него внутреннюю тревогу. Он никогда не упускал ничего из виду.

Все выглядело так, как и раньше. Ни у одного из трех нападавших при себе не было оружия. Никто больше не прятался в тени, поджидая в засаде добрых самаритян, пришедших на помощь пожилой паре.

Он мог сделать это быстро. Даже без патронов.

Дай этим животным еще несколько минут, и они бы убили пожилую пару. Они уже завладели имуществом своих жертв. Избиение совершалось просто ради забавы. Просто потому, что они могли.

Низкое, жгучее негодование наполнило Лиама.

Эти подонки — хищники. Они с рождения и до смерти останутся хищниками.

Лучше, чтобы их смерть наступила раньше, чем позже.

Глава 3

Лиам

День восьмой

— Оставайся здесь, — проинструктировал Лиам. — Держись за снегоходом.

Губы Ханны сжались в твердую линию. Она кивнула.

Он отстегнул AR-15 от перевязи, снял с предохранителя и передал Ханне.

— Стреляй в любого, кто появится. Когда вернусь, насвищу «С днем рождения». Не стреляй в меня.

— Ладно. Не переживай за меня.

Он повернулся лицом к дороге. На мгновение застыл, успокаивая колотящееся сердце, замедляя дыхание. Прислушался.

Вопли старухи. Крики и ворчание бандитов. Тупые удары ногами и руками. Более тихий шелест вечнозеленых сучьев, скрип веток вокруг него. В десяти ярдах позади в подлеске копошилось маленькое существо.

В воздухе витал сильный аромат сосны. Лиам держался по ветру, хотя вряд ли бандиты могли его учуять. Или услышать.

Он двигался быстро и бесшумно, перешагивая через поваленные бревна и низкие ветки, перепрыгивая с дерева на дерево, направляясь вниз к канаве. Снег под ногами лежал мягкий, и Лиам знал, как ступать, чтобы издавать как можно меньше звуков.

Пригнувшись, он соскользнул на дно канавы. В поясице затрещало. Он не обратил на это внимания. Находясь в не поля их зрения, он использовал местность как укрытие, подкрадываясь к бандитам сзади.

Быстро преодолел сотню ярдов. Лиам почти не чувствовал холода. Он сжал кулаки. Его кожаные перчатки были мягкими и эластичными, достаточно удобными для боя.

Звуки нападения становились все громче. Бандиты смеялись и бросали оскорбления. Крики о пощаде оставались без ответа.

Лиам ускорил шаг, но оставался бдительным и осторожным. Он оценил вероятное местоположение бандитов и свою близость к ним, выбирая наилучшее место для преодоления канавы.

Добравшись до нее, он начал действовать быстро. Лиам перемахнул через канаву, упираясь ботинками и используя руки, чтобы вскарабкаться на насыпь. На вершине присел за ограждением и осмотрел окрестности.

Он оказался в десяти ярдах позади бандитов. Они стояли справа от «Сильверато», припаркованного посреди двухполосного шоссе, обе двери стояли нараспашку.

Все трое нападавших возились с пожилой парой, стоя спиной к Лиаму. Две жертвы лежали на заснеженном асфальте, закрыв головы руками, скрючившись на боку.

Лиам обвел взглядом остановившиеся машины и обе обочины дороги, слева направо и снова слева — никаких других угроз. Только эти трое.

Адреналин забурился в его жилах. Он забыл о холоде. Забыл о своей усталости. Забыл обо всем, кроме поставленной задачи.

Лиам поднялся и перелез через ограждение. Он двигался бесшумно, переступая с пятки на носок. Вынул «Гербер» и держал его низко на боку.

Лезвие было крепким и острым. Рано утром он наточил его, пока охранял амбар.

Он крепко держал нож за рукоятку, обхватив ее большим пальцем, вместо того чтобы держать его вверх и подвергаться возможным травмам. Кроме того, так нападающему сложнее отобрать нож. Не то чтобы Лиам беспокоился о подобном с этими придурками.

Бейсболка находился ближе всех к нему. Он решил передохнуть от избиения и отошел, чтобы прикурить сигарету. Склонив голову, он поднял обе руки и обхватил сигарету у рта. Бейсбольная бита опиралась на открытую дверь грузовика. Вне его досягаемости.

Лиам бесшумно и быстро приблизился. Он подобрался к Бейсболке сзади, дотянулся до него ножом и одним мощным, эффективным движением перерезал ему горло.

Бейсболка издал хриплый булькающий звук. Сигарета выпала из его губ. Судорожно он потянулся рукам к своему горлу. Лиам отступил назад и дал ему упасть.

Двум оставшимся врагам потребовалась секунда, чтобы отреагировать. Лиам не стал

терять эту секунду.

Охотник вздрогнул, на его лице появилось изумленное выражение. Он начал поднимать свою бейсбольную биту, но Лиам уже несся на него. Он ударил бандита в грудь и впечатал его в бок «Шевроле». Охотник издал полный боли вопль.

Третий враг сейчас тоже отреагирует, все его нервные окончания сработают, и в любую секунду он кинется на Лиам. Ему нужно действовать быстро.

Охотник колотил его по ребрам. Лиам принимал удары. Охотник пытался оттолкнуть его, отпихнуть, чтобы иметь возможность нанести хороший удар, используя бейсбольную биту.

Лиам не позволил ему. Он поднял нож и ударил врага по горлу, перерезав сонную артерию. Быстро отступил назад, но струя крови из артерии все равно попала в него.

Охотник сполз вниз по борту грузовика, барахтаясь и задыхаясь. Он умрет через несколько минут.

— Эй! Что за черт!

Лиам повернулся лицом к последнему бандиту.

Враг стоял в десяти футах от него, стальная бейсбольная бита стиснута в обеих руках. Здоровяк с козлиной бородкой. Он выглядел как настоящий зверь. В его ударе таилась огромная сила. Один хороший удар, и он мог проломить Лиаму череп, разнести мозги.

Взгляд Козлиной Бородки метался от Лиам к его мертвым друзьям и снова к Лиаму. Его маленькие глазки-бусинки вспыхнули яростью и ненавистью.

— Я убью тебя, гнида...

Лиам не дал ему времени закончить оскорбление. Действие всегда побеждало реакцию. Он не собирался давать придурку шанс напасть. Лиам напал первым.

Он мысленно видел точки нанесения ударов, углы атаки, артерии, которые следовало перерезать: подключичная, сонная, аортальная, плечевая, лучевая. Бедренные артерии на внутренней стороне каждого бедра оставались незащищенными с наибольшей вероятностью.

Именно туда Лиам целился в первую очередь.

Он бросился на врага. Лиам опустил плечи и ринулся на Козлиную Бородку. Вместо того чтобы ударить его головой в брюхо, он нанес жестокий удар ножом и уклонился влево. Два быстрых, закрученных, жестоких пореза.

Козлиная Бородка высоко замахнулся, целясь в то место, где должна быть голова Лиам. Но головы Лиам там уже не оказалось, и у бандита не хватило времени, чтобы скорректировать удар. Бейсбольная бита пролетела прямо над головой Лиам — так близко, что ветер растрепал его волосы.

Лиам перекатился и быстро поднялся на ноги, подняв нож. Он развернулся лицом к Козлиной Бородке.

Бандит повалился на колени. Ярко-красная кровь хлынула из двух ран, по одной в каждом бедре. Кровь стекала по его ногам и падала в снег.

Он уставился на Лиам с выражением чистого немомого шока на лице.

— Ты... ты порезал меня.

Он пытался ухватиться за бейсбольную биту, чтобы с ее помощью подняться на ноги, но конечности быстро перестали слушаться его. Он поскользнулся, скользил и барахтался в алом снегу. Пытался выкрикивать оскорбления, но вместо них получались мучительные стоны.

Лиам сильно ударил его ногой в грудь. Последний из трех бандитов упал на спину.

Лиам отшвырнул бейсбольную битку. Она покатилась, отскочила и остановилась под передним пассажирским колесом «Шевроле».

Козлиная Бородка дрыгал ногами. Еще больше крови стекало на снег. Он уже весь покрылся ею. Он открыл рот, задыхаясь, как умирающая рыба.

Чтобы умереть, ему понадобилась минута или меньше.

Лиам двинулся в сторону грузовика.

Старушка неуверенно встала и, пошатываясь, прошла по снегу к мужу. Она опустилась на колени, обхватила его своими хрупкими руками и помогла сесть.

Обернулась, чтобы посмотреть на Лиама. Ее тонкие губы были разбиты и кровоточили. Вдоль челюсти уже расцветал синяк. Сначала в ее глазах появился страх, как будто она подумала, что он убил бандитов только для того, чтобы затем угнать их грузовик.

— Я здесь не для того, чтобы причинить вам вред, — сказал он хрипловато.

— Спасибо, — поблагодарила она дрожащим голосом. — Вы спасли жизнь моему мужу.

Старик пошатываясь поднялся на ноги. Кровь запеклась в трещинах и ранах на его лице и ключьях седых волос. Длинный кровавый кровоподтек украшал лоб. Он прижимал раненую руку к ребрам.

Лиам встал на колени в снег, зачерпнул горсть и использовал ее, чтобы очистить от крови лицо и руки, брызги на куртке. Он стер кровь со своего ножа и убрал его в ножны.

— Вам следует найти врача. Чтобы он посмотрел руку.

— Как мы можем отблагодарить вас? — спросил мужчина. — Мы можем заплатить. У нас есть деньги.

Лиам встал и сплюнул в снег. Выброс адреналина ударил по нему, ноги затряслись.

— Никакой оплаты не требуется. Не говорите никому, что у вас есть наличные. Они еще пригодятся.

Он поднял мешки, чемодан и одеяла и закинул их в кузов грузовика. Упаковал все под брезент.

Протянул пожилой женщине руку. Она тяжело оперлась на него. Она ослабла, дрожала от холода. Лиам помог ей устроиться в грузовике.

Они продолжали горячо благодарить его, но ему от этого становилось еще более неловко. Лиам не любил похвалу. Он просто хотел закончить дело и двигаться дальше.

Он оставил тела там, где они лежали. Пусть их трупы гниют на дороге. Пусть служат предупреждением следующим никчемным соплякам, которые возомнили, что могут охотиться на слабых без последствий.

Лиам соскользнул в канаву и вскарабкался на другую сторону, его ботинки немного скользили на снегу. Тяжело дыша, он поднялся на холм и вернулся к снегоходу. Насвистывая «С днем рождения», он предупредил Ханну о своем приближении.

Позади него двигатель «Сильверадо» взревел и зарычал. Оглянувшись назад, он увидел, как грузовик проехал через преграду и продолжил свой путь.

Лиам хотел, чтобы они доехали. Но это вовсе не означало, что они доедут.

— Сколько прошло времени? — спросил он Ханну.

Она поднялась на ноги и протянула ему AR-15. Задрав рукав слишком большой куртки, она притворилась, что смотрит на невидимые часы на запястье.

— Примерно три минуты на бой, десять минут на общение. Если тебе нужно точное время, следовало оставить мне свои часы.

Он снова прикрепил винтовку к двухточечной перевязи и взвалил на плечи свой рюкзак.

— Я торопился, помнишь?

Она слегка покачала головой, соглашаясь.

— Ага.

Ханна еще не разу не улыбнулась с тех пор, как он встретил ее, но ее глаза стали ярче. Она превращалась из трусливой, робкой женщины, которую он нашел полумертвой в лесу, в нечто другое.

Лиам еще не знал во что. Возможно, она и сама не знала.

Ханна посмотрела на дорогу, на тела, распластанные перед машинами из засады. Их почти не было видно сквозь деревья.

— Ты убил их.

— Ты знала, что я это сделаю.

Он ждал ее осуждения, ее критики. Гражданские не понимали, что к чему. Слишком многие из них нашли самоуспокоение и комфорт в своем иллюзорном пузыре безопасности и отказывались видеть реальность такой, какая она есть.

Они не хотели знать, что хорошим людям приходится сражаться и умирать, чтобы обеспечить им эту иллюзию.

— Они бы причинили вред кому-нибудь другому, как только мы бы уехали. — Она пожевала нижнюю губу, раздумывая. — Их нужно было убить.

Он моргнул, удивленный.

— Да.

Большинство людей все еще не понимали. Как только самолеты начали падать с неба, он понял.

Мир изменился в одно мгновение. Тот, кто этого не осознал, просто обречен.

Ханна, казалось, поняла это. То, через что она прошла... она понимала, как все может перевернуться с ног на голову и вывернуться наизнанку в один миг. Некоторые люди порочны до глубины души, и единственное, что их останавливает, — это пуля между глаз и могила на глубине шести футов.

Она наблюдала с минуту, изучая его.

— Ты убьешь еще больше людей.

— Некоторые люди заслуживают смерти.

— Но не все, кого мы встречаем.

— Если только они этого заслуживают.

— Хорошо. — Она кивнула сама себе. — Если они этого заслуживают.

Лиаму не нравилось убивать. И он никогда не любил это. Но он не уклонялся от выполнения задачи, когда требовалось. Он нес это бремя, потому что солдат должен это делать, даже если он больше не носил форму.

Он ступал по тонкой грани. Каждый день, каждый бой, каждое убийство. Такой же холодный и дикий, как и его враги, шаг за шагом. Суровый, но не жестокий. Пройти по краю ямы, не упав в нее. Не становясь одним из них.

Выражение лица Ханны смягчилось. Ее зеленые глаза ярко блестели в зимнем свете. Слабые веснушки усыпали ее нос.

— Я знала, что ты поможешь.

По какой-то глупой причине Лиам хотел отрицать ее слова, но не позволил себе этого.

— Откуда?

— Потому что ты хороший человек.

Он думал о Чикаго. О всех своих ошибках. О людях, которых подвел.

— Я бы не был так уверен.

Уголки ее губ дрогнули.

— Возможно, ты просто еще не до конца понял это.

Позади них жалобно заскулил пес.

Ханна напряглась.

— Призрак.

Беспокойство пронзило его. Лиам схватил свой шлем и передал Ханне ее. Он устроился на сиденье и завел двигатель. Тот взревел с громким рыком.

— Мы все еще в пяти милях. Мы не остановимся ни перед чем и ни перед кем.

Ханна кивнула и натянула свой шлем.

Глава 4

Пайк

День восьмой

Гэвин Пайк отчаянно хотел закурить все то время, пока испуганный, дрожащий врач работал над его раненой рукой. Его легкие жаждали сладкого аромата гвоздики, глубокого удовлетворения от вдыхания дыма, приятного ритуала, который позволял успокоить расшатанные нервы.

Но он не мог. Не сейчас, когда док занимается его левой рукой, а он держит пистолет в правой руке у головы доктора.

С этими людьми из маленького городка никогда нельзя предугадать. Никогда не знаешь, когда в их дремучие черепа могут закрасться глупые мысли о героизме. Как будто его убийство поможет вернуть им электричество, машины, телефоны и теплые, безопасные дома.

Их старый мир рухнул, разлетелся к чертям.

Безопасности больше не существовало. Ни для кого.

Пайку, однако, это нравилось.

Он провел всю свою жизнь, совершенствуя свои маски, создавая маскировку, создавая камуфляж. Он стал никем. Тихий и неприметный, со своими светлыми волосами, среднего роста, среднего телосложения и тусклой улыбкой. Совершенно незаметный.

Дело заключалось не только в его банальной внешности. Его семья, работа, увлечения — все эти «нормальные» характеристики ослепляли людей, не позволяя им увидеть правду, обращенную к ним.

Его ночная смена в качестве офицера исправительного учреждения округа Берриен. Часы работы добровольцем-резервистом на ярмарках и парадах. Обязательства перед строгой матерью, роль всегда послушного сына. Страдания на нудных заседаниях совета и жалких семейных ужинах. Его терпение по отношению к своему невыносимому брату Джулиану и его столь же ненавистному лучшему другу Ноа Шеридану.

Но все это требовало времени, усилий и невероятного количества энергии.

В мгновение ока страна вернулась на сто пятьдесят лет назад. Назад на Дикий Запад. В темные времена.

В те времена, когда хищник мог охотиться, не беспокоясь о компьютерных базах данных, программах распознавания лиц, образцах ДНК или командах агентов ФБР, идущих по следу.

С разрушением сети все это исчезло. Он мог путешествовать из города в город, из округа в округ, из мегаполиса в мегаполис, из штата в штат.

Никаких цифровых следов, по которым кто-то мог бы пойти. Никаких следов ДНК чтобы прижать его к пресловутой стене.

Он свободен. Совершенно свободен делать все, что хотел, с кем хотел, когда хотел и как хотел. Совершенно не привязан к современному миру законов и правил, полицейских государств и тирании.

Манящая перспектива привлекала. Его новое будущее поражало бесконечными возможностями.

У него осталась только одна проблема. Одна проблема, которая никак не хотела исчезнуть, как шип в ноге, незаживающий порез, раздражитель, непрерывно царапающий глазное яблоко.

Девка. Та, которая сбежала.

Единственная.

Он мог просто о ней забыть. Он мог позволить ей бежать домой и рассказывать любые истории, какие она пожелает, кому пожелает. Ему больше не требовалось возвращаться в пределы Фолл-Крика.

Он мог рыскать по стране, собирать кровавую жатву, которая ждала его, созрев для сбора. Каждый день новая жертва, если он захочет.

И он это сделает. Так и будет. Но ни за что на свете он не отступит.

Гэвин Пайк не проиграл. Ни игру, ни бой, ни жертву. Ни разу. Он не собирался начинать с нее. Этот робкий маленький воробей. Эта трусливая мышка.

Она принадлежала ему. Она полностью его. То, что она носила в себе, тоже принадлежало ему.

Свежая ярость пронзила его, сжигая внутренности, доводя до иступления, ненависти и желания. Он не мог успокоиться, пока не отомстит.

Пока не сокрушит каждую изящную косточку в ее теле.

— Ты уже все закончил? — рявкнул он на дрожащего доктора.

Врач наложил повязку и закончил обматывать его левое предплечье.

— Многослойная защитная одежда и толстая кожа пыльника спасли вашу руку от серьезных повреждений. Раны от укусов в основном поверхностные, с небольшими разрывами мышц и без видимых повреждений связок. Тем не менее, вам нужен отдых...

Пайк вырвал руку из рук доктора. Пожилому старику на вид было за семьдесят. Тонкие пучки седых волос ореолом окружали его лысую голову, сгорбленные плечи, руки, покрытые пигментными пятнами.

— Я буду дышать, когда умру.

А это никогда не случится, если Пайк будет в состоянии этому помешать.

Доктор нервно посмотрел на «Берретту» Пайка.

— Вы сказали, что отпустите меня. Я сделал то, что вы просили.

— Так и есть. Я благодарю вас за это. — Пайк соскользнул со стола для осмотра. Он сделал два шага назад к двери. Его одежда лежала аккуратной стопкой на стуле. Его винтовка «Винчестер 70» стояла прислоненная к стулу. — Однако, все еще больно, черт возьми.

Он посмотрел на свой новый пистолет, «Беретту» F92. Он всегда ценил хорошие пистолеты «Беретта» F-серии. Уникальный затвор с открытым стволом придавал пистолету

особый вид. Пайку нравился его размер. Пистолет хорошо ложился в руки.

Он хотел испытать его.

Доктор прочистил горло.

— Я могу дать вам опиаты, но не смогу полностью снять боль.

Пайк поднял пистолет одной рукой и нацелил его в грудь доктора. Снял с предохранителя.

— Это прискорбно.

Лицо доктора побледнело. Его воспаленные карие глаза расширились. Он поднял дрожащие руки.

— Я сделал то, что вы просили! Пожалуйста, не убивайте меня! У меня есть сын! У меня есть внук...

Пайк выстрелил. На таком расстоянии ему не требовался двуручный хват. Промаяхнуться просто невозможно.

Доктор замер на мгновение, потрясенный. Он посмотрел вниз на себя, на красное пятно, расползающееся от центра его свитера цвета морской волны. Схватившись за грудь, он опустился на колени.

Возможно, он произнес бы последние слова, но Пайк уже перестал обращать на доктора внимание.

Он надел нижнюю рубашку с длинными рукавами, два свитера и куртку, кожаный пыльник, доходящий до колен. Затем натянул перчатки, шарф и шапку. Взял «Оксиконтин», украденный им ранее у мародеров, и сунул пузырек с таблетками в левый карман.

В библиотеке он потерял свой боевой нож «КА-БАР» и пистолет «Зиг Зауэр» P320. Однако он забрал «Беретту» 92F у бедняги, который привел его к врачу. И, конечно, вернул себе «Винчестер Фезервейт» калибра.270 с оптическим прицелом «Найтфорс» SHV 3-10x42 мм.

Тот гаденыш также пожертвовал Пайку свой старый снегоход «Ски-Ду», как раз в тот момент, когда Пайк выстрелил ему между глаз. Снегоход ждал его прямо у клиники.

Он спрятал «Беретту» в карман плаща и перекинул винтовку через плечо. Оставив доктора умирать в смотровой, он прошел через клинику к входной двери.

Стекло двери разлетелось вдребезги. Пайк перешагнул через разбитое стекло и на мгновение остановился под навесом. Небо выглядело серым и унылым. Уже спускались сумерки. Потребовалось больше времени, чем он ожидал, чтобы найти врача и получить надлежащую медицинскую помощь.

Похолодало. Но холодно всегда. Его беспокоил снег. Пока не шёл снег, он не переживал.

Он достал из кармана пальто зажигалку «Зиппо» и пачку своих любимых гвоздичных сигарет «Джарум Блэк», купленных через Интернет в одном из магазинов Индонезии. Гвоздичные сигареты находились под запретом в США. Он не смог бы найти их в магазинах ни в одном штате.

Эта мысль привела Пайка в ярость. Его не волновала потеря доставки через «Амазон Прайм» или просмотра «Нетфликс». А вот по этим вещам он будет сильно скучать.

Раздраженный, он щелкнул крышкой «Зиппо», чтобы успокоить нервы. Щелк, щелк, щелк. Это был успокаивающий, повторяющийся звук из его раннего детства. Звук, который он когда-то ненавидел, но научился любить. Так же, как щелчки и треск, которых он жаждал.

История стара и банальна как мир. Отец, который любил много пить и курить. Который

получал удовольствие от живой груши для битья, когда напивался и дымил как паравоз.

Он питал определенную привязанность к зажигалкам «Зиппо», гвоздичным сигаретам и насилию. Три подарка, которые отец передал своему сыну — перед тем, как уехать в неизвестные края, когда Пайку стукнуло семь.

Пайк никогда не скучал по своему отцу. Он никогда ни по кому не скучал.

Он зажег сигарету, глубоко вдохнул и выпустил полный рот дыма. Холод обжег его ноздри, когда он вдохнул сладкий аромат. Щелк, щелк, щелк.

Пока курил, он изучал город. Толстое снежное одеяло покрывало все вокруг. Покосившиеся, пустые здания. Повсюду виднелись следы обуви. Полосы, брызги и лужи крови на снегу рассказывали о тяжелой, отчаянной ночи.

Кроме трупов, ни одна живая душа не осмеливалась пройти по Главной улице. Мародеры и бандиты исчезли с рассветом, уползая в свои норы, которые они называли домом.

Пройдут годы, прежде чем жители Бранча оправятся от последствий прошлой ночи, если вообще оправятся.

Не то чтобы Пайка это волновало.

Крошечный клочок Бранча представлял собой прыщик на заднице Национального леса Манисти.

Пайк бросил окурок на снег, не потрудившись затоптать его ботинком. Он сунул зажигалку в карман, направляясь к своему недавно приобретенному снегоходу. Снегоход стоял заправленный и готовый к движению.

Он медленно ехал по городу, разглядывая утоптаный снег, читая историю, которую тот мог рассказать. На поиски у него ушло меньше часа. Одиноким след снегохода, ведущий на юг с окраины города мимо библиотеки, за ним — сглаженные края следов санного прицепа.

Он нашел их. Или, по крайней мере, след из хлебных крошек, который они оставили.

Девка, солдат, собака.

Он мечтал убить каждого из них, медленно и мучительно, одного за другим.

Пока не пошел снег, он мог идти по их характерным следам. Пока нет снега, он найдет их.

Пайк знал их конечный пункт назначения. Он собирался уничтожить их задолго до того, как они туда доберутся.

Даже если он никогда больше не переступит порог Фолл-Крика, ему нужно сохранить свою репутацию. На всякий случай. У Гэвина Пайка всегда имелись планы, запасные ходы и резервы на случай непредвиденных обстоятельств. Именно так ему удавалось оставаться незаметным все эти годы.

Кроме того, ему нравилось слепое обожание матери. Ему нравилось думать о Ноа Шеридане, все еще оплакивающим свою маленькую потерянную жену. Глупый и доверчивый дурак, совершенно не ведающий правды.

Что касается Фолл-Крика, то он предпочел бы оставить все как есть.

Пайк запустил двигатель и рванул с места, выслеживая свою добычу. Охотясь на нее.

Холод и боль в руке взбодрили его. Она тупо пульсировала в такт пульсу, напоминая ему о том, что и кому он должен.

Завтра к этому времени девка, солдат и собака будут мертвы. Он сделает все, чтобы это свершилось.

Глава 5

Лиам

День восьмой

Лиам не сразу направился в город Эшленд. Он проехал на снегоходе через несколько полей, окружающих город, не торопясь, чтобы оценить обстановку, прежде чем решиться войти туда.

Время от времени он останавливался и осматривал окрестности. Местность была ровной, и здания часто загораживали ему обзор. Невозможно выбрать хорошую точку обзора.

Насколько он мог судить, все в городе спокойно. Поскольку центральная улица оказалась хорошо расчищена, чтобы сделать проезд по ней свободным, у них работала снегоуборочная машина. Заглохшие машины стояли на обочине среди сугробов высотой с сами машины.

Несколько человек пробирались по тротуарам через снег высотой по колено, куртки плотно застегнуты, капюшоны надвинуты на голову, руки в перчатках засунуты глубоко в карманы. Возле продуктового магазина образовалась очередь. Еще одна — у аптеки и хозяйственного магазина.

Он не видел разбитых витрин или признаков мародерства. Ничто не внушало опасений.

Они припарковали снегоход на краю линии деревьев на окраине города. Это означало мило пути на снегоступах, но Лиам не хотел рисковать угоном снегохода. Он срубил несколько сосновых сучьев и спрятал машину как можно лучше.

С неохотой он оставил и AR-15. Тщательно запрятал винтовку в нескольких ярдах от снегохода. Он не хотел привлекать излишнего внимания. А AR-15 привлекала много внимания.

Ханна проверила Призрака. Он все еще плохо соображал, его зрачки сильно расширились. Она заставила его выпить немного воды из походной миски, но на этом все. Пес с жалобным стоном улегся в прицепе. Он смотрел на них, его карие глаза умоляли.

— Мы не оставим тебя, — прошептала Ханна. — Мы идем за помощью. Оставайся здесь, и мы скоро вернемся, я обещаю.

Лиаму тоже не нравилось оставлять Призрака на произвол судьбы, но если нести массивную собаку, то руки будут заняты и не смогут держать оружие. Это не вариант.

— Ты должна ждать здесь с Призраком, — сказал он Ханне.

Ханна покачала головой.

— Я пойду с тобой. Я могу тебе понадобиться.

— Не понадобится.

— Ты этого не знаешь.

— Знаю.

Она упрямо вздернула подбородок.

— Лжец. Я помогла с Сиси. Она бы застрелила тебя, если бы не я.

Лиаму сдавило грудь.

Ханна напряглась, как будто заново осознавая, что Сиси погибла, и как. Слезы навернулись ей на глаза.

Воспоминания о Сиси причиняли им обоим боль. Суровая старуха чуть не выпотрошила их картечью, но вместо этого приютила. Она оказалась очень доброй и щедрой.

Пайк оплатил за эту доброту, выследив их до ее дома в Национальном лесу Манисти и убив.

Пайка ждала медленная и невероятно мучительная смерть, когда Лиам наконец настигнет его.

Лиам обещал Ханне это. И он собирался сдержать обещание.

— Ханна...

Она отмахнулась от него. Ханна смотрела на запад, на далекую кучу деревьев, ее рот беззвучно двигался. Она занималась подсчетами — тем, что делала, чтобы снова обрести контроль над собой.

Лиам ждал.

Через мгновение она глубоко вздохнула, вытерла глаза тыльной стороной предплечья и вновь обрела самообладание.

— Я в порядке.

После этого он не смог ей отказать.

Лиам и Ханна пошли вместе. Они вошли в город и обошли здания вдоль центральной улицы. Они старались держаться сами по себе, избегая небольших скоплений людей, которые он заметил ранее.

Все его чувства находились начеку, он постоянно сканировал окрестности в поисках неприятностей. Следил за переулками между зданиями, за окнами и дверными проемами, за крышами.

Правую руку он держал в кармане, сжимая пальцами рукоятку «Глока». Лиам не хотел казаться угрозой для горожан, но он ни за что на свете не собирался никуда идти без оружия в руках.

Ханна держалась рядом с ним, задыхаясь от холодного воздуха, одна рука лежала на животе. Она легко уставала, хотя и не жаловалась. Она едва оправилась после нападения в библиотеке, и это выбило из нее слишком много сил.

Ему не нравилось брать ее с собой на потенциально враждебную территорию. Еще меньше ему нравилась мысль оставить Ханну одну.

В прошлый раз Пайку удалось подобраться слишком близко. Лиам думал, что защищает Ханну; вместо этого он позволил сбить себя с пути, поддавшись на уловку. Самый старый трюк в мире.

Он стал мягким? Потерял хватку? Неужели горе и оцепенение ослепили его?

Первый день ЭМИ украл у него все, что он когда-либо любил — его брата, Линкольна. Его невестку, Джессу. Его племянника.

По крайней мере, он смог оставить мальчика с бабушкой и дедушкой по материнской линии, но теперь у него не осталось ничего. Ничего, кроме своей чести. И его миссия — доставить беременную женщину домой в Фолл-Крик, а затем убить садиста-психопата, охотящегося за ней.

После этого ничто не имело значения. Весь этот чертов мир мог рухнуть в пропасть, как умирающая звезда, и ему плевать. Мир может сгореть дотла.

Лиам нащупал в кармане куртки второй предмет, лежащий рядом с «Глоком». Маленькая вязаная шапочка. Серо-зеленые полосы, как раз подходящий размер для новорожденного.

Он держал ее при себе как напоминание о том, что потерял, кого оставил.

Раскаяние и сожаление угрожали задушить его. Он загнал эти эмоции глубоко внутрь. Ему нужно сосредоточиться.

Он хотел ускориться, но Ханна не могла идти так быстро. Лиам замедлил шаг, чтобы

подстроиться под ее походку, не сводя с нее глаз.

Сначала они ничего не увидели. Они продолжали искать, продвигаясь вглубь города. Он снова сканировал улицу, заглядывая в окна, изучая здания.

Заправочная станция стояла темная и пустынная. Также, как и химчистка, цветочный магазин, парикмахерская и автомастерская.

Ханна взяла его за руку и указала. В квартале от автосервиса, между несколькими офисными помещениями. Клиника для животных «Лапы и когти». Будет ли там ветеринар — это другой вопрос.

Через несколько минут они добрались до задней части клиники. Лиам обогнул огромный мусорный контейнер, покрытый двумя футами нетронутого снега. Ханна шла по его следам прямо за ним.

Задняя дверь клиники была подперта камнем.

Лиам остановился. Ханна тоже замерла. Она не произнесла ни слова и не задала ни одного вопроса. Он даже не слышал ее дыхания. Она знала, когда нужно помолчать.

Адреналин зашкаливал, и Лиам напряг слух, прислушиваясь к любым звукам внутри клиники.

Ничего.

Возможно, тот, кто проник внутрь, уже давно ушел. Лиам изучил отпечатки вокруг двери. Несколько дорожек, ведущих в разных направлениях. Возможно, здесь уже все разграбили, а может, это следы сотрудников клиники.

Неизвестно, хотя он сомневался, что сотрудники оставили бы заднюю дверь открытой.

Быстро сняв снегоступы, он оставил их Ханне. Жестом попросил ее оставаться на месте, пока он обследует здание. К счастью, она послушалась.

Каждый мускул напрягся, Лиам перехватил рукоятку пистолета и достал его из кармана. В магазине имелось семнадцать патронов — всего восемнадцать.

У него оставалось еще два полных магазина после конфискации патронов из 9-мм пистолетов, которые он забрал у бандитов в Бранче.

Лиам прокрался внутрь. В темноте вырисовывались только очертания. Везде царил непроглядная тьма. Он не хотел пользоваться фонариком, пока не проверит все вокруг.

Дав глазам минуту на адаптацию, он вошел в длинный коридор, стены которого выкрашены в бежевый цвет и оклеены фотографиями любимых питомцев, а бетонный пол покрыт блестящей эпоксидной смолой для легкой уборки.

Несколько дверей вели в небольшие комнаты со смотровым столом из нержавеющей стали, раковиной и стойкой, а также скамейкой для владельцев животных. Все помещения оказались пустыми. В воздухе пахло влажной шерстью животных и антисептиком.

Пара окон давали слабый, сизоватый свет. Лиам заглянул в прямоугольное стекло распашной двери, ведущей в приемную — два десятка стульев, выстроенных вдоль стены, стойка администратора с блоком пустых компьютерных мониторов.

Впереди послышался шум. Приглушенный скребущий звук.

Лиам поднял пистолет, сжал его в двуручном хвате и бесшумно скользнул по второму затемненному коридору. Его мокрые ботинки издавали мягкие хлюпающие звуки по полу. Он замедлил шаг, ставя каждую ногу с огромной осторожностью, приближаясь к комнате.

Наконец он добрался до открытой двери слева. Из комнаты исходил белый свет. Лиам прижался к стене, поднял пистолет и быстро повернулся в дверной проем. Окинул все взглядом.

Это была хирургическая комната — стол из нержавеющей стали, тележка с десятками металлических инструментов, шкафы с бинтами, лекарствами, иглами и другими принадлежностями.

Несколько дверей шкафов висели открытыми. Несколько полок уже опустели, но большинство лекарств осталось.

Мужчина стоял к нему спиной. Он тянулся к шкафу. Фонарик светил в потолок. Винтовка лежала на стойке перед ним рядом с многоразовой сумкой для покупок, наполненной бутылочками с таблетками.

Вор.

Лиам прицелился в затылок мужчины и переместил палец со спусковой скобы на курок.

Глава 6

Лиам

День восьмой

У Лиама сдавали нервы. В глубине души он хотел нажать на курок и покончить со всем. Этот человек был вором, подонком. Врагом. Лучше бы он умер, как те трое бандитов, которых он убил этим утром.

Однако он колебался. Опять его проклятая совесть.

— Разворачивайся медленно и аккуратно, — велел Лиам.

Мужчина обернулся, лицо его исказилось от удивления и страха. Одна рука зависла над стойкой, нащупывая приклад винтовки.

— Не советую. — Если он хотя бы дернется, Лиам выстрелит в него сразу же. — Я больше не буду тебя предупреждать.

Мужчина поднял руки вверх, в его левой руке находилась белая бутылочка с таблетками. Это был худой мужик лет сорока, с хлипкими светлыми усами и очками, сползающими на переносицу. В застегнутом на все пуговицы бушлате он выглядел одетым не по погоде.

Мужчина облизнул потрескавшиеся, обветренные губы.

— Не стреляйте! Пожалуйста! Не стреляйте в меня!

— Назови мне хоть одну причину не делать этого.

— Я могу объяснить, — заикался Бушлат. — Мне просто нужны антибиотики для моей жены. У нее бронхит от холода, а у нас нет ни рабочей машины, ни возможности проехать через весь этот снег, чтобы добраться до больницы.

— Ты воруеть.

— Не у тебя! — воскликнул Бушлат. — Я знаю доктора Лауде, ясно? Я знаю секретаршу и Джейн Смит, ветеринарного техника, тоже. Я работаю в хозяйственном магазине через дорогу.

— Ты знаешь их так хорошо, что ждал, пока они уйдут, чтобы обокрасть своих знакомых?

Лицо мужчины побледнело. В глазах появились темные круги. Его нос покраснел. Он выглядел замерзшим, больным и измученным.

— Мне жаль, хорошо. Мне жаль. Я не... я не вор. Я даже не жульничаю с налогами. Но в аптеке принимают только наличные, а у нас ничего не осталось. Мы использовали все, что у нас было, на закупку продуктов три дня назад. Эта еда тоже уже закончилась. Я не знаю, что нам делать.

Шаги за его спиной. Взгляд мужчины переместился с Лиама на что-то за его плечом.

Лиам напрягся, прежде чем распознал медленную шаркающую походку.

— Не убивай его, — сказала Ханна.

— Я же просил тебя ждать, — проговорил он, не сводя глаз с пугливого вора.

Ханна подошла к нему.

— Я не собака, — мягко заметила она. — Я услышала голоса. Вот и вошла. Я была осторожна.

Лиам покачал головой в разочаровании.

— Ты могла попасть в перестрелку.

— Ты явно держал все под контролем.

— Дело не в этом. — Он чувствовал себя как родитель, читающий нотации непокорному ребенку — не то чтобы Лиам знал, что это такое, но предполагал, что это не менее раздражает. — Встань позади меня.

Она не послушала.

— Ты не обязан убивать каждого встречного. Мы говорили об этом.

Широкие, испуганные глаза Бушлата метались между ними, смятение и страх уступили место ужасу от ее слов. Его ноги затряслись.

Лиам закатил глаза.

— Вот почему он еще не умер.

— Мы не собираемся стрелять в тебя, — пообещала Ханна. — Нет, если ты не представляешь опасности для нас или других.

— Кто сказал? — пробормотал Лиам.

Бушлат тревожно переводил взгляд с Лиамом на Ханну и обратно, не зная, кому верить.

Лиам не опустил пистолет и не снял палец со спускового крючка.

— Я не представляю опасности, честно, — умолял Бушлат. — Моя жена не выживет без меня. Я нужен ей. Пожалуйста.

— Лиам. — Ханна положила руку на бицепс Лиамом.

Ему хотелось стряхнуть ее, отмахнуться от Ханном, как от мухи, но он сдержался.

— Что? — прорычал он.

— Он идиот, а не убийца. — Ханна подошла к стойке, обогнув вора на случай, если он попытается схватить ее. Она взвела винтовку своей здоровой рукой и вернулась, чтобы встать рядом с Лиамом.

Положив длинное ружье на руки, она прижала его к округлившемуся животу и повернулась к трусящему мужчине с суровым выражением лица.

— Скажи нам свое имя. Кто ты?

Мужчина не поднимал взгляда. Дрожа, он уставился на сапоги Лиамом.

— Меня зовут Деннис. Деннис Рейнольдс. Мне... мне стыдно, ясно? Никогда не думал, что окажусь в такой ситуации. Я в таком отчаянии, что краду у знакомых. Но моя жена... я не знаю, что еще делать. У нее сильный кашель. И у нее жар... Мы накрылись всеми одеялами в доме. На нас три или четыре слоя одежды, пять пар носков, все.

— У вас нет камина? — спросила Ханна.

— Он электрический. — Бушлат — Деннис — выглядел смущенным. — Мы не хотели возиться с дровяным камином. Я думал, что это слишком грязно, слишком много работы.

— Есть ли в вашем городе приют на случай чрезвычайной ситуации? Куда бы вы могли пойти? — Голос Ханном звучал мягко и успокаивающе. Почти расслабляюще. Паникующая, обезумевшая от страха женщина, которую Лиам насильно разбудил от кошмаров только

сегодня утром, исчезла.

Деннис жалобно покачал головой.

— В нескольких церквях и общественном центре еще есть генераторы, но они принимают только семьи с детьми. Они все переполнены. Прошло уже восемь дней. У них заканчивается топливо. Сначала люди проявляли заботу и помогали друг другу. Но в последние пару дней... продуктовые магазины опустеют к завтрашнему дню, говорят люди. Мы не слышали ничего, кроме экстренных сообщений. Никто не пришел на помощь.

Ханне стало жаль этого болвана. Лиам видел это по ее лицу, по мягкости в ее глазах.

Плечи Денниса опустились.

— Я просто пытаюсь спасти свою жену.

Лиам кивнул головой на упаковку таблеток на стойке.

— Похоже, ты взял больше, чем нужно. Сколько у тебя больных жен?

Деннису хватило приличия покраснеть.

— Люди обмениваются вещами. Денег больше нет, что же остается? У кого-то спиртное на обмен, у кого-то вязанка дров или канистра дизельного топлива. Фонарики и батарейки. Винтовки и боеприпасы. Сюда прийти еще никто не додумался. Я первый. Самый умный. Животные очень похожи на людей, верно? Насколько они могут отличаться? Доктор Лауде уже осмотрела кучу больных пациентов из числа людей. Наш врач в амбулатории — числится пропавшим без вести.

Ханна замерла.

— Случайно не знаешь, где сейчас доктор Лауде?

— Так рано? Наверное, дома. Хотя она совершает обходы, чтобы навестить больных у них дома. Она живет в нескольких кварталах отсюда. — Рейнольдс посмотрел на дуло «Глока», все еще направленное ему в голову. — Опустит эту штуку, и я скажу вам, где.

Лиам сузил глаза.

— Давай-ка ты проводишь нас туда, и, может быть, если буду особенно щедр, я оставлю тебя в живых.

Взгляд Денниса метнулся в сторону. Он явно струсил.

— Да, хорошо. Конечно. Это хорошая сделка.

Лиам мог бы посмеяться над ситуацией, если бы у него осталось чувство юмора. Но его у него не было. Оно исчезло вместе со всем остальным.

Глава 7

Квинн

День восьмой

Шестнадцатилетняя Квинн Райли смотрела прямо перед собой, пробираясь по снегу к парку Гринвей и собирающейся толпе.

Городской совет выбрал небольшой парк в городе вдоль берега реки сразу за мостом через Фолл-Крик. Летом на большой открытой площадке устраивались пикники, футбольные матчи, запускались воздушные змеи, проводились игры в пятнашки, а по вечерам проходили концерты местных групп.

Сейчас здесь устроили похороны.

Стало теплее, чем в последнее время, температура держалась в районе минус шести градусов. Солнце слабо светило на голубом небе. Ветер не шевелил сухие ветви деревьев, выстроившихся вдоль реки.

Птицы радостно щебетали, как будто мир внезапно не остановился, как будто насилие не пронеслось по их городу менее сорока восьми часов назад, оставив за собой след разрушений, страданий и разбитых сердец.

Несколько сотен человек собрались на открытом пространстве перед большой площадкой для выступлений с крышей и открытыми боками. Они были одеты в пальто, шарфы и перчатки. На осунувшихся лицах выражение ужаса и скорби. Многие плакали.

Весть о злодеянии распространилась по маленькому городку как лесной пожар. Все знали, что произошло позавчера вечером. Все знали, кто погиб, а кто выжил.

Квинн чувствовала на себе сотни глаз, когда проходила мимо. Здесь собралось как минимум полгорода. И они все смотрели на нее. Поток шепота, как волна, следовал за ней, когда люди отходили в сторону.

Она убирала свою растрепанную ветром синюю челку с глаз и изо всех сил старалась не хмуриться в ответ на всех, кто на нее пялился. Квинн ходила с пирсинг в бровях и губах, но сегодня не стала делать свой обычный тяжелый макияж глаз.

Ей не хотелось. Она не чувствовала себя самой собой. Лицо, смотревшее на нее в зеркало, было чужим, и не в одном смысле.

Несколько ее одноклассников, сгрудившихся вместе, повернулись, чтобы посмотреть на нее. Их родители тоже. Неудивительно, что бабушка заявила, что ее беспокоит бедро, и послала вместо себя Квинн. Это было ужасно.

Они ненавидели ее из-за матери? Знали ли они, что Октавия находилась там той ночью? Или их мрачные взгляды объяснялись тем, что она одна из трех выживших, «последняя девушка» из всех этих тупых фильмов ужасов?

Квинн старалась не вздрагивать, старалась не выдать беспокойства. Изо всех сил она старалась отгородиться от людей, возвести свои прочные стены, чтобы показать им, что ей все равно, что они думают.

Обычно ей это удавалось. Но сегодня? Сегодня все по-другому. Она чувствовала себя незащищенной, каждое нервное окончание оголено. И она ненавидела свою уязвимость.

Квинн остановилась у края открытой площадки, ярдах в десяти от платформы. Никаких могил, где можно было бы скорбеть. Никаких гробов, которые можно было бы опустить в суглинистую землю. Даже костра для сожжения не предусмотрено.

Тела умерших за эту неделю хранились в импровизированных мешках в одном из больших сараев фермера из металла и бетона. Временное решение, пока земля не оттаает, или пока они не придумают что-нибудь еще. Погода достаточно морозная, чтобы хранить их в холодном месте и удерживать падальщиков на расстоянии.

Трупы после бойни в церкви лежали все там же. Маленькие Юнипер и Хлоя. Их добрая мать, Дафна. Тело бабушки тоже находилось там.

Ноа Шеридан совершил трудное путешествие на горнолыжный курорт, чтобы забрать тело. Он сделал это ради Квинн. Он сдержал свое обещание.

Воспоминания нахлынули на нее: застывший подъемник, бабушка, замерзший и неподвижный рядом с ней. И церковь, монстры в черных лыжных масках и с оружием, крики, бегство и смерть.

— Привет, милая, — прозвучало рядом.

Квинн испуганно моргнула. На мгновение она забыла, где находится.

Директор средней школы Фолл-Крик, Аннет Кинг, смотрела на нее с озабоченным выражением лица. Ей было около сорока лет, серебристые волосы подстрижены коротко.

— Я просто хотела узнать, как у тебя дела.

В груди у Квинн все сжалось. Все казалось далеким и отстраненным, как будто ее здесь на самом деле нет, как будто она находится далеко отсюда, наблюдая за всем происходящим.

Все случившиеся еще до конца не дошло до нее. Она так хотела сбежать, выжить. Она выжила. Она спасла Майло. Но не Юнипер и Хлою.

Дело не в храбрости. Она бы вырвала зубами горло Билли Картера, если бы у нее появился шанс. Она оказалась недостаточно сильной. Недостаточно решительной.

— Я в порядке, — выдавила она из себя.

Директор Кинг поджала губы. Она выглядела так, будто сама прошла через все эти события. Она работала в приюте для пострадавших в средней школе почти без перерыва после ЭМИ.

Она всегда ставила нужды других выше своих собственных, всегда старалась помочь людям. Сначала своим ученикам. Теперь — городу.

— Ты уверена...

— Я в порядке.

Директор похлопала ее по плечу.

— Я всегда рядом, если тебе захочется поговорить о чем-нибудь. Если тебе вообще что-нибудь понадобится.

Квинн уныло кивнула. Она едва слышала ее слова. Она сканировала толпу, отчаянно пытаясь отвлечься. Ее бешеный взгляд метался туда-сюда, не в силах надолго остановиться на одном месте.

Она узнала Майка Дункана, владельца бензоколонки, и его племянника Джамала, студента колледжа. Рядом стоял Шен Ли, медбрат китайско-американского происхождения, который осматривал ее в ту ночь, рядом с Дэйвом Фаррисом, владельцем гостиницы «Фолл-Крик», и Робертом Винсоном, местным фармацевтом.

Неподалеку от них стояли Ноа, полицейский, и Майло, его восьмилетний сын. Она хотела увидеть Майло и даже Ноа, но ей не хотелось, чтобы Ноа миллион раз спрашивал, все ли с ней в порядке. Так он показывал, что ему не все равно. Но это чертовски раздражало.

Квинн посмотрела на платформу. На сцене стоял ряд стульев позади тощего белого подиума. Несколько прямоугольных столов, украшенных десятками фотографий жертв, стояли по обе стороны платформы.

Теперь, когда все цветочные магазины оказались закрыты, никто не мог найти цветы в середине зимы; вместо них украшали лентами. Разноцветные ленты всех размеров, цветов и длины обвивали балки платформы. Сотни лент свисали с ветвей близлежащих деревьев.

Суперинтендант Синклер, шеф Бриггс и Аттикус Бишоп, пастор церкви Кроссвей стояли на сцене и тихо разговаривали. Сын начальника полиции, Джулиан Синклер, и Дэррил Виггинс, владелец местного банка, держались рядом с начальством.

Несколько мужчин в серой камуфляжной форме, которых она не узнала, крутились вокруг сцены. Они были вооружены винтовками и пистолетами и выглядели как солдаты.

Суперинтендант Синклер что-то сказала, и люди на сцене сели в кресла, кроме Бишопы. Суперинтендант переместилась на трибуну.

— Спасибо, что пришли, — проговорила она в мегафон на батарееках, чтобы все присутствующие могли слышать.

Ее светлые волосы аккуратно подстрижены в четкий боб до подбородка. Под зимним пальто на ней была облегающая юбка-карандаш и жакет сливового цвета. Макияж выполнен

идеально, но глаза оставались красными, как будто она недавно плакала.

Суперинтендант разгладила волосы и поправила юбку. Ее осанка была идеальной.

— Пастор церкви Кроссвей, наш родной Аттикус Бишоп, проведет сегодня церемонию. Вместе мы скорбим о сорока семи невинных жизнях, погибших две ночи назад...

Вопль расколол воздух.

Перед Квинн женщина упала на колени. Ее плечи дрожали.

— Моя сестра! Моей сестры больше нет...

Квинн напряглась. Она узнала черные вьющиеся волосы, широкие плечи и пышное серебристое пальто этой женщины. Максин Бернштейн работала в хозяйственном магазине.

Квинн знала ее сестру, видела в церкви в тот вечер. Гигиенист из стоматологии «Брайт Смайлз». Женщина, с которой она встретилась взглядом прямо перед тем, как эти монстры открыли огонь.

Квинн видела, как она умирает.

Максин издала еще один высокий, пронзительный горестный вопль. Этот звук пронзил сердце Квинн.

Она резко вдохнула. Волна головокружения прокатилась по ее телу, ужасные воспоминания затопили разум. Она попыталась вытеснить их, восстановить контроль.

— Как она могла погибнуть? — Миссис Бернштейн плакала. — Как она может быть мертва?

Ее муж наклонился над ней и помог встать на ноги. Он обнял ее за талию и зашептал ей что-то в ухо. Она положила голову ему на плечо, продолжая рыдать, и позволила увести себя.

Люди отошли в сторону, их лица выражали сострадание, жалость и общее горе. Несколько человек похлопали Бернштейнов по рукам, плечам и спинам, когда они проходили мимо. Несколько человек плакали, как мужчины, так и женщины.

— Я так сожалею о вашей потере, — тихо сказала суперинтендант Синклер, ее голос надломился. — Мне очень жаль. — Суперинтендант продолжала говорить, но Квинн едва ее слышала.

У нее в ушах зазвенело. Слова не имели смысла. Слова ничего не значили.

Они не могли облегчить страдания этой женщины. Они не могли вернуть любимых. Они не могли заменить то, что утрачено. И не могли вернуть Хлою и Юнипер.

Солнечные лучи не согревали ее озябшую кожу. Квинн чувствовала холод изнутри. Как будто что-то внутри нее застыло, но грозило расколоться, словно кусок льда.

После того как суперинтендант произнесла еще несколько слов о сообществе, горе и объединении — бла-бла-бла, — она наконец передала мегафон Аттикусу Бишопу.

Толпа затихла в абсолютной тишине. Слышны были только движения тел, тихие рыдания, щебетание птиц.

Аттикус Бишоп возвышался над трибуной. Большой и грузный, он как всегда облачился в черную кожаную куртку поверх гавайской рубашки, усыпанной розовыми цветами. Его смуглая кожа имела пепельный оттенок, глаза сильно покраснели. В одной руке он держал мегафон, а другой проводил рукой по своей афро прическе.

Толпа ждала.

Он прочистил горло. Снова прокашлялся.

Квинн моргнула, отгоняя внезапную влагу в глазах. Она чувствовала отсутствие двух визжащих, энергичных маленьких девочек так, словно это две дыры в ее собственном сердце.

Ее легкие сжались. Стало трудно дышать. Она сжала руки в кулаки.

— Спасибо вам, мои друзья и соседи, — наконец проговорил Бишоп, его голос звучал громко и гулко, но срывался от горя. — Спасибо, что собрались вместе со мной, чтобы оплакать нашу великую утрату сегодня утром. Нет слов, которые могли бы передать трагедию, которая коснулась каждого из нас. Мы потеряли друзей, соседей, сестер... — Он ненадолго закрыл глаза. — И дочерей.

Квинн не могла слушать. Она не могла это слышать. Не могла этого вынести.

Она думала, что хотела быть здесь, но это оказалось ошибкой.

Она должна поскорее убраться отсюда.

Глава 8

Квинн

День восьмой

Народ подступил слишком близко. Квинн оказалась зажатой, отрезанной от свободного пространства. Беспомощной. Пульс стучал в ушах. Перед глазами плясали белые пятна.

Она оступилась, наступила на чью-то ногу.

— Ай!

Квинн обернулась.

Перед ней стояли Уитни Блэр, девушка, с которой она училась в школе, и ее отец, мистер Блэр — тот самый тип, которого Квинн протаранила своей тележкой в «Френдли» всего неделю назад.

Уитни посмотрела на нее и закрыла рот рукой.

— О, мне так жаль, Квинн.

Какого черта именно она извинялась? Это Квинн наступила ей на ногу. Даже суровый мистер Блэр смотрел на нее с жалостью.

— Мне очень жаль, что с тобой случилось, Квинн, — продолжала Уитни, как будто не могла понять, что Квинн просто хочет, чтобы она замолчала. — Наверное, это было просто ужасно. Я так рада, что с тобой все в порядке.

Сердце Квинн забилось сильнее. Неважно, что сочувствие Уитни казалось искренним. Квинн ненавидела жалость. Она ненавидела их всех.

Тяжелый узел эмоций сковал ее сердце, и она почувствовала давление на веки. Еще несколько секунд, и она могла сорваться.

— Я в порядке, — огрызнулась она.

— Но...

— Просто оставь меня в покое.

Сочувствующий взгляд Уитни переместился с Квинн на сцену.

Бишоп замолчал. Внезапная тишина обожгла уши Квинн. Она медленно повернулась, горячий стыд залил ее щеки.

Аттикус Бишоп смотрел прямо на нее. Их взгляды встретились. В его глаза застыла тоска, лицо осунулось от горя. Потеря детей запечатлелась в каждой черточке и поре его лица.

Квинн застыла. Она не могла пошевелиться, не могла дышать.

Бишоп передал мегафон шефу Бриггсу и спрыгнул с платформы на землю. Толпа молча расступилась перед ним. Он подошел к Квинн.

Все остальное исчезло, кроме Бишопы.

Квинн хотела сбежать. Она хотела быть где угодно, только не здесь, лицом к лицу с

отцом детей, которых она не смогла спасти.

Глупые слезы щипали глаза, но она не могла их сдержать. Воспоминания пронзили ее мозг, крики и вопли эхом отдавались в голове. Испуганное лицо Юнипер. Хлоя, выкрикивающая ее имя.

Слова стояли в ее горле комом.

— Я не смогла, я пыталась...

Прежде чем она успела сказать что-то еще, Бишоп заключил ее в крепкие объятия. Ее мокрая щека прижалась к его широкой груди. Он обхватил ее массивными руками, закрывая от толпы, ропота и взглядов, тихих рыданий — от всего.

Инстинктивно Квинн напряглась. Попыталась отстраниться.

Он ее не отпустил.

— Моя мать...

— Это не ты. Ты не отвечаешь за нее. Не несешь за нее ответственности.

— Мне жаль, — прошептала Квинн, ее голос приглушенно звучал из-за его кожаной куртки. — Я пыталась вытащить их. Клянусь, я пыталась...

— Мое дитя. — Он опустил голову над ее головой и заговорил тихо, чтобы слышала только она. — Тебе не о чем сожалеть. Совсем.

— Я... не смогла их спасти.

Его сильное тело дрожало. От боли громкий мужской голос звучал глухо.

— Я тоже не смог.

Внутри ее груди что-то освободилось. Ее сердце, как сжатый кулак, медленно раскрылось. Что-то таяло глубоко внутри нее.

Квинн сдалась. Она позволила себе расслабиться в его руках, позволила ему утешить ее. Она ничего не могла с этим поделать. Не могла больше бороться.

Она держалась изо всех сил, пока могла. Вдруг она снова почувствовала себя ребенком, испуганным, подавленным и одиноким.

Майло находился рядом, но он был маленьким мальчиком, которого она защищала. Квинн не могла нагружать его своей собственной травмой.

Бишоп знал, каково это, через что она прошла. Она больше не одинока в этом. Он точно знал, что она чувствует, и ей не нужно даже говорить об этом. Он понимал ее, знал, что она сделала, а что нет, и все равно простил ее.

Бишоп не винил ее за то, что она не смогла спасти девочек. Он не винил Квинн за роль ее матери во всем этом.

А раз он не винил, то, возможно, и остальные не станут.

Она не знала, как долго они простояли, прижавшись друг к другу. Это не имело значения. Ничто не имело значения, кроме их общего горя и боли. Его сострадание стало утешением, в котором Квинн отчаянно нуждалась. Несмотря на свои собственные страдания, он дарил его свободно.

Наконец, Бишоп отстранился. Он обхватил ее лицо своими большими ладонями. Слезы текли по его лицу. Он не пытался их смахнуть.

— Теперь Юнипер, Хлоя и Дафна в руках Божьих. Им больше не больно. Они больше не боятся. Он сотрет все слезы с их глаз. И не будет уже ни смерти, ни скорби, ни плача, ни боли, ибо все это прошло.

Квинн кивнула. Бабушка верила в Бога, делала все эти церковные вещи, в которых Квинн никогда не находила особой пользы. Но она видела, как это утешало Бишоп, как его

вера поддерживала его после трагедии, которая сломила бы любого другого человека.

Что-то в глубине ее души жаждало такого же покоя.

Если Бишоп обрел его после всего, что у него отняли, возможно, он реален. Может быть, это то, что она тоже сможет найти и сохранить.

— Спасибо, — прошептала она.

Бишоп сжал ее плечо.

Далекий крик привлек ее внимание. Бишоп отступил назад и огляделся, прикрыв глаза рукой.

Еще один крик. Кто-то сердито кричал из глубины толпы.

В задних рядах собравшихся возникла суматоха, люди поспешили отойти в сторону, когда группа из шести или семи мужчин и женщин пробилась сквозь них к передней части.

Их тела были напряжены, руки сжаты в кулаки, выражение лиц — яростное. Они шатались, как пьяные.

— Сейчас не время для слез! — крикнул мужчина, шедший впереди. Он потряс кулаком в воздухе. — Настало время для справедливости!

— Что вы собираетесь с этим делать, суперинтендант Синклер? — присоединилась женщина. Ее звали Пэтси Снайдер, владелица бакалейной лавки «Френдли». Ее брат стал одной из жертв. — А что насчет вас, шеф Бриггс? Вы собираетесь хоть раз оторвать свою жирную задницу и посмотреть, как вершится правосудие?

— Они все еще там! — закричал первый мужчина. — Вы развешиваете ленточки, в то время как должны повесить монстров, которые это сделали!

— Где справедливость для моего брата? Убейте этих монстров!

— Они убили мою соседку и ее детей. Они заслуживают смерти!

Шеф Бриггс прочистил горло и проговорил в мегафон.

— План разработан. Мы сейчас занимаемся организацией. Процедуры должны быть...

— К черту процедуры! — крикнул кто-то еще.

— Правосудие сейчас! — прокричала женщина в толпе. — Правосудие для Кроссвей!

Другие подхватили этот клич. Десятки людей скандировали:

— Правосудие для Кроссвей!

Всего за несколько мгновений настроение толпы изменилось от скорби до возмущения. Квинн чувствовала, как опасная, искрящаяся энергия проникает в них. Подхваченная как простуда и быстро распространяющаяся.

Это были нормальные, скучные, законопослушные люди, друзья и соседи. Но сейчас ими управляли страх и гнев. Они изменились до неузнаваемости.

— Успокойтесь! — крикнул шеф Бриггс в мегафон. — Всем сохранять спокойствие!

Толпа не слушала. Они рванулись вперед, как единый слаженный организм. Кулаки взметнулись вверх и сотрясали воздух. Лица исказились от ярости, требуя справедливости. Они угрожали захлестнуть сцену.

Шеф Бриггс в ужасе уставился на воинственную толпу. Дэррил Виггинс вскочил со своего места и повернулся к суперинтенданту, дико жестикулируя.

Странные люди в форме двинулись к платформе и начали оттеснять людей назад. Несколько местных полицейских присоединились к ним.

Тела металась вокруг Квинн, ударяясь и толкая ее. Бишоп встал между ней и толпой.

— Тебе не следует быть здесь, — сказал он, протягивая руки, чтобы защитить ее. — Ситуация может стать ужасной.

Все уже было ужасно. И дальше будет только хуже.

— Я не боюсь ужасов, — заявила Квинн.

Глава 9

Ханна

День восьмой

— С Призраком все будет в порядке? — с тревогой спросила Ханна.

Лиам стоял рядом с ней, с жестким и каменным лицом. Он переминался с ноги на ногу, свободная рука сжата в кулак, а другой он постукивал стволом «Глока» по бедру. Он не хотел признавать этого, но она знала, что Лиам напряжен и нервничает не меньше, чем она.

Призрак лежал на столе в центре операционной ветеринарной клиники «Лапы и когти». По дороге сюда его дважды вырвало. Он пыхтел, высунув язык, его большая грудь быстро поднималась и опускалась. Умные карие глаза потускнели. Он находился в сознании, но с трудом, словно впал в какой-то ступор.

Ханна ненавидела видеть его таким — такое сильное, царственное существо, превратившееся в нечто хромое и беспомощное, ужасало ее.

Доктор Беверли Лауде подняла голову и натянуто улыбнулась.

— Зависит от обстоятельств.

Ветеринару было около шестидесяти лет, полные щеки и морщинки от улыбок лучились от ее добрых глаз, короткие седые волосы вились под зимней шапкой. Она оказалась практичной, умной и сразу же прониклась заботой о Призраке. Им совсем не понадобилось ее уговаривать.

Доктор Лауде охотно согласилась помочь. Им повезло, что удалось застать ее дома. Деннис Рейнольдс сбежал, как только показал им нужный дом, его сумка с краденными лекарствами громоздилась под его пальто.

Ханна не винила его за воровство. Люди делали то, что считали нужным, когда отчаянно пытались спасти своих близких. Тем не менее, существовала грань.

То, что Деннис взял для себя, означало меньше для других, столь же нуждающихся. Это означало меньше лекарств для доктора Лауде, которые она могла использовать для спасения животных и людей, находящихся на ее попечении, — лекарств, которые могли понадобиться Призраку прямо сейчас.

Доктор Лауде с нежностью посмотрела на Призрака.

— Большие пиренейские горные собаки — удивительно преданные и надежные животные. И умные.

— Он очень умный, — подтвердила Ханна, ее голос прервался. — Он самая умная собака, которую я когда-либо встречала. Пожалуйста, скажите, что вы можете его спасти.

— Сначала мне нужно его осмотреть. Я не могу ничего обещать.

Доктор Лауде установила несколько походных фонарей на батарейках для освещения. Она натянула пару эластичных перчаток и надела лабораторный халат с крючка на стене. В операционной пахло стерильностью, лекарствами и чистотой.

— Что именно произошло? — спросила ветеринар.

Ханна вздрогнула.

— В него стреляли.

Доктор Лауде посмотрела на Ханну с любопытством.

— Могу я спросить, как?

Страх сковал тело Ханны. Сердце сжалось.

Она покачала головой. Ханна не хотела говорить об этом, не хотела произносить имя Пайка вслух. Не здесь, в этой тихой, спокойной комнате. Мысль нелепая, но одно только имя Пайка, произнесённое здесь, в присутствии Призрака, казалось Ханне, может сглазить пса.

Пайку здесь не место. Ему не место в ее голове. Она отказывалась давать ему какую-либо власть.

— На нас напали, хотели забрать припасы, — сказал Лиам в тишине. — Собака набросилась на нападавшего, чтобы защитить Ханну.

Он понял ее сдержанность, не дав сказать ни слова. Ханна бросила на него благодарный взгляд.

Доктор Лауде нахмурилась, осматривая Призрака, ее руки искусно двигались по его туловищу. Она достала фонарик и проверила зрачки.

— Я оцениваю шок и травмы, проверяю дыхательные пути, частоту дыхания, пульс, наличие кровотечений и переломов.

Она выпрямилась, ее лицо стало серьезным.

— Вы пришли вовремя. В моем генераторе почти закончилось топливо. Я сэкономила как могла. Я включу питание, чтобы сделать рентгеновский снимок его черепа на предмет возможных переломов.

— Похоже, что пуля просто прошла навывлет, но я вижу признаки повышения внутричерепного давления. Его уровень реакции быстро ухудшается. Неравномерные зрачки. Рвота. Давление и частота дыхания слишком высокие, а пульс снижается. Мы называем это триадой Кушинга, признаком повышения внутричерепного давления.

Ханна не могла дышать. Ее сердце заныло.

— Что это значит?

— Мозг отекает, и возникающее внутричерепное давление вызывает неврологическое ухудшение. Необходимо немедленно уменьшить отек мозговой ткани.

— А если вы не сможете?

— Мне очень жаль.

Ханна яростно покачала головой. Она обхватила себя руками.

— Нет, нет, нет. Это не вариант. Он не может умереть. Вы должны спасти его.

— Я сделаю все возможное, — ответила доктор Лауде. — Это я могу обещать.

— Как вы это лечите? — резко спросил Лиам. — Ему нужна операция?

— Если у него нет серьезного перелома черепа, то нет. Я могу использовать гиперосмотические растворы, чтобы вытянуть жидкость из тканей. «Маннитол» уменьшит выработку спинномозговой жидкости. Я также могу дать ему немного кислорода. Важно снизить систолическое кровяное давление. Для животного такого размера я хочу, чтобы оно держалось на уровне примерно 120 на 66, плюс-минус.

Ханна попыталась почувствовать облегчение. Операция теперь, вероятно, означала смертный приговор. И она невероятно обрадовалась, что у ветеринара все еще оставались в запасе лекарства, необходимые Призраку.

Доктор Лауде сжала плечо Ханны.

— Следующие несколько часов покажут нам все, что мы должны знать.

Доктор Лауде снова повернулся к Призраку. Ханна и Лиам предложили свою помощь, но она выпроводила их, сказав, что вернется через два часа с новостями.

Это будут самые долгие два часа в жизни Ханны.

Глава 10

Ханна

День восьмой

Лиам расхаживал по длинному, узкому залу ожидания перед окнами из зеркального стекла, рыская, как нетерпеливый лев. Он не выпускал из рук свой «Глок» и постоянно проверял улицу, наблюдая за парковкой, проезжей частью и хозяйственным магазином через дорогу в поисках возможных неприятностей.

Ханна пыталась сложить ноги в кресле, но живот мешал. Лиам протянул ей свой рюкзак. Она использовала его как подушку, расстегнула куртку и растянулась на соединенных пластиковых сиденьях.

— Спасибо.

Она потеряла уставшие глаза. У нее болела поясница. Ее лодыжки распухли. В комнате было прохладно, но не так холодно, как на улице. В животе началось шевеление, и что-то ткнулось в мочевого пузыря. Ханна проигнорировала это.

Ужас и тревога скрутили ее внутренности. Во рту появился привкус чего-то горького и металлического, как будто она проглотила медный грош. Она беспокоилась о Призраке. Волновалась обо всем.

Пыталась сосчитать стулья, постеры с животными на стенах, машины на парковке, квадраты плитки на полу. Ничего не помогало. Ей нужно как-то отвлечься.

Она взглянула на Лиама.

— Знаешь не все люди плохие.

Он продолжал вышагивать, смотрел в окно, словно собирался с чем-то сражаться.

— Этот вор не был героем.

— Может, и нет, но и смерти он не заслуживал.

Лиам только хмыкнул.

— Есть степени «плохого». Может, Деннис и не ангел-альтруист, но и не главарь гангстеров.

Лиам фыркнул.

— Дай ему время.

Ханна покатала слова на языке, прежде чем произнести их.

— Некоторые люди хорошие.

Сиси обращалась с ней с уважением и большой добротой. Доктор Лауде бескорыстно делилась своей энергией, опытом и драгоценными ограниченными материалами, чтобы помочь незнакомцам и спасти жизнь собаки, которую она даже не знала.

Лиам сам рисковал получить переохлаждение и многое другое, чтобы спасти Ханну в лесу. Все, что он делал сейчас, он делал для нее, а не для себя.

— Ты действительно в это веришь? — Его взгляд был устремлен на улицу, на десятки машин, сгорбившихся под пеленой снега. — После всего, через что ты прошла?

Ханна напряглась. Мысль о том, чтобы доверять другим людям, внушала страх. Она не отрицала этого. Но она должна с этим бороться. Она должна преодолеть токсичное мышление, то, как он приучил ее думать и действовать.

Трусить, подчиняться. Бояться всего и всех. Ненавидеть.

В противном случае он победил. Свобода из физической клетки мало что значила, если она не могла выкинуть его из головы, если она все еще жила так, словно находилась в

ловушке.

Она сказала:

— Да.

Взгляд Лиама снова остановился на ней, острый и пронизывающий. Все в ней хотело отвернуться, опустить глаза в пол, но она заставила себя встретить его взгляд.

— Мир полон жадных, ненавистных, жестоких людей, — заявил он. — Без правительства, контролирующего их, без полиции и угрозы тюрьмы, сдерживающих их порывы, люди станут худшими версиями самих себя. Они будут похищать, насиловать и многое другое.

Она не наивна. Но и не глупа. Ханна знакома со злом. Она смотрела в его глаза.

Вся страна скатывалась в беззаконие и хаос. Отчаяние породило страх, ненависть и насилие. Через несколько недель почти все впадут в полное отчаяние. Многие уже достигли его.

— Ты прав, — мягко сказала она. — Я знаю, на что способны люди. Но все же не верю, что все они плохие. Что бы ни случилось. В мире есть доброта. Должна быть. Иначе в чем смысл?

Лиам не ответил ей.

Она прикусила нижнюю губу.

— Посмотри на доктора Лауде. Разве она не помогает нам без всякой выгоды для себя?

Он покачал головой.

— Однажды она поможет не тому человеку. Отдаст слишком много. И кто-нибудь либо заберет все, что у нее есть, либо убьет ее за это.

На мгновение оба замолчали. Они вспомнили о Сиси.

— Ты думаешь, что хорошие просто умрут.

— Да.

— Может быть, им нужен защитник.

Лиам посмотрел на нее.

— Кто-то, кто может научить их, как защитить себя. Ты можешь быть хорошим человеком и бойцом.

— Хорошим человеком и убийцей?

Она не колебалась.

— Да. Абсолютно. Если это правильный человек и действует по правильным причинам.

Он кивнул, но ничего не сказал.

Ханна сунула руку в правый карман куртки и нащупала рукоятку складного ножа, рядом с которым лежал пистолет.

— Ты сказал, что научишь меня.

Лиам повернулся и посмотрел на нее. Серый дневной свет, проникающий через окна, подчеркивал его суровые черты, яростные голубые глаза.

— Хочешь начать прямо сейчас?

Ее сердцебиение участилось.

— Я хочу как-то отвлечься. Пожалуйста.

Лиам кивнул и бросил еще один взгляд на город, который выглядел совершенно заброшенным, ни единой живой души. Их снегоход с прицепом припаркованный у входа, единственная машина, не занесенная снегом.

Он подошел к ней, убрал в карман свой пистолет и протянул руку.

Ханна достала «Ругер» из кармана и протянула ему. Он провел так называемую проверку состояния системы и убедился, что предохранитель находится на месте.

Она поднялась на ноги, держась рукой за спинку стула для равновесия. С каждым днем она чувствовала себя все более неуклюжей. Поморщившись, она прижала руку к пояснице.

— Что сначала? Найти тир? Несколько пустых бутылок из-под пива?

— У нас нет лишних патронов, чтобы тратить их на стрельбу по мишеням. Нам нужен каждый патрон для самообороны. И не стоит привлекать внимание выстрелами.

Она поникла.

— Ох.

— Я все еще могу научить тебя правильной стойке, как держать оружие, как целиться. И где находится предохранитель.

Ее щеки пылали. Ханна вспомнила библиотеку, свой ужас, как в слепой панике шарила пальцами по пистолету, забыв о предохранителе.

— Я помню.

Лиам смотрел на нее. Ханне не понравилось, как он смотрел на нее. Как будто считал ее маленькой и слабой.

Ей было неприятно, что это правда. Она делала все возможное, чтобы сохранить здоровье в своей подвальной тюрьме, однако человек не мог изменить свои физические данные. Она всегда будет маленькой, но она не должна оставаться слабой.

— Покажи мне.

Он показал.

— Ты должна держать его в обеих руках, причем левая рука должна находиться под правой.

Волна стыда захлестнула Ханну.

— Я не могу держать его так.

— Конечно, можешь. Ты просто...

— Моя левая рука. Она бесполезна.

Он колебался. Лицо помрачнело. Тень, которую она не могла прочесть, прошла по его лицу, а затем исчезла.

— Сними свои перчатки.

Она повиновалась. В ярком дневном свете ее больная рука выглядела еще хуже, чем обычно. Сломанные пальцы изуродованы, похожи на когти, неправильной формы, как искривленные и сросшиеся ветви старого дерева.

Ханна могла двигать ими, но только с большим усилием и болью. Лишь большой палец еще функционировал относительно нормально. Он выглядел уродливо. Гротескно и отвратительно.

Она покраснела от смущения и отвращения к себе.

Ей не хотелось показывать левую руку на свету, не хотелось, чтобы это видел Лиам. Она не хотела, чтобы он считал ее уродливой или отвратительной. Мысль глупая, но она ничего не могла с собой поделать.

Она попыталась убрать изуродованную руку, спрятать ее в карман, обратно в перчатку, за спину — куда угодно, но Лиам схватил ее за запястье прежде, чем она смогла отстраниться.

Его лицо не исказилось от отвращения. Он не смотрел на нее с брезгливостью. Он рассматривал ее уродство с клинической отстраненностью, пальцами нежно обводя ее

ладонь.

Прикосновения его пальцев пронзили Ханну, как удар электричества. Ее желудок забурлил, сердце громко стучало в ушах.

Она прочистила горло, близкая к слезам и ненавидящая себя за это. Какой слабой он ее считает. Какой жалкой.

— Я ничего не могу с этим сделать. Как я и сказала. Бесполезно.

Он нахмурился. Между его бровями появилась морщинка. Он все еще держал ее за руку.

— Не совсем. Ты можешь сжать пальцы в кулак?

Она смогла. Медленно, неловко, болезненно. Ханна кривилась, но не останавливалась. Ее мизинец и безымянный палец слишком изуродованы, чтобы двигаться. Указательный палец мог слегка изгибаться, пока не упирался в изогнутый большой палец.

— Думай об этом как о подставке для опоры правой руки. Размести пистолетную рукоятку в углублении между большим и безымянным пальцами.

Она последовала его указаниям. Приклад пистолета удобно разместился в кулаке. Она сосредоточилась на том, чтобы держать руки ровно, и ей удалось хорошо сбалансировать «Ругер».

Он мрачно улыбнулся ей.

— Вот так.

Лиам показал ей, как правильно расширить стойку, расправить плечи, держать руки и как можно лучше зафиксировать пистолет. Он объяснял ей, как выровнять дыхание и спустить — не нажать — курок.

Она прикусила нижнюю губу и изучала пистолет.

— Как я смогу взвести его одной рукой?

Лиам указал на покрытый журналами торцевой столик между двумя стульями.

— Положи область возле мушки на край стола и нажми на спуск. Ты можешь сделать это краем чего-нибудь твердого — прилавка, кобуры или каблука ботинка.

Она практиковалась в передергивании затвора одной рукой, пока не освоила. Лиам показал, как перезаряжать пистолет, зажав его между коленями в сидячем положении или положив на согнутое колено, хотя это казалось сложнее.

Они вновь и вновь отработывали все, чему он ее учил, причем Лиам часто делал перерывы, чтобы посмотреть на улицу. Он показал ей, как научиться видеть и понимать ситуацию. Как сканировать окружающую обстановку, оставаться бдительной и следить за всем, что не на своем месте. Снова и снова.

Одно дело — тренироваться с Лиамом рядом, совсем другое — когда она одна.

Сможет ли она вспомнить все в присутствии реальной угрозы? Предаст ли ее тело, застынув? Ее разум онемееет, исчезнет, когда ей нужно будет думать, действовать? Она не могла этого допустить.

Она должна стать сильнее, чем когда-либо. Умнее и смелее.

— Делай это каждый день, — сказал Лиам. — И ты станешь лучше.

— Как насчет ножа?

Он поднял брови.

— Ты еще не устала?

Ханна устала, но не хотела этого признавать. Каждый день она чувствовала, как из нее уходит энергия, высасываемая паразитом внутри ее утробы. Если бы сидела и ничего не делала, она бы так же устала, но ее мучило бы беспокойство за Призрака.

И кто знал, когда может появиться Пайк или другая угроза? Призрак оказался в реанимации, потому что она не знала, что делать. Она не хотела повторять ошибку. Не могла повторить эту ошибку.

Ханна решила верить в хороших людей, но отказывалась быть наивной. Люди должны доказать, что им можно доверять. А с теми, кто этого не сделает, ей нужно быть готовой.

Она не подведет Призрака снова.

Ханна расправила плечи.

— Я хочу научиться всему, что знаешь ты.

Лиам от удивления резко рассмеялся.

— Это займет кучу времени.

Она смотрела на него, не отрываясь.

— Тогда начнем с ножа.

Глава 11

Ханна

День восьмой

Миновали тревожные часы. Вторая половина дня тянулась с мучительной медлительностью.

Лиам вышагивал. Ханна жевала нижнюю губу и беспрестанно волновалась. И молилась. Она не знала, слушает ли ее Бог, но все равно молилась. Пылко, от всего сердца. Она не знала, что еще делать.

Она держала «Ругер» на коленях здоровой рукой и представляла, как целится, выдыхает, снова и снова нажимает на спусковой крючок. Ханна мысленно тренировалась, как делала это с музыкой в подвале тюрьмы. Песни, которые она писала, запоминала каждую строчку, каждый аккорд, проигрывала их снова и снова в голове, имитируя пальцами, пока мелодия не становилась почти реальной. Почти.

В какой-то момент Лиам достал из рюкзака немного воды и сухой паек, но Ханна могла только пить. С каждым прошедшим часом узел в ее животе становился все туже и туже.

Когда день перешел в вечер, доктор Лауде наконец появилась в приемной. Она жестом подозвала Ханну и Лиама, посветив на них фонариком.

Сердце Ханны бешено забилося.

— С ним все в порядке?

Доктор Лауде ничем не выдала себя.

— Проходите, посмотрите сами.

Ханна поднялась с жесткого пластикового стула у двери и сунула пистолет в карман куртки. Если доктор Лауде и заметила это, она ничего не сказала.

Ханна и Лиам последовали за ветеринаром по затемненному коридору, луч фонарика жутко метался по полу и стенам. Конечности Ханны казались тяжелыми, а желудок наполнился свинцом.

Она вошла в операционную. Низкое «гав» приветствовало ее. В тусклом, колеблющемся свете тело Призрака отбрасывало огромную тень на стену. Он лежал на животе, подняв голову, и его длинный плюмажевый хвост деликатно бился о стол из нержавеющей стали.

— Призрак! — Она бросилась к нему, ее зрение уже затуманилось.

Ханна наклонилась через операционный стол, не обращая внимания на резкий удар металлического уголка о ее живот, и зарылась руками в мягкий загривок на его шее.

— Я так волновалась. Я думала, что потеряла тебя.

Призрак радостно фыркнул ей в ухо. Он касался своим сухим прохладным носом ее волос, лба, закрытых глаз, носа и подбородка. Облизал ее щеку и тихонько заскулил в знак приветствия.

Доктор Лауде хорошо его вымыла. На небольшом участке на голове возле правого уха шерсть была выбрита. Рана от пули очищена и зашита.

Ее сердце щемило от любви. Она боролась со слезами. Если она начнет плакать сейчас, то может никогда не остановиться.

О, к черту. Она позволила слезам пролиться. И это были слезы благодарности и радости.

Ханна почувствовала присутствие Лиама, когда он придвинулся к столу рядом с ней.

Призрак посмотрел на Лиама и издал низкое «гав», которое отозвалось гулом на руках Ханны. Лиам нерешительно протянул руку, словно опасаясь, что собака может перекусить ему пальцы.

Призрак обнюхал его, но не укусил.

Лиам немного расслабился и почесал под подбородком пса.

Призрак отклонился назад, полузакрыв глаза от удовольствия. Его пушистый хвост ритмично постукивал о стол.

Лиам улыбнулся.

— Рад что ты в порядке.

Ханна наблюдала за ними, пытаясь скрыть свое удивление. Во-первых, что Лиам проявил такую открытую привязанность к Призраку, а во-вторых, что Призрак ответил тем же.

Недоверие, которое Призрак питал к Лиаму, казалось, испарилось.

Может быть, он вспомнил, как Лиам нес его по снегу к сараю и осторожно опускал на сено. Может быть, он понял, что Лиам вернулся ради них обоих.

— Как он, док? — спросил Лиам.

— Хорошие новости. Внутричерепное давление снизилось. Рентгенограмма не выявила переломов черепа или костных осколков. Если в течение сорока восьми часов у Призрака не произойдет дополнительного ухудшения состояния нервной системы, и если его кровяное давление и уровень сахара в крови останутся в пределах нормы, прогноз вполне благоприятный.

Лиам нахмурил брови.

— Это значит «да»?

— Да, — улыбнувшись, подтвердила доктор Лауде. — Собаки, особенно такие стойкие породы, как пиры, могут восстанавливаться удивительно быстро. Я наблюдала, как они выпрыгивают из клетки на высоту четырех футов от пола через несколько часов после серьезной операции. Призрак молод. Он очень вынослив. И я вижу, что ему есть ради чего жить. Очевидно, что его очень любят.

Ханна потрепала его за висячими ушами, стараясь избегать швов. Расплывшиеся черные желваки Призрака отступили назад в самодовольной ухмылке чеширского кота.

— Так и есть.

— И жутко балуют, — язвительно заметил Лиам.

— Я бы не хотела, чтобы было иначе. — Доктор Лауде сняла свой лабораторный халат и бросила его в пустую корзину рядом со стойкой. Она сняла перчатки и бросила их в стоящую

рядом урну. — Учитывая обстоятельства, мы должны тщательно наблюдать за ним в ближайшие сорок восемь часов. Ему нужен отдых и питье.

Лиам напрягся.

— Мы планировали отправиться в путь.

— О, нет. Ни в коем случае. Вы никуда не возьмете эту собаку. По крайней мере, не раньше, чем через несколько дней.

— Мы не можем остаться, — возразил Лиам.

— Мы останемся, — пообещала Ханна.

Лиам бросил на нее тяжелый взгляд.

Она вздернула подбородок и посмотрела на него в упор.

— Это важно, — тихо сказала доктор Лауде. — Я знаю, что у вас есть место, где вы хотите быть. Понимаю, что сейчас опасно находиться далеко от дома. Вы любите этого пса? Хотите, чтобы он жил? Мне нужно наблюдать за ним.

Ханна тоже не хотела оставаться здесь дольше, чем нужно.

Они соблюдали осторожность. Они могли бежать в дюжину городов. Пайк ранен. Он будет двигаться медленно.

Она не дура. Любой, на кого они наткнутся, подвергался риску. Даже доктор Лауде, если Пайку каким-то образом удастся узнать, как она спасла Призрака.

Она помнила, как Пайк наклонился, дико улыбаясь, и шептал ей на ухо, рассказывая, что он сделал с Сиси, как он убил старушку за ее доброту.

Чем дальше они оставались здесь, тем больше вероятность, что Пайк пойдет по следу и проследит их до самого порога клиники.

С другой стороны, уехать сейчас — значит подвергнуть Призрака опасности. Возможно, некоторые люди не будут ценить жизнь этого животного так же, как она. Возможно, они не поймут ее. Но она не несла ответственности перед этими людьми.

Она не собиралась подвергать Призрака риску, и точка.

Они просто должны сделать так, чтобы это сработало.

— Лиам, мы должны, — тихо сказала Ханна.

Призрак настойчиво тыкался в руку Лиаму, пока тот снова не почесал под подбородком. Лиам посмотрел на собаку, покачал головой и издал страдальческий вздох.

— Хорошо.

— Обычно я бы посоветовала два мотеля в городе, но они переполнены. Их генераторы вышли из строя три дня назад, так что не думаю, что кто-то захочет быть там прямо сейчас, если вы понимаете, о чем я.

Ханна сморщила нос.

— Понимаю.

Доктор Лауде устало улыбнулась.

— Вы можете остановиться в моем доме, хотя, боюсь, я не очень хорошая хозяйка. У меня есть еда и вода, поскольку я могу обменять свои услуги на то, что мне нужно. Но я не часто бываю дома. Многие люди болеют и болеют все сильнее. У некоторых уже заканчиваются лекарства по рецепту. В местных аптеках их либо нет, либо люди не могут оплатить новые непомерные цены.

— Мы не хотели бы навязываться, — сказала Ханна.

Доктор Лауде посмотрела на Лиаму, наклонив подбородок.

— У меня на участке есть два мертвых дерева, которые я могла бы использовать на

дрова, если бы молодой, крепкий парень случайно зашел и сделал за меня тяжелую работу. Я слишком стара, чтобы рубить деревья.

Ханна потянула Лиам за рукав куртки. Уголки ее рта дернулись.

— У меня как раз есть такой парень.

Лиам сурово вздохнул, но быстро сдался.

— Вижу, что меня здесь переиграли. Это не проблема, доктор Лауде. Я могу помочь.

— Тогда решено. — Доктор Лауде провела руками по своим вьющимся седым волосам и заправила короткие пряди за уши. — Как все так быстро стало безумным? Это не похоже ни на одно отключение электричества, с которым мы когда-либо сталкивались.

— Потому что оно не похоже ни на что, с чем кто-либо когда-либо сталкивался, — сказал Лиам.

— Говорят, энергосистема вышла из строя, что что-то — солнце, ядерная бомба или метеорит — поджарило ее. Что президент и конгресс прячутся в Маунт-Уэзер, а нас, простых людей, бросили на произвол судьбы.

Лиам пожал плечами.

— Мы слышали то же самое.

— Это то, что есть, я полагаю. Мы просто должны извлечь из этого максимум пользы, сделать все, что в наших силах. — Доктор Лауде вздохнула. Она взглянула на Ханну, затем посмотрела на нее снова, более пристально. Ее взгляд опустился на живот Ханна. — Раз уж вы здесь... могу я быстро осмотреть тебя, Ханна?

Ханна вздрогнула. Ее куртка все еще оставалась расстегнута. Без этой безразмерной вещи, скрывающей фигуру, ее округлый живот бросался в глаза.

Она сглотнула. За веками промелькнуло воспоминание о новорожденном Майло — мягкая, пушистая кожа головы, огромные карие глаза, морщинистое лицо старика, прижавшегося к ее груди.

Она оттолкнула воспоминание. Это было другое. Совершенно другое.

Она хотела сказать «нет», но это привлекло бы еще больше внимания со стороны добродушного ветеринара. Внимание, которого она не хотела.

Ханна позволила ветеринару тыкать и прощупывать ее живот. Она отвернулась, ее глаза внезапно заслезилась. Она сильно прикусила нижнюю губу.

Доктор Лауде удивленно хмыкнула.

— Что? — спросил Лиам. — Она носить там козу?

Ханна закатила глаза.

— Кто-нибудь говорил тебе, что ты можешь быть совершенно бесчувственным?

Он остался бесстрастным

— Нет. Никогда.

— Как-то я в этом сомневаюсь.

Доктор Лауде покачала головой.

— У тебя маленький рост и недостаточный вес, но ты сейчас гораздо дальше, чем я думала. — Она посмотрела на Ханну. — Какой у тебя срок, дорогая?

Ханна сглотнула. Ее лицо вспыхнуло.

— Я... Я не знаю.

Доктор Лауде нахмурилась.

— Правда? Ладно, хорошо. Этот ребенок уже опустился головой вниз. Чувствуешь давление на мочевой пузырь?

Ханна чувствовала это как огромный вес, давящий на нее, как время, которое истекает. Крошечное, свирепое существо внутри нее, крадущее ее питание, ее энергию.

Она нервно посмотрела на Лиама.

Лицо Лиама побледнело, глаза сузились от шока и беспокойства. Он оказался так же неподготовлен, как и она.

— Что это значит? — спросил он хрипло.

Доктор Лауде похлопала Ханну по животу и выпрямилась.

— Я могу проверить, насколько сильно раскрытие шейки. Я не акушер, но принимала сотни телят, жеребят, щенков и остальных. Я могу посмотреть тебя.

Вся кровь бросилась ей в голову. Страх переполнял Ханну. Разумнее всего согласиться. Она полностью отдавала себе в этом отчет. Впрочем, это не имело значения.

Она не хотела, чтобы эта незнакомка лезла туда, где ей не место. Даже мысль о том, что кто-то может прикоснуться к ней там, была невыносима. Ханна решительно покачала головой.

— Нет, спасибо.

Доктор Лауде выглядела обеспокоенной, но не стала спорить.

— Тогда это может произойти в любое время. У природы свое расписание. — Ветеринар ждала ее колена. — Но скоро, Ханна. Скоро.

Глава 12

Октавия Райли

День десятый

— Я не хочу умирать! — причитала Октавия Райли.

— Никто не умрет, кроме этих свиней. — Рэй Шульц зыркнул на нее. — А теперь заткнись к чертовой матери.

Рэй, Томми и Билли расположились у окон своего разваливающегося трейлера. Полдюжины других мужчин обосновались на кухне и в спальнях или просто устроились в гостиной в креслах или на полу. Все они были вооружены до зубов.

На часах в районе трех часов, а может быть, уже четыре утра. Она не спала почти три ночи подряд. Это ее порядком утомило.

Это изматывало всех. Они все стали угрюмыми и дергаными. Они не могли лечь спать. Копы могли напасть в любой момент.

Несколько друзей Томми и Рэя засели в снайперских укрытиях по всему участку, включая крыши сараев, второй и третий трейлеры за основным.

Те, кто застрял снаружи, давали знать о своем несчастье постоянными воплями о том, что у них отмерзают яйца, через детские рации, которые они нашли в трейлерном парке. Им повезло, что они обнаружили работающие рации после того, как то, что бы это ни было, испепелило все на свете.

Все их парни были вооружены AR-15, АК-47, дробовиками и другим оружием, которое она не смогла определить. Несколько их подружек тоже носили оружие. Часть женщин и детей, которые обычно жили в комплексе, перебрались к друзьям или родственникам, пока все это не закончится.

Октавия не беспокоилась об оружии. Она лежала на диване в грязной толстовке и двух парах треников, которые носила слишком долго.

Огонь в камине согревал тесную гостиную. Он также давал единственный свет в

комнате. В очередном фонарике батарейки сели вчера вечером. Оставался только один, который работал.

Когда огонь угас, она подбросила еще поленьев и скомканных кусков мусора, которыми был усеян пол. Они использовали последние мусорные мешки и выбросили их в овраг.

Грязные тарелки и чашки покрывали кофейный столик. Вонь прогорклых вещей распространялась по трейлеру — фекалии, моча и гниющая еда.

От этого ее сильная головная боль стала еще мучительнее. Засохшая кровь все еще покрывала ее голову. Октавия потеряла сознание две ночи назад. Рэй сказал, что ей чертовски повезло, что они нашли и вытащили ее бессознательную задницу из этого склада до приезда копов.

Она не хотела думать об этом. Она старалась изо всех сил игнорировать все это. Отодвинула часть беспорядка, откопала длинным ногтем мизинца комочек белого порошка и глубоко вдохнула.

Ноздри обожгло, как паяльной лампой. Глаза заслезились, когда она откинула голову назад и почувствовала, как он стекает по задней стенке горла.

Она ждала, когда ее накроет, когда почувствует блаженство от кайфа, когда уйдет холод, голод и стресс последних нескольких дней. На самом деле Октавии хотелось впасть в кому и проспать весь этот чертов день.

Рэй готовился уничтожить всю полицию города. Он хотел захватить Фолл-Крик, править им железным кулаком. Но он слишком глуп, чтобы сделать это.

Но вот Билли, с другой стороны. Он был хитрым сукиным сыном.

Это был его план — расстрелять церковь с самого начала; Рэй просто хотел заполучить Бишопа. Несколько доз наркоты, чтобы подстегнуть, и остальные уже в полной готовности, возбужденные, жаждущие насилия и настроенные крушить все, что движется.

Билли тот, кто убил тех детей. Хладнокровно застрелил этих двух маленьких девочек.

Октавия никогда бы так не поступила. И Рэй тоже.

Билли пугал Октавию до смерти, когда она думала об этом.

Она старалась не думать. Она старалась ни о чем не думать.

Это не получалось. Уже нет. Даже под кайфом.

Образы того вечера не переставали вторгаться в ее голову. Тогда она тоже была под кайфом, поэтому воспоминания возникали рваными и разрозненными и приходили к ней кусками, слишком резкими и яркими.

От них у нее болела голова. От них ей хотелось поджарить свой мозг, чтобы забыть.

— Я не убийца, — бормотала она. — Я никого не убивала. Не то что ты.

— Заткнись, — снова гаркнул Рэй. Он провел рукой по своим редющим волосам с проседью. Его глубоко посаженные глаза сверкнули злобой. — Или я тебя заставлю.

Октавия знала, что нужно оставить его в покое, когда он так себя ведет. Но она ничего не могла с собой поделать.

— Меня вообще не должно быть здесь.

— Ты никуда не уйдешь, — отрезал Рэй. — Ты будешь здесь, когда мы перебьем их всех до единого.

— За Никеля! — прорычал Томми в своей странной, тягучей южной манере. — Мы сделаем это за Никеля!

Один из их друзей из города рассказал, что копы убили одного из братьев Картеров — Рэнди «Никеля» Картера, которого они случайно оставили, когда спешили сбежать из

церкви.

Теперь Томми, Билли и Баки жаждали крови. Не просто ради Рэя, не ради тайника с едой или золотом, а ради мести.

Мужчины одобрительно зашумели. Они были согласны.

Убить свиней. Захватить город. Жить как короли.

Кто бы не согласился с таким планом? Она уже согласилась, не так ли?

Ей надоело, что этот глупый город задирает перед ней нос. Пусть они увидят, кто она на самом деле, на что способна Октавия Райли.

Она будет расхаживать по городу, как королева. Займет любой дом в «Винтер Хейвене», какой захочет. Возьмет любую одежду, украшения и самую хорошую исправную машину, какую только сможет найти. Заберет всю еду.

Она станет чертовой королевой, и пусть эти самодовольные любительницы йоги и футбольные мамашки боятся ее, и уважают. Они могли бы убирать за ней дерьмо и готовить ужин.

Они могли бы ждать ее, прислуживать, трусить и дрожать, как маленькие мышки, которых она могла бы раздавить ногой.

Да, ей нравился такой план. Очень нравился.

Понравился почти настолько, что она забыла, как попала в это место. О том, что им пришлось сделать, чтобы попасть сюда. О том, что ей еще придется сделать.

— Было бы здорово, если бы у нас оказался тот мальчишка, которого ты нам обещала, — мрачно сказал Билли. Он был невысокого роста, плотный и жилистый, с настораживающим взглядом косого глаза, из-за которого казалось, что он постоянно наблюдает за ней, даже когда это было не так. — Пацан копа. Мы могли бы его использовать.

Клочок воспоминаний промелькнул за ее веками. Квинн. Ее дочь — злая и непокорная, толкающая маленького мальчишку за спину, защищающая его, отказывающая Октавии в том, чего она хотела. В чем она нуждалась.

Она провела языком по своим кривым, пожелтевшим зубам. Они казались шершавыми и противными. Когда в последний раз она хотя бы удосужилась почистить зубы?

Один из задних коренных зубов шатался. Она потрогала его языком, рассеянно думая, будет ли больно, когда он наконец выпадет. Волосы были жирными, кожа головы зудела так, будто по ней ползали тысячи маленьких жучков.

Ей с трудом удавалось держать веки открытыми. Все вокруг стало тяжелым, таким тяжелым.

— Я не виновата.

Билли усмехнулся.

— Ты никогда ни в чем не виновата, Октавия?

— Меня ударили по голове! — возмутилась она.

— Больше похоже на то, что ты позволила своей дочери сбежать. — Он изучал ее в свете камина маслянистыми, иссиня-черными глазами, которые она ненавидела. — Не стоило доверять шлюхе.

Она открыла рот, чтобы возразить, но ничего не вышло. Она освободила Квинн. Она сделала это нарочно. Но даже под кайфом Октавия знала, что лучше не позволять таким, как Билли Картер, завладеть Квинн.

Она явно нелучшая мать. Никто не стал бы спорить с этим. Даже она сама.

Всегда находилось что-то другое, более веселое, более захватывающее и просто большее. Квинн справлялась без нее. Ей всегда жилось хорошо. Кроме того, чопорная мать Октавии всегда оставалась рядом, чтобы позаботиться обо всем.

Так почему бы не повеселиться? Почему бы не наслаждаться жизнью, пока есть возможность? Пока возраст, разочарования и ответственность не высосали тебя досуха, как всех взрослых, которых она знала.

Все ненавидели свою короткую, жалкую жизнь, но ничего не делали. Но не она. Не Октавия Райли. Она не собиралась ни к чему привязываться. Она собиралась жить полной жизнью. Лучшей жизнью.

Ее глаза затуманились, когда она снова ощутила языком шатающийся зуб. На прошлой неделе Рэй ударил ее в челюсть. Может быть, поэтому он и шатался.

К черту Рэя. К черту Билли.

Даже под кайфом она совершила хороший поступок. Правильный поступок. Она защитила свою дочь от Билли и остальных. Она бы сделала это снова. Черт, она бы умерла за эту девочку, если бы до этого дошло.

Когда все закончится, она наладит отношения с Квинн. Она всегда хотела это сделать, но все время что-то мешало. Она сделает лучше. Она будет лучше.

Они будут королевами вместе, она и Квинн. Мать и дочь.

Октавия улыбнулась про себя. Да, этот план даже лучше.

Она закрыла глаза и позволила дурману захватить ее, позволила себе дрейфовать в месте, которое существовало далеко отсюда, от вони грязи, мусора и потных, невымытых тел, от обещания смерти, которое сочилось из каждой молекулы в воздухе.

В трейлере стало тихо, только храп спящих мужчин уступивших своей усталости. Они были слишком измучены, чтобы бороться со сном, даже с помощью наркотиков.

Снаружи питбуль Томми Картера поднял шум.

Октавия резко проснулась. Она не знала, сколько времени прошло. Десять минут или час? Может быть, больше.

— Что это? — сонно пробормотала она.

Мужчины, спотыкаясь, поднялись на ноги, ворчащие, дезориентированные, нащупывая в темноте свое оружие. Томми и Рэй, пошатываясь, подошли к окну гостиной. Баки заряжал свой дробовик.

— Они здесь, — сказал Билли с нескрываемым удовольствием. Он единственный, кто, похоже, бодрствовал. Его косою глазом дергался в глазнице. — Пришло время убивать.

Глава 13

Ноа

День десятый

Тридцатилетний Ноа Шеридан поправил рукоятку своего недавно полученного AR-15 и выровнял дыхание. Хотя он наполовину венесуэлец, внешне больше походил на своего ирландско-американского отца: темно-каштановые волосы, ровные черты лица, сильная челюсть и светлый цвет кожи.

Он старался держать себя в хорошей физической форме. Тем не менее, преодоление этого крутого оврага с двумя футами снега далось ему невероятно тяжело. Его бедра горели. Сердце стучало о ребра.

Холодный воздух жалил щеки. Уши замерзли, дыхание вырывалось облачками пара. Он

поработал пальцами, чтобы они не окоченели.

Лес затих почти полностью, если не считать слабого хруста ботинок, когда он и его люди крались к владениям Картеров.

Ноа щурился в утренней темноте, стараясь не зацепить одежду или оружие за ветки и сучья, не наткнуться на ствол дерева.

У нескольких ополченцев имелись очки ночного видения, но у него их не было. Как и у Хосе Рейносо и Джулиана Синклера по обе стороны от него.

Все они надели бронежилеты. В дополнение к AR-15 Ноа носил служебный пистолет «Глок 19», тактический нож в ножнах и запасные магазины к пистолету и винтовке.

Скоро рассветет. Небо уже светлело от черного к серому. Деревья, ветки, кусты и поваленные бревна начали появляться из тени.

Он останавливался через каждые несколько шагов, прислушиваясь, всматриваясь в тусклый свет и переводя дыхание. Подъем в гору давался с трудом, но они почти добрались до вершины, почти на месте.

Треснула ветка. Ноа повернулся на звук, его адреналин зашкаливал. Саттер присел в нескольких ярдах впереди него. Он обернулся к Ноа, Джулиану и Рейносо, а затем указал на пролом в деревьях прямо впереди.

Перед ними простиралась широкая поляна. На фоне снега Ноа разглядел низкую прямоугольную конструкцию. Потом еще одну и еще.

Они достигли жилища Картеров.

Сердцебиение Ноа участилось. Вот он. Момент истины.

Полицейское управление Фолл-Крика и ополчение провели большую часть последних двух дней, собирая припасы, тренируясь вместе и обсуждая логистику и задания.

Все заняли свои места. Каждый знал свою роль.

Розамонд Синклер пригласила Маттиаса Саттера и его бригаду добровольного ополчения Юго-Западного Мичигана переехать в самодостаточную общину «Винтер Хейвен» в обмен на защиту города.

Такова часть сделки.

Вчера вечером они встретились в доме суперинтенданта Розамонд Синклер, чтобы в последний раз обсудить окончательный план. Ноа, Дэниел Хейс и Хосе Рейносо представляли правоохранительные органы, а также Джулиан Синклер — офицер полиции, сын суперинтенданта и лучший друг Ноа.

Маттиас Саттер привел троих своих людей. Его второй помощник, Себастьян Десото, испаноязычный мужчина лет сорока с жестким, плоским лицом и военной стрижкой. Стройный, но подтянутый белый парень лет двадцати по имени Джеймс Лютер, который отличался мрачным, серьезным выражением лица и мало что говорил.

И, наконец, Шона Альбертсон, невзрачная женщина лет тридцати с русыми каштановыми волосами, собранными в тугий хвост. На ней была бандана цвета хаки, повязанная на шее, кобура на бедре и осанка бывшей военной.

Маттиас Саттер расстелил топографическую карту Фолл-Крика и окрестностей. Они нашли ее в картотеке в старом здании суда, которое было реквизировано в мэрию Фолл-Крика. Без GPS и спутников они довольствовались бумажными картами и памятью.

Маттиас Саттер выглядел внушительным мужчиной. Ростом метр восемьдесят три и весом двести пятьдесят фунтов, он был лысым белым парнем с мощной грудью, толстой шеей и выпуклыми бицепсами размером с футбольный мяч.

На первый взгляд, он казался грубияном, вышибалой, только кулаки, насилие и никакой хитрости, но в его бледно-глазах светился жесткий интеллект. Его не стоило недооценивать.

— Мы войдем быстро и жестко, — мрачно сказал Саттер. — Убьем все, что движется.

Ноа резко взглянул на Саттера, нервно теребя обручальное кольцо, его дрожь нарастала.

Это было как-то неправильно. Он не любил участвовать в рейдах, не собрав все свои силы, не получив одобрения сверху. Особенно такой важный рейд, как этот.

— Где шеф?

Саттер пожал плечами.

— Похоже, у него не хватает духу сделать то, что требуется. Мы позволим ему пересидеть это время.

Себастьян Десото усмехнулся.

Обеспокоенное выражение лица офицера Хейса повторяло выражение Ноа. Грузный белый мужчина средних лет, который слишком сильно любил пасту и пиццу, он был порядочным парнем, который заботился о том, чтобы хорошо выполнять свою работу.

— У нас нет ордера...

— Неотложные обстоятельства, — подсказал Джулиан. — Помнишь?

Для того чтобы войти в дом без ордера на обыск, им нужны веские основания полагать, что немедленные действия необходимы для спасения жизни человека, предотвращения уничтожения улики или предотвращения бегства подозреваемого.

Основания у них имелись.

Они знали, что Рэй и его люди находятся там, знали, что они виновны как грех.

— Нет никакой возможности связаться с помощником окружного прокурора, — напомнил ему Хосе Рейносо. Грузный бывший морской пехотинец сорока лет, Рейносо был сложен как танк и умел драться как танк. Он был хорошим полицейским, но больше дружил с Джулианом, чем с Ноа. — Мы здесь сами по себе. Мы не можем мешкать. Пришло время действовать.

Ноа подумал о своем хорошем друге Аттикусе Бишопе, плачущем и подавленном. Подумал о его жене Дафне, лежащей на его окровавленных руках. Его маленькие дочери лежали перед ним, лишённые жизни и такие неподвижные.

Такие абсолютно неподвижные, словно хрупкие, прекрасные куклы.

Все эти тела. Жизни и будущее, украденные у матерей, отцов и детей. И посреди всего этого — его собственный сын.

Он мысленно увидел Майло — его оливковую кожу, черные волосы и темные глаза. Как сильно он походил на мать своим озорным выражением лица, манерами, упрямством. А когда он прикусывал нижнюю губу, как Ханна, у Ноа начинало щемить в груди.

Как близко Ноа подошел к тому, чтобы потерять все.

Он уже потерял Ханну. Он не мог потерять и Майло.

Гнев взял верх над страхом. Это правильное решение. Необходимая вещь.

Ради Майло, который сейчас в безопасности в Фолл-Крике с Молли и Квинн. Ради Бишопы и его погибшей семьи. Ради сорока семи невинных жертв, застреленных во время бойни в Кроссвей.

— Мы должны это сделать, — произнес Ноа. — Мы обязаны это сделать.

Хейс неохотно кивнул.

Убедившись, что все в сборе, Саттер хмыкнул и сложил карту. Он засунул ее в карман своего обмундирования.

— Мы войдем на рассвете.

Тревожное чувство закралось в сердце Ноа. Он ощущал такое же жуткое беспокойство в церкви Кроссвей после резни. Как же все было неправильно.

Не только из-за ужасного преступления, совершенного в этих стенах, но и из-за того, чего и кого там не было — детективов с их кофе и плащами, криминалистов, обрабатывающих место преступления в своих защитных костюмах.

У них не имелось беспилотников для разведки или вертолетов для воздушной поддержки. Нет диспетчера, чтобы вызвать подкрепление. Ни полицейских штата, ни сотрудников ФБР.

Теперь, если их прижмет, они останутся сами по себе.

За шесть лет службы Ноа доставал оружие всего полдюжины раз, причем половина из них — за последнюю неделю. Он провел много времени на стрельбище и в тренировочных упражнениях, но ничто не могло подготовить к тому, чтобы прицелиться и выстрелить в другое человеческое существо. К стрельбе и к тому, что в тебя будут стрелять в условиях боя.

В полицейском управлении Фолл-Крик было четыре штатных сотрудника, включая шефа Бриггса, и три сотрудника на полставки. После ЭМИ-атаки, которую некоторые люди стали называть Черным Рождеством, поскольку свет погас в канун Рождества, внештатные сотрудники перешли на полную ставку.

Клинт Молл пострадал на линии огня при первой попытке захватить убежище три дня назад. Медбрату Шену Ли удалось спасти его правую руку, но он будет выведен из строя на несколько месяцев.

За последнюю неделю они собрали еще около дюжины добровольцев и резервных офицеров из местных жителей, людей с опытом работы в армии или правоохранительных органах/службе безопасности.

Но этого не хватало. Не для того, с чем они столкнулись.

Для того, что предстояло — преступники, банды и отчаявшиеся беженцы, бегущие из городов, в конце концов, доберутся до таких маленьких городков, как Фолл-Крик. Скорее рано, чем поздно.

Но теперь у них появилось ополчение. Пятьдесят человек с полуавтоматическим оружием, светошумовыми гранатами и даже гранатометом. У них было больше оружия, чем у полиции маленького городка без собственного арсенала, это уж точно.

Фолл-Крик нуждался в любой помощи.

Ноа почувствовал, что его сердце грозит выскочить из груди. Холод заморозил его пальцы, онемели ноги. Он сопел, но не решался вытереть нос. Не мог ослабить бдительность ни на секунду.

Четыре старых дряхлых грузовика, оснащенных цепями противоскольжения, ехали к лагерю Картеров по однополосной грунтовой дороге, которая служила единственным путем въезда и выезда. Грузовик и несколько ополченцев блокировали каждый конец дороги, чтобы предотвратить попытку побега.

Заросшая гравийная дорога длиной в милю вела к главной поляне и участку в сорок акров, расположенному в нескольких милях за пределами Фолл-Крика.

К тому времени, когда машины правоохранительных органов с ревом подъехали к дороге, территорию лагеря уже окружали не менее трех десятков вооруженных мужчин и женщин.

Рэй Шульц и братья Картеры их ждали. Но они даже не подозревали о том, какой

беспощадный натиск вот-вот обрушится на их головы.

Глава 14

Ноа

День десятый

Ноа, Джулиан и Рейносо подкрались к краю поляны, держа оружие наготове. Возглавлявший их группу Саттер присел на корточки за большим деревом.

Ноа уже почти не чувствовал холода. Он почти ничего не слышал за грохотом собственного сердца.

Лесной участок располагался на вершине холма, который с севера упирался в реку, а по западному периметру проходил крутой овраг. На вершине холма стояло несколько трейлеров, а также сараи, навесы и другие хозяйственные постройки. Главный двухэтажный трейлер располагался в центре участка, по обе стороны от него находилось несколько небольших одноэтажных трейлеров.

То тут, то там виднелись занесенные снегом очертания выпотрошенных автомобилей. Ржавая рама кровати прислонилась к группе больших дождевых бочек в нескольких ярдах от дома. Стиральная машина лежала на боку между двумя стройными соснами на восточной стороне участка.

Мужественный питбуль лаял и рычал, напрягаясь на своей ржавой цепи, прикрепленной к одному из сараев. Для домашнего питомца было слишком холодно, чтобы оставлять его на улице. Животное выглядело жалким и полузамерзшим.

— Команда один готова, — отчиталась по рации Саманта Перез, один из офицеров.

Десото возглавил команду один, которая двигалась с востока. Ноа, Джулиан и Саттер были с командой два, приближавшейся со стороны крутого оврага вдоль западного периметра. Река преграждала путь на север. Люди Лютера приближались по единственной дороге с юга.

— Вторая группа готова, — передал Джулиан.

— Команда три готова. — Рация потрескивала. — Быстро приближаемся, — сообщил Лютер.

Четыре старых расшатанных грузовика с цепями противоскольжения с ревом пронеслись по подъездной дорожке и остановились перед участком на широкой ровной площадке. За ними промчалась дюжина снегоходов.

Машины с визгом остановились, припарковавшись параллельно основным трейлерам в тридцати или около того ярдах от них. Из грузовиков быстро появились шесть офицеров с дробовиками и винтовками наизготовку.

Двадцать ополченцев соскользнули со своих снегоходов и выскочили из грузовиков, держа в руках полуавтоматическое оружие. Они заняли оборонительные позиции за машинами и близлежащими деревьями.

Люди Саттера одновременно открыли огонь с нескольких сторон.

Шквал крупнокалиберных пуль разнес в клочья все три трейлера. Тяжелые снаряды пробивали хлипкие крыши, окна и стены. Раскаленная латунь с грохотом падала на снег у их ног, от нее поднимался пар.

Резкое стакато полуавтоматической стрельбы раскололо воздух. Подозреваемые открыли огонь по ним через окна трейлера. Стекло разлетелось вдребезги. Пули отскакивали от крыльев и днищ автомобилей.

От оглушительного «рат-а-тат» у Ноа заложило уши. Звук стал звонким и далеким.

Адреналин застыл в его жилах, Ноа выскочил из поредевшей линии деревьев, побежал к грузовикам и пригнулся за опорой двигателя ближайшего F250. Он присел на корточки, положил винтовку на капот, прицелился в окна среднего трейлера и выстрелил.

Выстрел просвистел мимо него. Он пригнулся, пульс сильно бился в горле.

Ополченцы кричали и вопили, поливая территорию оглушительными очередями из полуавтоматов.

Ноа заставил свое дыхание замедлиться, проглотил страх и тревогу и сосредоточился. Прижав приклад винтовки к плечу, он медленно повел оптикой влево, затем вправо, сканируя тени.

Небо посветлело, над верхушками деревьев на востоке появились слабые оранжевые полосы.

Он искал хоть намек на движение или отблеск отраженного света. Его напряженный взгляд проследил за полем, трейлерами, выпотрошенными машинами и бочками, сараями.

Вот. Движение на крыше восточного трейлера. Примерно в тридцати ярдах. Плечи сгорбленной фигуры, опущенная голова. Отблеск ствола винтовки. Снайпер.

Пули ударили вокруг Ноа, раскалывая кору, отскакивая от металла, плюясь грязью и снегом. Тихий стук, и солдат застонал и упал в трех ярдах слева от него.

У него не хватало времени проверить его. Он должен уничтожить этого стрелка.

Ноа тщательно прицелился, выдохнул и коротко нажал на спусковой крючок. Винтовка завибрировала в его руках. Пули разорвали сайдинг в двух футах ниже места, где находился снайпер. Он промахнулся.

Снайпер попытался пригнуться, но укрыться было негде. Его голова и плечи все еще оставались видны.

Ноа повторно прицелился, выстрелил второй очередью и на этот раз попал в цель. Снайпер покачнулся, затем обмяк. Его тело скатилось со скатной крыши и упало на снег. Больше он не поднялся.

Сместившись. Ноа уловил движение, когда двое подозреваемых скрылись за одной из искореженных, ржавых машин. Он подождал, пока один из них раскроет себя.

Ноа прицелился и выстрелил в незащищенную голову двумя быстрыми очередями. Первая очередь попала подозреваемому в плечо. Он закрутился и, пошатываясь, вышел из-за укрытия. Вторая очередь разорвала живот и положила конец его короткой, жалкой жизни.

Ноа старался не думать об этом. Старался не думать о людях, умирающих вокруг него, прямо у него на глазах. Заставлял себя не задумываться о своей роли в этом. Не сейчас, не тогда, когда у них есть работа.

Несколько пуль срикошетили от металла в футах от его лица, разлетевшись искрами.

Второй мужчина, стрелявший по трейлерам из-за толстого ствола дуба, вскрикнул и упал.

Ноа не мог понять, был ли это член ополчения или один из жителей Фолл-Крика. Он просто продолжал стрелять. У него закончились патроны, и он пригнулся, чтобы перезарядить винтовку, его окоченевшие, почти замерзшие руки шарили по магазину, адреналин заставлял дрожать.

Маттиас Саттер присел за ближайшим грузовиком и водрузил гранатомет на плечо. Он выстрелил по одному из сараев на западной стороне поляны, где пытались спрятаться три или четыре стрелка.

Граната взорвалась. Громовой раскат расколол воздух.

Из окон повалил дым. Раздались крики ужаса и боли. Женщина и мужчина, похожие на крыс, выскочили наружу, их одежда и волосы горели, а тела уже успели изрядно пострадать.

Команда Десото подкралась вплотную с востока, пока подозреваемые сосредоточились на атаках с запада и юга. Они подкрались сбоку к трейлерам и бросили внутрь несколько светошумовых гранат.

Стоны и вопли смешались с бешеным лаем питбуля. Через несколько секунд ответный огонь из трейлеров затих.

— Это полиция! — крикнул Ноа. — Если не хотите быть застреленными на месте, выходите сейчас же, с поднятыми руками!

Он ждал, все еще приседая, сердце колотилось в груди, во рту было сухо, как в пустыне.

Никаких звуков из главного трейлера. Никакого движения. Он ничего не видел на крышах.

Во дворе лежало несколько тел, упавших со своих снайперских позиций или попавших под перекрестный огонь при попытке бегства.

Оставшиеся подозреваемые затаились. А может быть, они уже были мертвы или умирали.

— Мы заходим, — раздался по рации голос Саттера.

— Понял, — ответил Джулиан. — Давайте прикончим этих подонков.

Они рассредоточились по территории, одни приближались к главному трейлеру, другие исследовали односкатные прицепы и сараи, все были внимательны и осторожны, оружие поднято и готово к стрельбе.

Новая порция адреналина хлынула в жилы Ноа. Он быстро поднялся на ноги, обогнул грузовик и присоединился к своим товарищам у главного трейлера.

Его дыхание стало быстрым и поверхностным. Ладони в перчатках вспотели, когда он крепче сжал винтовку.

Запахи пороха, горячей латуни и гипсокартонной пыли заполнили его ноздри. Грохот и треск перестрелки все еще отдавались эхом в ушах и звенели в голове.

Джулиан достал из подсумка на жилете гранату-вспышку. Саттер дал ему несколько. Ноа занял позицию слева от задней двери. Рейносо прижался к стене с противоположной стороны.

Третья группа заняла позицию для штурма спереди.

После кивка Джулиана и сигнала по рации Ноа размахнулся, поднял ногу и ударил в дверь чуть ниже ручки.

Он сильно толкнул ногой во второй раз, и дерево разлетелось на щепки. Непрочная дверь помялась и сломалась.

Они готовы войти.

Глава 15

Ноа

День десятый

Ноа присел на корточки, подняв винтовку. Джулиан подошел сзади и бросил гранату внутрь. Они успели увернуться, когда взрывная волна потрясла внутренности трейлера.

Граната взорвалась с ослепительным светом и оглушительным взрывом, но без осколков. Она была разработана, чтобы вызвать дезориентацию и замешательство. Граната

сработала идеально, как и было задумано.

Джулиан оказался первым внутри, ворвавшись в дверь без страха и колебаний. Джулиан всегда входил первым. Смелый, дерзкий и немного безрассудный. Никто никогда не называл Джулиана Синклера трусом.

Ноа последовал за ним, следом шли Хейс и Рейносо. Офицер резерва Орен Труитт стоял на страже снаружи, следя за тем, чтобы никто не входил и не выходил за ними.

Внутри трейлера царили темнота и мрак.

Вонь обрушилась на него первой, едва не повалив с ног. Плесень и что-то прогорклое — вонь человеческих фекалий из переполненных туалетов.

Ноа моргнул, чтобы прочистить глаза, и включил фонарь, установленный на оружии. Он ничего не мог поделать с этой вонью, кроме как терпеть ее.

Кухня и гостиная представляли собой одно тесное пространство, разделенное выцветшей столешницей. Грязная посуда громоздилась в сухой раковине, грязные тарелки, миски и столовое серебро рассыпались по столешнице.

Напротив антикварного журнального столика, заваленного наркотиками, стояла раздутая черная виниловая спинка кресла. Стопки DVD-дисков валялись на полу перед телевизором с большим экраном шириной с трейлер. Мусор повсюду.

Три изрешеченных пулями тела распростерлись на полу гостиной перед окнами, их оружие лежало рядом. Ноа отшвырнул его в сторону. Хейс двинулся за ним, чтобы проверить пульс.

Бандит выскочил из-за кожаной спинки кресла. В его руках болтался автомат, но он дико целился в потолок. Одетый, несмотря на холод, только в черные боксеры и носки, он кричал и шатался, все еще дезориентированный. Из пулевого отверстия в животе сочилась кровь.

Сердце Ноа бешено застучало от адреналина. Прежде чем он успел прицелиться и выстрелить, Джулиан уже настиг его и выпустил два патрона.

Бандит упал, мертвый.

Саттер и Лютер взяли под стражу еще двух подозреваемых на кухне, которые находились в оцепенении и потеряли ориентацию после взрыва. Рэй Шульц и Томми Картер упали на колени, плача, как дети, и выкрикивая оскорбления.

Томми Картер обильно истекал кровью из пулевого ранения в плече. Лицо Шульца испещряли порезы от осколков стекла.

Хейс и Рейносо переместились влево, прикрывая гостиную, а Ноа и Джулиан пошли по центру к длинному коридору между гостиной и кухней.

Две двери налево, две направо. Скорее всего, три спальни и ванная комната. Они шли по затемненному коридору, пока не оказались перед первой дверью слева.

Джулиан потянулся, повернул ручку и вошел в комнату. Ноа последовал сразу за ним. Он осмотрел комнату по часовой стрелке, держа наготове винтовку. Джулиан сделал то же самое, сканируя против часовой стрелки.

Он пересек грязный, матовый ковер. Проверил за комодами, под кроватью.

Пульс участился, палец на спусковом крючке, носком ноги Ноа открыл раздвижную зеркальную дверцу шкафа — наполовину ожидая, что оттуда выскочит бандит с пистолетом, направленным ему в лицо.

Ничего, кроме хлама и вонючего клубка одежды.

— Чисто, — сказал он.

— Чисто, — повторил Джулиан.

Они скользнули вдоль стены, прежде чем войти в следующую комнату. Повторяя ту же процедуру, Ноа и Джулиан встали рядом со следующей дверью, готовые броситься внутрь и зачистить помещение. Ноа ворвался в проем, Джулиан вошел прямо за ним, его свет, установленный на оружии, пронзил тусклые тени.

— Чисто, — сказал он.

Рация трещала. Команда Десото загнала Баки Картера в угол в одном из полуразрушенных сараев. Они связали его стяжками.

Ноа и Джулиан проверили третью комнату — грязную ванную комнату с плесенью, растущей в ванне, и наполовину оторванной от колец занавеской для душа.

Ноа толкнул локтем дверь последней спальни и ворвался внутрь, держа оружие наготове. Он повернулся влево, а Джулиан — вправо, их движения были как по часам, как у товарищей по команде, которые беззаветно доверяли друг другу.

Одним взглядом Ноа окинул тусклую, грязную комнату. Матрас с пожелтевшими, испачканными простынями и куча одеял посреди пола. Дешевый комод и тумбочка из облупившейся древесно-стружечной плиты. Повсюду разбросаны наркотические атрибуты.

Краем глаза он заметил движение.

Женщина вылезала из окна у дальней стены. Жалюзи упали на пол. Ее нижняя половина все еще оставалась внутри, ноги дико дрыгались, голова и туловище торчали уже снаружи.

Ее куртка зацепилась за торчащий гвоздь. Она приподняла окно ровно настолько, чтобы выбраться наружу. Верхняя рама сползла вниз и теперь давила ей на поясницу, фактически запирая ее в ловушке.

Ноа стремительно вошел в комнату, направив винтовку на женщину.

— Не двигайся!

Справа от себя он почувствовал, что Джулиан проверяет шкаф. Других дверей или уборных не было. Остальная часть комнаты оставалась чистой.

— Иди к черту! — крикнула женщина.

И тут Ноа ее узнал.

Октавия Райли.

Глава 16

Ноа

День десятый

Ноа направился к застрявшей беглянке.

— Отходи от окна, медленно и аккуратно. У тебя есть оружие? Бросай его сейчас же.

Она яростно выругалась на него.

— Разве похоже, что у меня с собой пистолет, придурок!

Он выглянул в окно.

Обе ее руки были пусты. Рюкзак упал в снег под окном, вне ее досягаемости. Она вывернула туловище, чтобы посмотреть на него и оттолкнуть от себя двумя пальцами.

Рация снова затрещала.

— Говорит команда один. У нас активный стрелок в деревьях за третьим трейлером. Запрашиваем помощь.

— Принято, — ответил Джулиан. — Главный трейлер очищен. Команда два может оказать помощь.

— Ты можешь справиться с ней в одиночку? — спросил Джулиан.

Ноа закатил глаза.

— Иди давай.

— Подумал, что пришло время отказаться от привычки тебя опекать. — Джулиан ухмыльнулся — настоящей, искренней ухмылкой, как в старые добрые времена, — и рысью выбежал из комнаты.

Ноа прислонил винтовку к стене, поднял оконную раму и освободил куртку Октавии. Он не был нежен, когда затаскивал ее обратно в комнату.

Когда адреналин и напряжение битвы угасли, его гнев вернулся.

Квинн рассказала ему, что произошло. Октавия была в церкви. Октавия помогла Билли забрать Юнипер и Хлою. Она спасла собственную дочь и Майло по своей воле, но это не отменяет ни капли ее вины.

— Повернись. Руки на стену. Сейчас же.

Октавия выполнила приказ, разразившись потоком непристойных проклятий.

Он обыскал ее, затаив дыхание от зловония, исходившего из каждой ее поры. Ее черные волосы свисали по спине сальными прядями. Тощее тело все еще тряслось от последнего кайфа.

Засучил рукава ее куртки и защелкнул наручники на запястьях. Развернул Октавию и зачитал ее права.

Это вошло в привычку. Сейчас у них нет возможности найти ей общественного защитника. Он даже не был уверен, где они смогут держать ее ближайшие несколько дней, не говоря уже о последующих неделях и месяцах.

Она сверкнула на него глазами.

— Я ничего не делала. Все вы на меня ополчились. Вы всегда имели на меня зуб.

Ноа помнил ее со школьной скамьи. Она была одной из самых красивых девушек в их маленьком городке, но всегда отличалась дикостью и бунтарством. Ей никогда не нравились хорошие парни. Она любила только тех, кто мог причинить ей боль и кого она могла обидеть в ответ.

Ее красота померкла и стала лишь подобием прежней. Лицо исхудало, темные глаза, как мрамор, блестели от безумия крэнка или того, что она принимала.

Раньше он жалел ее. Теперь Ноа жалел только Квинн.

— Не смотри на меня так! — закричала она.

Ее вонючее дыхание ударило ему в ноздри. Он сделал шаг назад.

— Для тебя все кончено, Октавия. Это конец.

— Я ни в кого не стреляла! Я никого не убивала! Это была не я!

Он устало покачал головой. Ему было так холодно, он так устал. Ноа просто хотел горячей еды и теплой постели. И сына, рядом с ним, в надежных и уютных объятиях.

У Бишопа этого никогда не будет. Его семья украдена у него. Украдена этим жалким подобием человека.

— Ты соучастница. С тем же успехом ты могла бы сама нажать на спусковой крючок.

— Нет! — Она неистово трясла головой. Пряди грязных волос упали ей на глаза. — Нас подставили! Нам сказали, что делать!

Он развернул ее и повел к двери. Разглагольствования сумасшедшей женщины. Такие подонки, как она, готовы на все, лишь бы избежать своей участи.

— Вперёд.

— Как, по-твоему, мы выбрались из этой старой дрянной тюремной камеры, в которой ты нас запер, а? Кое кто нас выпустил!

Ноа замер. Это привлекло его внимание. Посреди ночи, в перерывах между кошмарами, эта мысль не давала ему покоя.

— Что ты сказала?

— Какой-то парень. Он выпустил нас.

— Какой парень?

Она повернулась к нему лицом, дергаясь и напрягаясь.

Он весь подобрался.

— Кто, Октавия, кто?

Она пожевала нижнюю губу. Ее налитые кровью глаза метались по комнате.

— Он надел капюшон. Его лицо скрывалось в тени. Он старался говорить тише. Его голос показался мне знакомым. Не незнакомец. — Она посмотрела на него. — Кто-то, кого ты знаешь, я уверена.

— Не очень-то это помогает.

— Он сказал, что Бишопы прячут золото вместе со всей этой едой. Золото, которое пригодится в апокалипсисе. Мы могли бы купить все, что захотим. Все лекарства, еду и топливо, необходимые для жизни. Мы были бы королями. — Она улыбнулась, обнажив свои кривые, пожелтевшие зубы. — Королевами.

Ноа напрягся. Бишоп рассказывал ему похожую историю.

— У Аттикуса Бишоп нет денег. Он тратит все, жертвуя на благотворительность.

Ее ноздри раздувались.

— Откуда нам знать? Этот парень, он выпустил нас. Он сказал нам, что делать. Это не мы придумали. Это был он. Вы должны поймать его. Он заставил нас сделать это!

— Довольно невероятная история, как по мне, Октавия. Ни судья, ни присяжные на это не купятся.

— Это все равно правда! Ты должен провести расследование или что там полагается. — Она рванулась к нему, едва не потеряв равновесие.

Ноа протянул руку, чтобы поддержать Октавию. Проблема в том, что, возможно, он действительно поверил ей. Только понятия не имел, что, черт возьми, делать с этой информацией или как ее расследовать в разгар апокалипсиса.

Ченнинг Харрис, один из новых офицеров-добровольцев, заснул во время несения караульной службы и проснулся от того, что старинный замок взломан, а заключенные исчезли. Древний ключ тоже пропал.

В хаосе после нападения они не предприняли ничего особенного для расследования. Не существовало ни отпечатков пальцев, которые можно было бы проверить или ввести в систему, ни записей с камер, которые можно было бы проанализировать. Даже под интенсивным допросом Харрис утверждал, что просто заснул.

Рейносо решил, что одному из братьев Картер удалось пронести небольшой нож или карманный мультитул. Хейс признался, что в суматохе они забыли провести тщательный досмотр вещей.

— Ты должен мне помочь! — умоляла она. — Я спасла твоего ребенка. Я могла убить его, но спасла его! Билли собирался застрелить его и мою дочь прямо там. Но я не позволила ему.

— Квинн спасла жизнь моему сыну. А не твоя жалкая задница.

— Это я! — восклицала она, уже рыдая. — Это была я! Я спасла их обоих. Я помогла им! Ты должен что-то сделать! Ты должен мне!

Едва заметный намек на сочувствие смешался с отвращением, скрутившим желудок Ноа. У нее были мать и отец, которые любили ее, и удивительная дочь Квинн Райли. А она всех их отвергла.

— Теперь уже слишком поздно, Октавия.

Ее беспокойный взгляд метнулся мимо него.

— Пожалуйста! — кричала она, ее хриплый голос срывался. — Пожалуйста, помоги мне!

Саттер вошел в комнату. Он окинул ее одним взглядом и с отвращением покачал головой. Вскинув винтовку, Саттер ударил ее прикладом по виску.

Октавия без звука рухнула на матрас, завалившись набок, и потеряв сознание.

Глава 17

Ноа

День десятый

— Зачем ты это сделал? — спросил Ноа, опешив. — Она уже подчинилась. Она...

Саттер посмотрел на Ноа.

— Она взбесила меня. Я слышал ее визгливый голос из кухни.

Ноа уставился вниз на распростертую Октавию, нахмутив брови.

— В этом не было необходимости.

— Не было необходимости? — Саттер насмешливо хмыкнул. — Да что с тобой такое? Весь твой город умоляет о головах этих монстров на пиках. И мы собираемся дать им их.

Саттер пнул Октавию носком ботинка. Не жестоко, а так, словно пинал кусок мусора или уличное отродье, что-то отвратительное, от чего он хотел избавиться как можно скорее.

Ноа стиснул зубы.

— Ты не должен этого делать.

Саттер пожал плечами.

— О чем она говорила? Эта чертова женщина не могла заткнуться.

— Она сказала, что кто-то их выпустил. На свободе есть сообщник.

— Она под кайфом и безумна. Они все такие. Скажут что угодно, если посчитают, что это их спасет. Но это время прошло. Здесь нет адвокатов.

— Только пока, — сказал Ноа. — Даже если эта ситуация с отключением сети продлится месяцы или даже годы, в конце концов все вернется на круги своя. Мы не можем просто делать все, что захотим.

Саттер только усмехнулся.

— Кто сказал?

Секунду Ноа молчал, слишком ошеломленный, чтобы ответить.

Все менялось слишком быстро. Ему это не нравилось, не нравилось беспокойство, сковывающее его внутренности.

— Суперинтендант Синклер..., — начал Ноа.

— Суперинтендант уполномочила нас делать все, что мы сочтем нужным, чтобы положить этому конец и защитить город. Именно это мы и делаем.

— Мы все еще должны делать все по правилам, где это возможно...

Саттер только рассмеялся.

— Нет никаких правил. Мы сами устанавливаем правила.

— Мы все еще ответственны за то, чтобы поступать должным образом. Мы все еще закон.

— Приди в себя, парень! — заявил Саттер. — С этим покончено. Ни один кабинетный чиновник из правительства не будет анализировать все, что ты здесь сделал, сидя за своим шикарным столом, и искать недостатки в действиях храбрых солдат, идущих в бой. Правительство разваливается на части, пока мы говорим. Общество рушится, как карточный домик, которым оно всегда было.

Саттер наслаждался произошедшим. Он, его люди и такие же, как он, годами ждали чего-то подобного. Хотели, чтобы это случилось. Чтобы они могли контролировать ситуацию. Чтобы у них наконец появилась власть.

— Ты видел города? Выезжал за пределы этого маленького анклава? — Он насмешливо фыркнул, когда Ноа покачал головой. — На это ушло меньше недели. Сплошной хаос. Каждый сам за себя. Подражатели военачальников и бандитские группировки сражаются за помощь Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям и Красного Креста, которую они воруют, потому что не хватает военных, чтобы защитить обычных людей.

— У нас есть два варианта. Сдаться, как кроткие маленькие девочки, и умереть от рук таких вот человеческих отходов, или мы сами возьмем власть. Ваши правительственные боссы ушли. Ты слышал о них? От кого-нибудь? Они бросили вас. Чем дольше вы верите в них, тем слабее становитесь.

Ноа не мог с ним спорить. Он выезжал за пределы Фолл — Крика, чтобы забрать тела на горнолыжном курорте, но избегал всех городов и поселков. Он не видел своими глазами, как обстоят дела за пределами Фолл-Крика.

Тем не менее, он видел многое. Больше, чем ему хотелось бы за всю жизнь.

— Я тебя понял, — сказал он. — Но это не значит, что мы будем отвергать все и сами становиться боссами.

— Конечно, нет. Мы все здесь люди разумные. Мы сделаем работу намного лучше, чем когда-либо делал губернатор штата. Вот увидишь.

Этот парень считал себя главным. От него веяло силой. Чувством власти и авторитета. Высокомерием.

Как будто Ноа и другие полицейские играли роль подчиненных в этом уравнении.

Взгляд Ноа скользнул к АК-47 в руках Саттера. Он слышал, как Саттер сказал Розамонд, что у них хранятся боеприпасы на годы вперед. И много мощного оружия.

Он собирался доверить этим парням безопасность города.

«Доверься мне», — попросила его Розамонд. Он действительно доверял ей. Розамонд была умна. Она заботилась об этом городе, о нем. Она никогда не подводила его раньше. И все же...

Себастьян Десото вошел в комнату. Его винтовка была перекинута через грудь. В руках он нес толстый моток веревки. Ноа не знал, принесли ли они ее с собой или нашли здесь. Да это и не имело значения.

Бледные глаза Саттера потемнели. В его пристальном, немигающем взгляде на Ноа появилось что-то пугающее.

— Это животные. Человеческие отходы. Для них остается только одно.

— Что ты собираешься делать? — Ноа снова ощутил это чувство, неприятное ощущение, скользнувшее по коже. — Для чего это?

Десото бросил веревку поверх бессознательного тела Октавии. Он улыбнулся. Его широкие белые зубы блестели в утреннем свете, проникающем через окно.

— Справедливость.

Прежде чем Ноа успел спросить его, что именно он собирается делать с этой веревкой, Джулиан вошел в спальню следом за Десото.

— Кстати, о справедливости. — Он переложил винтовку в левую руку и завел большой палец за спину. — У меня есть кое-что для тебя, брат.

Ноа настороженно перевел взгляд с Октавии на Джулиана.

— Что?

— Ты просто должен пойти и посмотреть. — Джулиан нетерпеливо усмехнулся. На мгновение он стал похож на того Джулиана Синклера, которого Ноа знал до ЭМИ — харизматичного и общительного, уверенного в себе и красивого, с короткими светлыми волосами, ровными чертами лица и очаровательной улыбкой.

В последнее время он держался напряженно и нервно, выражение его лица стало мрачным, а взгляд — тяжелым. Вероятно, он потерял не менее пяти килограммов, а может, и больше.

Но разве большинство людей не изменились? И не все в лучшую сторону.

— Ну же, — сказал Джулиан, уговаривая. — Поверь мне.

Ноа повернулся к Саттеру.

— Не трогай ее.

Саттер усмехнулся.

— Даже не мечтал об этом.

Ноа последовал за Джулианом из трейлера, по протоптанной тропинке через снег к одноэтажному дому, стоящему ближе всего к реке. Там было еще грязнее, если такое возможно. Мешки с мусором валялись повсюду.

Отвратительная вонь человеческих экскрементов вперемешку с аммиачным запахом мочи обожгла его ноздри. Он закрыл нос и рот воротником куртки и закашлялся, глаза слезились.

— Как люди тут живут?

— И не говори. — Саманта Перез стояла на страже у двери. Она натянула свитер на рот и нос. Стянула его, только когда они вошли. — Извините, у меня просто легкое головокружение.

— Это чудо, что ты не потеряла сознание от вони, — заметил Ноа.

Саманта — или Сэм, как все ее называли, — заправила свои черные волосы длиной до подбородка за одно ухо.

— А я думала, что подгузники моего племянника ужасны. Фу.

Полнотелая и фигуристая, Сэм была еще и невероятно сильной. Свои широкие плечи и мускулистые руки она накачала в спортзале. После десяти лет службы в Национальной гвардии она знала толк в оружии.

До ЭМИ она выполняла обязанности офицера на полставки, но за последнюю неделю проявила себя с лучшей стороны. Она была жесткой и надежной. Даже веселая, если находилась в хорошем настроении.

Джулиан посмотрел на нее.

— Дай нам минутку.

Она перевела взгляд с Джулиана на Ноа, колеблясь.

— Вы уверены?

— Все в порядке, — заверил Джулиан. — Мы позаботимся об остальном. Ты освобождена от несения караула.

— О, слава богу. — Сэм практически бросилась через входную дверь. — Удачи!

Когда она ушла и в трейлере воцарилась тишина, Джулиан двинулся дальше в гостиную. Ноа последовал за ним. Джулиан без слов указал пальцем.

Билли Картер стоял на коленях в центре испачканного, замусоренного ковра

Глава 18

Ноа

День десятый

Руки Билли были стянуты за спиной. Его лицо превратилось в месиво, губа разбита, правый глаз уже опух и стал фиолетовым.

Кровь текла из пулевого ранения в левом бедре выше колена. Еще больше крови сочилось из пореза на лбу и изо рта.

— Вот. — Голос Джулиана прозвучал резко. Его глаза стали яркими и стеклянными, почти лихорадочными. — Это он. Он тот самый.

Билли смотрел на них, один глаз блуждал влево. Он выплюнул окровавленный зуб на ковер у их ног.

Ноа прислонил винтовку к стене. Сжал руки в кулаки.

Все вернулось в одночасье. То, что сказала ему Квинн. Что именно Билли забрал маленьких девочек Бишоп из подсобки в церкви.

Билли Картер. Убийца детей.

Отвращение наполнило Ноа.

— Ты убил Юнипер и Хлою Бишоп.

Билли одарил их злобной улыбкой. Его зубы были окровавлены. Отсутствующий зуб оставил зияющую дыру.

— Где мой адвокат?

Ноа сделал два широких шага и ударил Билли по лицу.

Он даже не знал, что собирается это сделать. Он никогда в жизни никого не бил, даже преступников, которых арестовывал и бросал в тюрьму.

От удара голова Билли покачнулась назад. Он чуть не упал на спину, но сумел восстановить равновесие.

— Это полицейский произвол!

— Я тебе покажу полицейский произвол, сучий выблядок, — прошипел Джулиан. — Кому ты собираешься об этом рассказать, а? — Он широко раскинул руки. — Здесь никого нет.

Билли зло уставился на них. Его косящий глаз придавал ему странный, безумный вид. Все лицо распухло и покрылось багровыми синяками. Переносица была искривлена, из ноздрей сочилась кровь.

Ужасные воспоминания той ночи пронзили мозг Ноа — слепой страх, нервная паника, ужас, словно тонущий камень в его внутренностях, тошнотворное отчаяние, когда он вошел в церковь и увидел тела.

Каким напуганным и совершенно беспомощным он себя чувствовал. Теперь он не был беспомощен.

— Ты убил маленьких детей, — выдавил Ноа сквозь стиснутые зубы. — Ты убил семью моего друга.

Билли выругался и сплюнул еще больше крови.

— Ты сломал мне нос.

— Ты убил их. Это был ты.

Долгое мгновение Билли ничего не говорил. Ноа думал, что он будет отрицать это, заявлять о своей невинности, как любой другой виновный преступник.

— Я сделал это. — Билли поднял голову и встретил взгляд Ноа своим единственным здоровым глазом. Медленная, довольная улыбка расплылась по его обезображенному лицу. — Это то, что ты хочешь услышать? Я убил их всех. Жену. Девчонок. Хочешь услышать, как они плакали? Как Бишоп умолял нас убить его? Как они смотрели...

Ноа снова ударил его. Впечатал кулак в лицо Билли. Костяшки пальцев затрещали. От удара боль пронзила руку. Кровь забрызгала перчатку.

Он отступил назад. Опустив руки вниз.

Рот Джулиана сузился. Выражение лица стало жестким и каменным.

— Пристрели его.

Ноа застыл на месте.

— Сделай это!

Маслянистые черные глаза Билли были красными от лопнувших сосудов. Он улыбался сквозь кровь, заливающую его лицо, его голос звучал невнятно.

— Мне понравилось. Это то, что ты хочешь, чтобы я сказал? Я наслаждался каждой чертовой секундой этого.

Ноа дрожал от гнева и ненависти. Он ненавидел Билли Картера всеми фибрами своего существа. Каждая секунда, когда он вдыхал кислород, которого никогда не будет у девочек Бишоп, наполняла Ноа невыносимой яростью.

— Разве ты не хочешь отомстить? — шипел Джулиан. — Я отослал Перес ради этого. Ради тебя. Слушай, после Кроссвея никто и глазом не моргнет. Никто не будет задавать вопросов. Этот подонок — всего лишь очередная жертва того первого шквала оборонительного огня. Перес будет все равно. Мы защищались. Это хорошо. Все хорошо. Железная защита.

Ноа облизал свои потрескавшиеся губы и покачал головой. Он едва мог думать сквозь красную дымку гнева, его пульс колотился в висках.

Джулиан достал свое табельное оружие и вложил его в руку Ноа. Он сомкнул свои руки вокруг руки Ноа, выражение его лица ожесточилось.

— Ты делаешь то, что должен делать. За Майло. За семью Бишоп. Не беспокойся ни с чем другом. Я прикрою тебя. Я всегда тебя прикрываю.

Ноа хотел его смерти. Он был личинкой. Чудовище. Худший из представителей человечества. Он заслуживал смерти. Он заслуживал ужасной, мучительной, агонизирующей смерти.

И все же. Ноа все еще оставался полицейским. Его чувство справедливости, порядка, правил и закона — оно не исчезло. Он был тем, кем он был.

Что-то внутри него сдулось. Он опустил руку. Покачал головой.

Не говоря ни слова, Джулиан взял пистолет.

— Я так и знал, — прокричал Билли. — Слишком много пуст...

Джулиан поднял пистолет, направил на него, прицелился в его фиолетовый опухший

глаз.

Высокомерное лицо Билли побледнело. Он попытался подняться на ноги, но руки и ноги были связаны, и он оказался совершенно беспомощен.

Беззащитен перед пистолетом Джулиана.

«Ты должен остановить его», — прошептал голос в глубине сознания Ноа.

Он не сделал этого. Он замер, словно время остановилось, и он оказался бессилён изменить события, разворачивающиеся перед его глазами.

Он не двигался. Он не произнес ни слова.

Джулиан нажал на спусковой крючок.

Хлоп! Звук выстрела ударил по барабанным перепонкам.

Билли дернулся. Брызнула кровь. Центр его лица, казалось, провалился внутрь. Почти в замедленной съемке он упал боком на пол. На его изрезанных чертах лица застыло ошеломленное выражение.

Ноа уставился, быстро моргая. Далекое жужжание заполнило его голову.

Ошарашенный, он сделал шаг назад. Резко вдохнул, чтобы успокоиться.

Джулиан вытер пистолет о рубашку и убрал его в кобуру. Он плюнул на тело Билли.

— Одним подонком в мире меньше.

Ноа сглотнул.

— Ты убил его.

— Мы убили его. — Выражение лица Джулиана смягчилось. Теперь он выглядел спокойным, умиротворенным. Он сочувственно положил руку на плечо Ноа. — Саттер все равно собирался это сделать. Этот монстр заслуживал особого правосудия.

Ноа покачал головой, пытаясь осмыслить происходящее. Он смотрел на изуродованное лицо Билли Картера, пока его глаза не заслезились.

Это не походило на правосудие. Все в этом ощущалось неправильно.

Ноа верил в закон. Он верил в порядок и последствия. В высшую инстанцию, перед которой нужно отчитываться.

Джулиан и Саттер считали, что единственный авторитет, перед которым они теперь отчитываются, — это они сами.

А Джулиан... как легко он только что убил человека. Намеренно. Умышленно, а не в горячке, как тогда в церкви.

Джулиан тоже был полицейским. Он поклялся соблюдать тот же этический кодекс, что и Ноа, но Джулиан даже не вздрогнул. Он казался в полном порядке.

Ноа чувствовал одновременно тошноту и удовлетворение. Облегчение — радость — этот ублюдок мертв. И разочарование от того, как все это произошло. Он не знал, на кого злиться — на себя или на Джулиана.

Или же ему следует просто принять эту новую жестокую реальность, как это сделал Джулиан.

— Пора восстановить справедливость в отношении остальных животных. — Джулиан перешагнул через Билли Картера и направился к двери. — Мы разберемся с этим беспорядком позже. А может, просто оставим его гнить.

Он оглянулся на Ноа.

— Ты идешь или как?

Ноа подумал о клятве, которую он дал на том ветреном лыжном склоне четыре дня назад. Клятву сделать все, что потребуется, чтобы защитить своего сына и этот город.

Все еще потрясенный, он отвернулся от мертвого тела, от человека, которого только что убил его лучший друг. Ноа хотел оказаться как можно дальше от этого унылого, гнилого трейлера.

— Иду.

Глава 19

Квинн

День десятый

— Эй, Мелкий, — позвала Квинн. — Что скажешь?

Майло медленно повернулся, его глаза расширились. Торжественный, худенький мальчик с оливковым оттенком кожи, темными кудрями и темными глазами, который каким-то образом сумел проложить себе путь в сердце Квинн, несмотря на всю ее оборону.

Она махнула рукой на стены.

— Я называю это своим шедевром.

Комнату Квинн украшали фрески, которые она делала сама. Когда она не лазила по деревьям, не читала фантастические триллеры или не упражнялась с рогаткой, она рисовала или писала.

Бумага и карандаши стоили дешево. Холст и краски — не очень.

Несколько лет назад дедушка подарил ей неиспользованную пинту желто-подсолнечной краски, которую он купил на распродаже. Через неделю он принес для нее краску яркого яблочно-зеленого оттенка и дешевую кисточку.

Через два года у Квинн собралась коллекция из более чем тридцати цветов, и она выкрасила каждый квадратный дюйм стен и потолка, дверцы шкафов, книжные шкафы, письменный стол и кровать. Она покрасила бы и пол, если бы на нем не лежал ковер.

Сегодня уже пошел третий день с того вечера. Вечера бойни. Вечера, когда Майло и Квинн чуть не погибли вместе, но всё же им удалось выжить.

Время близилось к середине утра. После утренней дозы таблеток гидрокортизона, которые Майло приходилось принимать дважды в день из-за болезни Аддисона, она приготовила себе и Майло завтрак из хлопьев, миндального молока, крекеров и арахисового масла.

Арахисовое масло Майло просто обожал. Он выпрашивал его практически во время каждого приема пищи.

Отец Майло, Ноа Шеридан, подвез его к дому бабушки рано утром, задолго до рассвета. Ноа отправился на службу вместе с другими полицейскими, недавно назначенными добровольцами и бойцами ополчения.

Он пытался не дать городу развалиться на части, а жителям — ополчиться друг на друга, пока они не замерзли или не умерли от голода. Задача стояла не из легких.

Прямо сейчас он охотился на Рэя Шульца и его команду убийц. Включая Октавию.

Квинн закрыла глаза от волны тяжелых воспоминаний. Ее мать стала соучастницей массовой бойни. Она была убийцей. И все же именно мать защитила Квинн от Билли Картера в ту ночь.

Все это представляло собой запутанный клубок, распутать который Квинн не надеялась.

— Ты разрисуешь мою комнату также? — Майло прошелся по комнате, обходя одежду и хлам, разбросанные по полу, и осмотрел ее стены. Их покрывали фрески с изображением монстров. Кинг-Конг, Чужой, Годзилла и Минотавр, а еще драконы, гремлины и гарпии.

Она любила научную фантастику. Миры монстров, хаоса и магии, где могло произойти все, что угодно. Где не существовало скучного, тоскливого и уродливого. Все, что написано Октавией Э. Батлер, Робертом Хайнлайном, Филипом К. Диком или Урсулой К. Ла Гуин, и немного Стивена Кинга.

— Это заняло много времени. Сикстинскую капеллу нельзя расписать за одну ночь, знаешь ли.

Квинн дрожала. В ее спальне было холодно, как в ледяной коробке. Бабушкина дровяная печь поддерживала тепло и уют на кухне, но в остальном доме царил холод.

Они с Майло все еще одевались по-зимнему — подштанники под теплыми штанами, толстовки и зимние куртки, шапки, перчатки и шарфы, плотно обмотанные вокруг шеи.

По крайней мере, здесь не так холодно, чтобы они могли видеть свое дыхание. Не то что на улице, где температура держалась на уровне минус пятнадцати градусов.

Майло остановился у безумной оранжево-красной картины джунглей, которую она изобразила на двойных дверцах шкафа. Он указал на белого единорога в центре с огненно-красными глазами и сверкающим острым рогом.

— Кто это?

Она присела на край кровати.

— Единорог Джефф.

— Он сюда не подходит.

— Конечно, подходит. Он плохой единорог.

— Нет такого.

— Он вредный и грубый. Он оскорбляет тебя и использует самые нецензурные выражения. А если ты его сильно раздражаешь, он проткнет тебя своим рогом.

— Джефф — единорог-колючка?

Квинн понравилось его определение. Она чуть улыбнулась.

— Конечно.

— Единороги должны быть милыми.

— Многие вещи должны быть милыми, но на самом деле они не такие. Внешность обманчива.

Майло обдумал это, пожевал нижнюю губу.

— Почему он такой злой?

— Почему ты решил, что он злой?

Майло поднял руку и провел по изящной шее Джеффа.

— Может, мама его бросила.

Квинн бросила на него острый взгляд.

— Ты так думаешь?

Он пожал плечами.

— Не знаю.

— Возможно. А может у людей и единорогов иногда выдаются плохие дни.

— Или он злой, потому что ему грустно и одиноко.

Ее грудь сжалась. Все обычные саркастические колкости и язвительные замечания подвели Квинн. Она провела ладонями по черному с синими горошинами покрывалу, которое бабушка и дедушка подарили ей на двенадцатый день рождения. Один из многих дней рождений, о которых ее мать совершенно забыла.

Она собрала по горсти ткани в каждую руку, сжав пальцы в кулаки.

— Ты помнишь свою маму?

— Не особо. У нас везде стоят ее фотографии. — Он обернулся и почти застенчиво посмотрел на Квинн. — Она пела мне. Каждый вечер перед сном, говорит папа. Я иногда слышу ее, если очень сильно задумаюсь. У нее это очень здорово получалось. Папа считает, что она пела как ангел.

Квинн не знала, что на это ответить, поэтому промолчала.

В ее голове промелькнуло воспоминание: она прижалась лицом к окну гостиной, наблюдая, как Ханна бежит по их улице с малышом Майло в коляске, ее каштановый хвост покачивается, когда она наклоняет голову, чтобы проверить его. Она говорит что-то высоким музыкальным голосом, а он хохочет и заливается смехом, веселье льется из него как вода.

Почему она вспомнила такую чушь? Почему смотрела на Ханну с голодом одинокой маленькой девочки, как будто материнская привязанность Ханны могла быть перенесена на нее саму?

Ханна едва знала о ее существовании, и все же Квинн знала о Ханне, замечала ее снова и снова, еще до того сочельника, когда та исчезла, превратившись в ничто, как лента зимнего тумана — была и пропала.

— Где твоя мама? — спросил Майло через минуту.

Она опустила на кровать и подложила подушку под голову.

— Она астронавт. Очень занята там, в космосе.

Майло забрался в кровать рядом с ней и прижался, чтобы согреться. Он не спрашивал, просто решил, что его место здесь. Квинн не оттолкнула его.

— Думаешь, там, в космосе, электричество работает?

— Конечно, да.

— Там все нормально, как и раньше?

— Возможно.

— Будет ли здесь когда-нибудь нормально?

— Нет. Я думаю, что нет такой вещи, как норма. Мне кажется, все только выглядит нормальным на первый взгляд. Все делали вид, что все хорошо и прекрасно, но этого не было. Все едва держались. Балансировали на тонком льду, который трескался, но никто не хотел этого признавать. Теперь все выглядит так, как есть на самом деле — отвратительно.

— Твоя мама была в церкви, — тихо проговорил Майло.

Сердце Квинн сдавило.

— Да.

— Она... хотела причинить нам боль. Вместе с тем плохим мужчиной со странными глазами.

— Но она этого не сделала. — Квинн сглотнула. — Я позаботилась о том, чтобы она этого не сделала.

Он просунул свою маленькую руку в варежке внутрь ее руки.

— Я знаю.

Они так и не поговорили о том ужасном вечере. Все остальные задавали им так много вопросов. Ноа всегда смотрел на них обоих с тревожным, озабоченным выражением лица.

Ей это надоело, и Майло тоже.

Но между ними все было по-другому. Они пережили это вместе, выжили вместе.

Она единственная во всем мире могла его понять. Она и Аттикус Бишоп. Но у Бишопе

имелась своя семья, по которой он скорбел.

Так что все зависело от нее. Она должна что-то сделать. Чтобы с ним все было хорошо. Квинн с трудом могла понять или сформулировать это чувство, но ей необходимо, чтобы он справился.

Спустя еще несколько минут Майло спросил:

— Как думаешь, твоя мама когда-нибудь вернется к тебе?

Квинн закрыла глаза. Она хотела солгать и придумать еще какую-нибудь глупую историю, но слишком устала, а Майло вел себя искренне и мило, и ее сердце болело невыносимо.

— Я так не думаю. Не думаю, что она когда-нибудь вернется.

— Я тоже.

Они лежали там в тишине долгое время.

— Споешь для меня? — спросил Майло.

Она подумала о своем разряженном телефоне, неработающем компьютере и радио. Вся музыка, которую она любила, пропала в одно мгновение.

— Я не смогу. Я пою как умирающая лягушка, застрявшая в горячем тостере.

Майло издал звук между фырканьем и хихиканьем.

— Круто.

— Не настолько.

— Только пару песен? Пожалуйста?

«Еще раз? Пожалуйста?» — Голос Юнипер болезненным эхом отдавался в ее голове.

Квинн зажмурила глаза и вытолкнула его. Она не могла позволить себе думать о Юнипер и Хлое. Не могла позволить своим мыслям вернуться к церкви.

Она даже готова спеть, чтобы отвлечься. Квинн вздохнула, минуту возилась с пирсингом в брови.

— О, хорошо. Как скажешь. Это твои поврежденные барабанные перепонки. Какую песню?

— Тебе нравится рок?

— Классический? Вроде *Aerosmith*, *U2*, *Pink Floyd*, *Journey*, *The Beatles*?

— Ага. — Лицо Майло просветлело. — Это те, которые я помню. Те, которые мама любила петь.

Даже Квинн не была бессердечной, как бы она ни старалась притвориться таковой. Гораздо проще вести себя так, будто ничто не может причинить тебе боль, чем признать, что все вокруг причиняет боль.

То, что ранит сильнее всего, приходит к тебе с самых неожиданных сторон, от людей и мест, которым ты всегда доверял.

Например, церковь. Или мать.

Квинн пела ему. Начала с *U2* «*With or Without You*» и «*One*» и перешла к *Tears for Fears* «*Everybody Wants to Rule the World*». Она помнила только половину слов и смешно сбивалась с такта, но это не имело значения.

Когда она дошла до песни *The Beatles* «*Here Comes the Sun*», Майло начал петь вместе с ней.

У него был мамин голос. Высокий, ясный и чистый. Такой красивый, что сердце замирало. Часть ее все еще жила здесь, внутри него.

Квинн не знала точно, когда именно начала плакать. Может быть, во время песни

«Blackbird» или «The Sound of Silence» *Simon and Garfunkel*.

— Здравствуй, темнота, мой старый друг...

Слезы стекали по ее щекам. Она ничего не могла с этим поделать.

Майло сжал ее руку. Она сжала в ответ. Он держал ее здесь, держал ее связанной с этой комнатой, этой кроватью, этим местом.

Они долго лежали так, бок о бок, как брат и сестра, ища тепла и находя утешение и успокоение друг в друге.

Дверь спальни распахнулась. В дверях стояла бабушка, опираясь на трость. Один и Тор терлись о ее лодыжки, тихонько мурлыча.

— Вот вы где.

С тростью или нет, бабушка не была дряхлой старухой. Она отличалась крепким телосложением и выносливостью. Бабушка выросла на ферме. Она до сих пор готовила все вручную на дровяной печи, выращивала зимний сад и до инсульта сама колола дрова.

Вряд ли бы вы захотели попасть под удар бабушки.

Квинн быстро села. Она вытерла мокрое лицо тыльной стороной ладони. Она не любила, когда люди видели ее слезы, даже бабушка.

Локи прыгнул на кровать и просунул голову под руки Майло, умоляя погладить его. Майло крепко сжал его.

От напряженного выражения бабушкиного лица по позвоночнику пробежал холодок. Квинн быстро поднялась на ноги.

— В чем дело? Что случилось?

Глава 20

Квинн

День десятый

Майло соскользнул с кровати вслед за Квинн.

— Что происходит?

— Только что приходил мальчик Джаред Тейлора, стучался во все двери. — Бабушкины ореховые глаза блестели. — Они поймали их. Монстров, которые это сделали.

Квинн затихла.

— Суперинтендант распорядилась устроить публичную казнь.

— Что? — Квинн сглотнула. Ужас сковывал ее внутренности. Она не могла собраться с мыслями, не могла собрать воедино бабушкины слова. — Никакой тюрьмы? Никакого ареста и суда?

— Горожане требуют мести. Я думаю, они наконец-то приходят в себя и начинают понимать новый порядок вещей. — Лицо бабушки выглядело бледным и изможденным. Сеть морщин покрывала ее напряженные черты. — Не могу сказать, что я их виню. Ни капельки.

Воспоминания пронзили разум Квинн. Крики и выстрелы. Кровь повсюду. Маленькая девочка, выкрикивающая ее имя. Измученное выражение лица ее матери, дикие, отчаянные глаза.

Во рту пересохло.

— Я должна пойти. Я должна увидеть это.

— Тогда иди.

— А как же я? — спросил Майло. — Я хочу с тобой.

Квинн присела на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с ним. В груди было так

тесно, что трудно стало дышать. Пульс гулко отдавался в ушах. Ей нужно быть там. Ей нужно попасть туда прямо сейчас.

— Ты будешь в безопасности с бабушкой. Я вернусь, обещаю. Я скоро вернусь.

Майло отступил назад и бросил на Квинн тоскливый взгляд, как маленький потерявшийся щенок.

— Твои джедайские фокусы на меня не действуют, Мелкий. — Она встала и вытащила перчатки из карманов куртки. Ее руки дрожали. — С тобой все будет в порядке.

— Я собираюсь делать ведра для какашек, — сказала бабушка совершенно серьезно. — Ты удивишься, какой прекрасный туалет можно сделать из ведра, опилок, ножниц, клейкой ленты и нескольких аквапалок, взятых с летнего склада в подвале. Веришь или нет, но мы получим за них хорошую цену. Мне бы не помешала помощь, парень. Нет смысла валяться без дела, когда столько всего нужно сделать.

— Ведра для какашек, Майло, — с деланным весельем проговорила Квинн. — Подумай о том, как это может быть увлекательно.

Он кивнул, дрожащая улыбка подергивала уголки его губ.

— Хорошо. Может быть.

— Никаких «может быть»! — сурово проговорила бабушка. — Я не шутила, когда сказала, что мне нужна твоя помощь. Кроме того, своим помощникам я плачу сэндвичами с арахисовым маслом. Два печенья, намазанные арахисовым маслом, прижатые друг к другу. Не уверена, что ты сможешь выдержать такой уровень арахисового масла.

Его маленькая улыбка расцвела.

— Я справлюсь.

Толстый Один потерялся о ноги Майло, его хвост торчал прямо вверх. Майло поднял его, и кот боднул головой подбородок Майло.

— Его сумка с лекарствами на кухне. Если я не вернусь...

Бабушка отмахнулась от нее.

— Мы с Майло разберемся с этим. Проваливай отсюда.

Квинн быстро обняла Майло, сказала бабушке «спасибо» и поспешила на кухню. Она схватила ключи от грузовика с крючка у задней двери и выбежала из дома, стараясь не хлопать дверью.

Хрустящий холодный воздух ударил ее как пощечина. Послеполуденное солнце почти не добавляло тепла. Голые деревья оставались неподвижными и безмолвными, толстые кучи снега прилипли к их ветвям. Откуда-то донеслось карканье ворона.

Она не потрудилась прикрыть лицо шарфом, когда забиралась в «Оранж Джулиус». Еще раньше Квинн соскребла лед и снег с лобового стекла. Двигатель взревел, и она включила обогрев на максимум.

Она старалась не думать о том, что может ее ожидать. Квинн вообще старалась ни о чем не думать.

Меньше чем через десять минут она уже оказалась на месте. Отдаленные крики и вопли, доносились снаружи сквозь гул двигателя «Джулиуса». Десятки голосов. Может быть, сотни. Они звучали гневно. Как от толпы зрителей или бунтовщиков.

Скопище народа появилось впереди нее.

Сотни людей заблокировали центр главной улицы. Вместо нее она свернула на одну из задних дорог через квартал, чтобы попасть в переулок за рядом заведений.

Церковь Кроссвей находилась в северной части главной улицы. Квинн не хотела ее

видеть. Она знала, что не сможет справиться с цунами ужасных воспоминаний. Не сейчас.

Она притормозила, проезжая мимо прачечной и азиатского бистро. Ей хватило ума припарковать «Оранж Джулиус» за огромным зеленым мусорным контейнером на парковке для сотрудников прачечной.

Нет причин оставлять его на виду, чтобы соблазнять всех, кому нужен транспорт — а это почти все жители города.

Звуки толпы становились все громче.

Квинн быстро вышла из грузовика, заперла его и положила ключи в карман. Она топала по снегу в сторону главной улицы. Снег между зданиями уже утоптали десятки ног.

Окна хозяйственного магазина забили досками. Осколки стекла блестели на снегу под каждым окном. Кто-то взломал дверь. На кирпичных стенах банка нацарапаны грубые граффити — «К черту FEMA», «Свиньи должны умереть», «Убить всех».

Масса тел заслонила ей вид на главную улицу. Люди стояли спиной к ней.

Ее кровь бурлила, кожа пылала и покалывала. Квинн уже не чувствовала холода.

Она сделала глубокий вдох и вошла в толпу. Холодный воздух вонял потом, невымытыми телами и выхлопными газами. Несколько человек надушились одеколоном и духами, чтобы замаскировать запах своего тела. Тяжелый химический смрад обжег ее ноздри и ужалил горло.

Квинн закашлялась, зажала нос и протиснулась вперед. Толкаясь и пихаясь локтями, она пробивалась вперед, пока не оказалась прямо напротив здания мэрии.

Снегоуборочная машина расчистила дорогу два дня назад. Четыре дюйма снега покрывали улицу, но сугробы высотой в несколько футов завалили тротуары.

Несколько сотен человек выстроились по обеим сторонам улицы перед зданием мэрии. Люди теснились перед сугробами вдоль обочины или стояли на насыпанных курганах.

Толпа впала в неистовство. Все злились, кричали и дико озирались. Некоторые хватали камни и пустые пивные бутылки. Другие потрясали кулаками.

— Справедливость! — кричали десятки людей. — Справедливость для Кроссвей!

— Мы требуем справедливости!

— Убейте монстров!

Они испытывали ярость, горе, жажду мести. Они страстно хотели заставить виновных заплатить. Отчаянно желая, чтобы это не повторилось.

Суперинтендант Синклер стояла на верхней ступеньке старого здания суда, по обе стороны от нее возвышались белые колонны в стиле греческого возрождения. Несколько вооруженных людей в серой камуфляжной форме — ополченцы — обступили ее с двух сторон.

Еще дюжина ополченцев выстроилась у основания лестницы. Квинн разглядел несколько человек. Они не пытались успокоить толпу, но выглядели готовыми вмешаться, как только ситуация выйдет из-под контроля.

Шеф Бриггс стоял рядом с суперинтендантом. Выражение его лица казалось напряженным и недовольным. Он яростно жестикулировал, что-то говорил, чего Квинн не могла расслышать, но суперинтендант, похоже, не обращала на него внимания.

Сын суперинтенданта, Джулиан Синклер, стоял в нескольких шагах слева от нее. Рядом с ним стоял Ноа Шеридан, его оружие находилось в кобуре, но рука лежала на бедре. Он выглядел озабоченным и настороженным, его взгляд постоянно метался по беспорядочной толпе.

Гул снегоходов наполнил воздух. Крики и вопли о мести достигли апогея. Она едва могла расслышать этот гул.

Квинн вглядывалась в толпящиеся тела, пока не смогла получить четкий обзор на север.

Четыре снегохода медленно приближались к зданию суда. Каждый тащил за собой большую, длинную шпуковину. Она не могла четко разглядеть эти предметы. Волосы на ее затылке встали дыбом.

Когда они приблизились, ее мозг наконец прояснил то, что не хотели видеть глаза. Раскинутые ноги. Овал лица.

Люди. Снегоходы тащили за собой людей. Людей, связанных веревками. Людей еще живых.

Толпа редела в злобном восторге. Они бросали в тела куски затвердевшего снега. Несколько человек — и мужчины, и женщины — бросали камни и стеклянные бутылки.

Кто-то толкнул Квинн в спину.

— Отойди с дороги! Я не вижу!

Она проигнорировала их.

Толпа продолжала реветь. Мрачная энергия со времен похорон возросла в тысячи раз. Те же люди, которые махали друг другу на улицах, вежливо болели за другую команду на футбольных матчах своих детей. Они не были жестокими по своей природе.

Или, может быть, они не проявляли жестокости до этого, потому что им никогда не приходилось этого делать.

Но сейчас? Страна погрузилась в хаос. Все изменилось. Никто не знал, чего от них ждут. Никто не знал правил.

Возможно, никто не знал, на что он действительно способен, пока его не подтолкнули к определенному рубежу, произвольному пределу, которого на самом деле не существовало. Сейчас всех толкали. Всех.

В кого они превратятся после этого?

Мужчины на снегоходах припарковались на обочине улицы прямо перед зданием суда. Они были одеты в одинаковую серую камуфляжную форму с длинными черными винтовками, перекинутыми через спину. Опять ополченцы. Они теперь повсюду.

Ополченцы сошли со снегоходов, сняли шлемы и направились к четырем связанным людям, лежащим на дороге, дергающимся и ругающимся.

Квинн не могла назвать их жертвами. Она знала, кто они.

Шесть солдат ополчения подняли каждого из них на ноги и разрезали веревки, обвязанные вокруг талии и груди. Руки пленных все еще оставались связанными за спиной.

Ополченцы повели их к ступеням. Все пленники были в лохмотьях, избиты, лица в синяках, царапинах и крови, но Квинн все равно узнала каждого из них. С выпуклыми лягушачьими глазами — Рэй Шульц. Высокий, стройный Томми Картер. Баки Картер с плоскими, тусклыми чертами лица.

И еще одного. Человека с вьющимися черными волосами и потрепанным, впалым лицом, которое когда-то считалось красивым. Лицо, которое когда-то было добрым.

Октавия Райли.

Глава 21

Квинн

День десятый

Кровь Квинн застыла. В животе у нее заурчало от стыда и отвращения, но еще и от страха, и от любви. Октавия вызывала досаду и жалость, но она все равно ее мать.

Квинн не знала, что чувствовать, что она должна была чувствовать.

Ополченцы выстроили трех мужчин и женщину в центре улицы напротив ступеней. Солдаты поставили их на колени.

Томми и Рэй бросались проклятиями и оскорблениями. Один из бойцов крикнул им, чтобы они замолчали. Второй солдат ударил обоих прикладом винтовки по голове. Не настолько, чтобы лишить их сознания, но достаточно, чтобы причинить боль. Наконец они затихли.

Суперинтендант, офицер Синклер, шеф Бриггс, Ноа и охранники-ополченцы остались на верхней ступеньке, глядя вниз на всех с мрачными лицами.

Разъяренная толпа начала рваться вперед, но несколько ополченцев повернулись к ним и подняли винтовки. Не прямо на толпу, но достаточно, чтобы продемонстрировать свою силу.

— Не подходите! — крикнул один из них. — Дайте нам сделать нашу работу!

Суперинтендант Синклер поднесла мегафон к губам. Она подождала, пока крики толпы стихнут.

— Мужчины и женщины Фолл-Крика. Я никогда не думала, что буду стоять перед вами вот так. Не могла подумать, что захочу или выберу это. За последние две недели мы пережили катастрофы и трагедии, о которых никогда не думали. Мы верим, что со временем все вернется на круги своя, но теперь мы понимаем, что это произойдет не скоро. Мы сами по себе. А раз мы сами по себе, наша задача — защитить себя.

— Как вы все знаете, две ночи назад семь отморожков вошли в церковь Кроссвей и открыли огонь, застрелив сорок семь невинных мужчин, женщин и детей. Нашу семью. наших соседей. наших друзей.

Кто-то рядом с Квинн начал плакать. Случайные всхлипы и подавленные рыдания пронеслись по толпе. Низкий ропот скорби смешался с гневом.

— Это беспрецедентное злодеяние. Раньше таких преступников арестовывали, сажали в тюрьму, назначали дату и отправляли в суд. Они были бы осуждены и заключены в тюрьму до конца своих дней. Но сейчас мы не можем этого сделать. Ближайшие тюрьмы и пенитенциарные учреждения уже перегружены и едва держатся на плаву. Они не могут принять больше заключенных. У нас нет помещений, чтобы разместить их здесь.

— Мы не дадим этим животным ни одного куска хлеба изо рта наших детей! — закричал мужчина.

— Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям кормит насильников и растлителей детей, прежде чем позаботиться о своих собственных людях! — выкрикнул кто-то еще.

Суперинтендант Синклер подняла руку, чтобы восстановить порядок.

— Вам не нужно убеждать меня. Я вас слышу. Я согласна с вами. И поверьте, я не позволю ни одному ребенку из Фолл-Крика голодать, отдавая наши драгоценные запасы этим монстрам. Я этого не сделаю!

По толпе пробежал ропот. Толпа не аплодировала. Они ждали, что она будет делать. Выражение их лиц и язык тела говорили обо всем. Они хотели крови. И если суперинтендант не даст им ее, они возьмут ее сами.

Солдат ополчения протопал по ступенькам. Это был крупный мужчина, мускулистый, с

прямой спиной, сложенный как носорог. Он производил впечатление человека, который предпочитает стрелять первым и вообще не задавать вопросов.

Он протянул руку к рупору.

Шеф Бриггс посмотрел на него.

— Розамонд, что ты делаешь? Ты не можешь...

Суперинтендант резко взглянула на шефа Бриггса, чтобы заставить его замолчать. Двое из вооруженных ополченцев подошли ближе к Бриггсу

Суперинтендант Синклер передала мегафон военному.

— Меня зовут Маггиас Саттер, — произнес тот ясным, суровым голосом, не терпящим никаких пререканий. — Я и мои люди здесь по приказу главы вашей администрации. Наша единственная задача — защищать город. Мы не правительство. Мы не полиция. Нас не ограничивают ни законы, ни политики, ни политика.

— Это перезагрузка. Единственное правительство, которое у вас есть — это правительство, которое вы видите прямо перед собой. У федералов есть дела поважнее. Они придут сюда не для того, чтобы помочь вам. Они придут не для того, чтобы защитить вас от беженцев, хлынувших из Детройта, Гранд-Рапидса и Каламазу. Если вы думаете о том, что они прилетят и спасут вас, выбросьте это из головы. Если вы не хотите провести следующие несколько лет в лагере Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям, имея в своем распоряжении только койку и одеяло, вам лучше следовать программе.

Некоторые люди аплодировали. Другие молчали. Женщина слева от Квинн беспокойно переминалась с ноги на ногу.

— У меня плохое предчувствие на этот счет, — пробормотала она себе под нос.

— Любой, кто угрожает безопасности этого города, будет уничтожен, — крикнул Саттер. — Никакой пощады, никаких колебаний. То, что произойдет сейчас — это правосудие! Ваше правосудие. Правосудие для Кроссвея!

Толпа одобрительно заревела.

— Вы не можете так поступать! — закричал шеф Бриггс. Его лицо покраснело от злости. — Это не правосудие! Это убийство!

Толпа зашипела и освистала его.

— Это против закона...

— Замолчите! — Джулиан Синклер набросился на него. — Вы мешаете работе, шеф.

Шеф Бриггс на мгновение застыл, словно потрясенный тем, что это вообще происходит, и не знал, как реагировать. Наконец, он указал дрожащим пальцем на суперинтенданта.

— Я не единственный, кто не согласен с твоими методами!

Суперинтендант вздрогнула.

— Шеф явно охвачен эмоциями. Пожалуйста, проводите его внутрь, чтобы он мог отдохнуть несколько минут и восстановить свои силы.

Она обратилась к Саттеру, который кивнул своим людям. Два солдата, стоявшие в двух шагах от Бриггса, взяли его под руки. Шеф полиции пытался стряхнуть их, но ему уже за шестьдесят, а они были молоды и сильны.

Солдаты действовали мягко, но твердо.

— Пожалуйста, пройдемте с нами, сэр.

— Вам это с рук не сойдет! — прорычал Бриггс.

— Мы все сейчас на взводе, — сказала суперинтендант, сохраняя спокойствие, хотя выражение ее лица было напряженным, а рот сжался в тонкую линию. — Я уверена, что нам

всем станет легче, когда все закончится.

Квинн посмотрела на Ноа. Он выглядел несчастным. Он не проронил ни слова, пока они уводили Бриггса со ступенек. Что он думает обо всем этом? Сама она все еще не знала, что думать или чувствовать.

Суперинтендант Синклер снова повернулась к толпе, словно потасовки позади нее и не существовало. Она ждала, когда закроются двери и вернется тишина.

Она поправила свои светлые волосы, заправила прядь за ухо и прочистила горло.

— Рэй Шульц. Томми Картер. Бак Картер. Октавия Райли. Властью, данной мне поселением Фолл-Крик, я приговариваю вас к смертной казни через расстрел по сорока семи пунктам обвинения в убийстве первой степени. Вынесение приговора начнется без промедления.

Толпа затихла. Над городом воцарилась жуткая тишина. Никаких двигателей. Ни гула машин. Даже птицы не щебетали.

Квинн наблюдала за происходящим, ее конечности отяжелели, а кровь в венах превратилась в камень. Холодный воздух обжигал ее горло при каждом быстром, неглубоком вдохе.

Ее мать вот-вот умрет.

Она должна чувствовать ужас, страх и горе.

Она закрыла глаза от вспышки крови и криков, запах пороха одурманил ее ноздри. Она должна ощущать удовлетворение, облегчение, жажду возмездия. Бандиты, убивавшие на ее глазах мужчин, женщин и детей, вот-вот получают по заслугам.

Квинн не чувствовала ничего из этого.

Пустота разлилась по ее груди. Холодное, отстраненное оцепенение. Она как-то выдохлась, ее силы вытекали из нее на холодную, припорошенную снегом землю.

Маггиас Саттер спустился по ступеням и встал в квадрат в пятнадцати или двадцати футах от четырех убийц. Полдюжины солдат очистили площадь от зазевавшихся горожан и оттеснили толпу с улицы.

Саттер взял в руки винтовку и прицелился в голову Рэя Шульца.

— Мне жаль! — плакал Рэй. Слезы и сопли текли по его разбитому лицу. — Пощадите! Пожалуйста! Я сделаю все, только не убивайте меня...

Саттер сделал два выстрела. Громкие звуки раскололи воздух. Бум! Бум!

Тело Рэя дернулось. Он упал набок.

Мужчина рядом с Квинн вздрогнул.

Квинн не шелохнулась. Ошеломленная, она просто смотрела, как Саттер переместился, и его смертоносное оружие еще на шаг приблизилось к ее матери.

Саттер прицелился в Томми Картера и выстрелил дважды. Томми покачнулся. Его голова откинулась назад. Он упал и больше не двигался.

Пятый выстрел попал Баки Картеру в правый глаз. Шестой — в рот. Кровь забрызгала снег. Он упал назад. Его ноги несколько раз дернулись, прежде чем он перестал двигаться.

Саттер переместился к Октавии Райли.

Октавия не рыдала, не кричала, не молила о пощаде. Она не произнесла ни слова. Тонкие плечи застыли, исхудавшая челюсть сжалась. В глазах пустота.

Ее взгляд не нашел Квинн в толпе. Не было никакой последней секунды отсрочки. Не случилось последнего отчаянного момента близости, раскаяния. Никакого «Я люблю тебя», за которое Квинн могла бы хватиться, не прозвучало между ними.

Не было ничего. Ничего, кроме гулких тресков выстрелов. Ничего, кроме того, что ее мать дергалась как кукла, крови, пустого лица и тела, упавшего на снег.

А потом все закончилось.

Квинн не помнила почти ничего из того, что происходило после.

Каждая клеточка ее тела кричала, чтобы она ушла, убежала, оказалась как можно дальше от ступенек мэрии. Но она не ушла. Она не могла.

Она стояла там, опустив руки по бокам, с пустыми ладонями, с бешено колотящимся сердцем. Отрешенная. Оцепеневшая.

Ополченцы вынесли мешки для трупов и унесли тела.

Не ее мать. Ее больше нет.

Ноа и другие полицейские последовали за суперинтендантом и Маттиасом Саттером в здание суда. Шеф Бриггс хлопнул дверью и спустился по ступенькам, потирая предплечья и сердито бормоча про себя. Никто не последовал за ним.

Толпа рассеялась. Разошлись кучками и группами. Их месть и гнев иссякли. Они не смотрели на Квинн. Казалось, они ее даже не видели.

Может быть, ужас от того, что они только что наблюдали — от того, частью чего стали — медленно просачивался внутрь. А может, они чувствовали себя отомщенными, оправданными.

А может, и то, и другое.

Квинн не волновало, что думают горожане. Ей никогда не было дела до них, до их сплетен и суждений. Ей совершенно все равно. Она ненавидела их всех.

И еще, она никогда не чувствовала себя настолько одинокой.

Ее мать мертва.

Квинн Райли теперь официально стала сиротой.

Глава 22

Лиам

День одиннадцатый

Лиам так сильно сжимал руль джипа, что у него заболели руки. Его бедра и задница ныли, мышцы натянулись от напряжения.

Поскольку они поздно выехали, Лиам планировал проехать как можно дальше. Может быть, даже до самого Фолл-Крика.

Но снег оказался глубоким, повсюду лежали тяжелые сугробы. Заглохшие машины представляли собой адскую полосу препятствий. Они поехали по шоссе М-37 на юг до шоссе М-46 на запад, а затем на юг. Пересекли Гранд-Ривер и проскочили между Холландом и Гранд-Рапидс.

Он обогнул Холланд по I-196 и продолжил движение на юг. Двухполосная дорога шла по сельской местности. Проселочные дороги в этих местах представляли собой запутанный клубок, который трудно размотать, но пока они свободно объезжают большие города, все должно быть в порядке.

Ехали медленно, в некоторых местах скорость достигала десяти миль в час, иногда меньше. Он осторожно маневрировал, объезжая несколько скоплений машин или перевернувшийся грузовик посреди дороги. За четыре часа они встретили только два других работающих автомобиля.

Ханна неподвижно сидела на пассажирском сиденье рядом с ним, сложив руки на

животе и устремив взгляд прямо вперед. Бедный Призрак теснился на узком заднем сиденье.

Он свернулся в клубок, положив голову на лапы, и выглядел подавленным и несчастным. Ханна кормила его изредка кусочками вяленой говядины, чтобы успокоить. Это работало. Пес любил вяленое мясо, как кошки любят кошачью мяту.

Грозные тучи полностью закрыли небо. Не было ни лунного света, ни света звезд, ничто не пробивало темноту, кроме фар джипа. Снежинки закручивались в узких конусах света.

Было до смешного темно. Его глаза не могли освоиться в этой черноте. Он продолжал искать вдалеке отблески огней городов и поселков, но ничего не находил.

Только темнота и еще больше темноты. Лиам знал, что где-то есть города и деревни, но их словно стерли с лица земли.

Они отправились из Эшленда во второй половине третьего дня — ровно через сорок восемь часов пристального наблюдения, прежде чем доктор Лауде разрешила им отбыть с ее благословения.

Пару раз у Призрака поднималось давление, но ей удавалось его снизить. В первую ночь он слегка пошатывался, и она подключила капельницу и дала ему немного жидкости. Это помогло.

Хорошо, что они остались.

Два дня, которые они провели в доме ветеринара, прошли спокойно. Лиам внимательно наблюдал за всеми. Обстановка в городе становилась напряженной и шумной, но никто не приближался к дому ветеринара с дурными намерениями. Она была нужна горожанам.

С каждым днем состояние Призрака улучшалось. К тому времени, когда они собрались уезжать, он почти вернулся к прежнему образу жизни. Все такой же спокойный, сдержанный и бдительный — хотя и носился по заднему двору, шумел, лаял, радостно разбрасывал снег и, в общем, доставлял массу приятных хлопот.

Доктор Лауде говорит, что большие пиры обожают снег. Это торжественные, величественные собаки, которые серьезно относились к своим обязанностям, но зима часто пробуждала в них щенка.

Наблюдая, как пес расхаживает по двору с высоко поднятой головой и развевающимся за ним плюмажевым хвостом, Лиам не мог отделаться от мысли, что Призрак понял, что ему подарили вторую жизнь. Собака выглядела так, будто не собиралась терять ни секунды.

Ханна тоже не планировала терять время. Она с трудом влезла в свою зимнюю одежду и поковыляла за ним на улицу. Лиам прислонился к дверному косяку и наблюдал за ними, скрестив руки на груди.

Она кидала снежки через весь двор, и Призрак с азартом бросался за ними. Он высоко подпрыгивал и выхватывал снежок прямо из воздуха. Когда снежок рассыпался у него в пасти, забрызгав нос снежной пылью, он фыркал и качал башкой, а потом рысью возвращался к Ханне за добавкой.

Ханна взглянула через плечо на Лиам и улыбнулась. Настоящая, искренняя улыбка озарила все ее лицо. Ее зеленые глаза сияли, шоколадно-коричневые волосы были убраны за уши, выражение лица выглядело теплым и открытым. Она становилась совсем другим человеком, когда радовалась.

Грудь Лиам жалась. Он обнаружил, что улыбается ей в ответ, не думая об этом, без сознательного выбора. Он не мог оторвать от нее глаз.

В свободное от игр с Призраком время Ханна два дня восстанавливала силы, отсыпалась и готовила еду для ветеринара, когда та забегала в перерывах между визитами, и

возвращалась домой поздно, голодная и измученная.

У доктора Лауде не работало электричество, но у нее имелись камин, пропановая походная печь, портативный пропановый обогреватель и несколько походных фонарей на батарейках. Плюс несколько сотен свечей. Доктор коллекционировала свечи «Янки». Во всем доме пахло бальзамом, кедром и яблочной тыквой.

У одного из клиентов доктора Лауде был колодец с ручным насосом, и он обменял столько ведер и контейнеров с водой, сколько смог наполнить, чтобы еще месяц лечить своих собак от глистов.

Они вручную постирали свою одежду в пятигаллонном ведре со стиральным порошком и развесили ее у костра для просушки. Помылись в одиночку, затем наполнили кухонную раковину и по очереди вымыли волосы шампунем. Лиам наполнил все их бутылки с водой.

Утром Лиам первым делом почистил старую бензопилу доктора Лауде и, как и обещал, спилил два мертвых дерева. Он распилил их на дрова и хворост и сложил все на брезенте в гараже.

Закончив с этой работой, он отправился исследовать город и окрестности. Но сначала он велел Ханне быть бдительной и осторожной и всегда держать при себе «Ругер».

Ему не нравилось оставлять ее где-либо без него, но в доме тепло, тихо и безопасно. И у нее был Призрак. Пес, казалось, почувствовал, что ему нужно действовать более активно, и решительно отказался покидать Ханну.

У Лиамы набрался список вещей, необходимых ему перед отъездом. Сто сорок миль не казались чем-то сложным. Но после ЭМИ любое препятствие могло легко сбить их с пути. Он хотел быть готовым.

К тому же ни Ханна, ни Призрак не могли выдержать больше нескольких часов на снегоходе при низкой температуре и жестоким ветре. Ему нужно найти машину. И топливо.

Снегоход конечно и быстрее, и универсальнее — они могли держаться подальше от дорог и ехать куда угодно. В машине же теплее и она защищена от стихии, но медленнее и ограничена дорогами.

С беременной женщиной на позднем сроке и выздоравливающей собакой Лиаму пришлось задуматься о выборе, который он не хотел делать.

В конце второго дня он нашел то, что ему нужно. В пяти милях от города по старой проселочной дороге он наткнулся на заброшенный фермерский дом с большой стальной пристройкой на заднем дворе.

Он открыл навесной замок и обнаружил пыльный охотничий зеленый джип 1978 года выпуска, оснащенный подъемником и большими колесами. Джип оказался не заперт, ключи лежали в бардачке. В нем даже осталось полбака бензина. Лиам добавил цепи противоскольжения, которые нашел висящими на крючке рядом с большим ящиком для инструментов.

Джип немного дребезжал, но двигатель мурлыкал, как котенок.

Лиам чувствовал себя немного неловко, когда брал джип. Хозяева явно не возвращались домой еще с Черного Рождества. Их фермерский дом уже разграбили, хотя в кладовке кое-что все же осталось.

Ему удалось раздобыть несколько банок фруктов, коробку крекеров и фруктовых закусок, а также пакет вяленой говядины. Вяленая говядина даже не успела попасть в его рюкзак, как Ханна быстро стащила ее и скормила весь пакет Призраку, который впился в мясо с такой жадностью, словно не ел целый месяц.

Лиаму все еще недоставало топлива. Он одолжил у доктора Лауде три канистры и прикрепил их к задней части снегохода. На местных заправках бензин уже закончился. Рукописная табличка на окне гласила: «Бензина нет. Еды нет. Мародеры будут расстреляны».

Неважно. Он мог получить бензин из сотен машин, заглохших по всему городу. На новых машинах на бензобаке стоял клапан против откидывания, который также работал как система предотвращения самопроизвольного слива.

Возможно, пятьдесят процентов машин уже опустошили, многие из них — самым варварским способом. Но при этом терялось много бензина. Лиам не любил тратить ресурсы впустую.

Его также не привлекало отсасывание бензина ртом. Это казалось Лиаму не только отвратительным, но и опасным. Всегда был шанс случайно проглотить бензин или вдохнуть пары.

Он раздобыл две трубки — одну длинную, другую покороче — в сарае доктора Лауде. Найдя старую «Тойоту» с бензином в баке, он вставил длинную трубку в бензобак, пока она не погрузилась в топливо, а другой конец засунул в пустую канистру на земле. Засунул более короткую трубку в бак и использовал влажную тряпку, создавая уплотнение вокруг пластиковых трубок и отверстия бака.

Лиам подул в короткую трубку, чтобы создать высокое давление воздуха внутри бензобака, и вытеснить бензин через более длинную трубку в канистру. Таким образом, он наполнил канистры, перелил бензин в джип, пока его бак не заполнился, а затем снова наполнил канистры.

Первые две канистры он оставил доктору Лауде для ее генератора в качестве компенсации за доброту. Она была очень рада. Третью он поставил в джип как запасную.

Лиам переместился на своем сиденье, расправил плечи, держа руки на руле. Наклонился вперед, не отрывая внимания от дороги, от возможных препятствий и угроз.

Черная мгла казалась густой и тяжелой, как необъятный бездонный океан. Она продолжалась бесконечно долго, не имея ни конца, ни света — никого на всей этой мрачной планете, кроме него самого, Ханны и Призрака.

Это не так уж плохо. Большинство людей ненавидят одиночество. Для него оно стало и бичом, и утешением. Но сейчас он чувствовал свою оторванность от мира как никогда остро.

Он думал об уединении в своем поместье на севере Мичигана, о своих сельских пяти акрах, примыкающих к милям леса, которые давали ему ту изоляцию, которой он так жаждал. После Чикаго он твердо решил, что это все, чего он желает. Сбежать. Отгородиться от мира, повернуться спиной к человечеству.

Чувствовал ли он себя по-прежнему так же?

«Ты знаешь ответ на этот вопрос», — прошептал голос Джессы в его голове.

Держа одну руку на руле, он засунул другую в карман куртки и нащупал крошечный клочок серо-зеленого трикотажа. Грудь сжалась.

Он продолжал ехать. Прошел час. Потом еще один. Еще больше темноты. Фары изредка выхватывали из темноты нависшие фигуры сторбленных домов, бензоколонки, магазина.

— Как далеко мы находимся? — спросила Ханна.

— Мы только что проехали указатель на Саут-Хейвен. Он в нескольких милях впереди.

Ханна села прямее.

— От него до Фолл-Крика меньше пятидесяти миль.

— Мне нужно съехать и выбрать обходной путь, чтобы избежать города.

— Я помогу тебе с картой... — Ханна вздрогнула. И резко вдохнула.

Он посмотрел на нее, обеспокоенный.

— Ты в порядке?

Она прижала руки к вискам.

— Просто очень сильно болит голова. Боль появилась внезапно. Я чувствую себя неважно.

— У меня есть ибупрофен в рюкзаке. — Рюкзак лежал у нее между ног, так как Призрак занял все место сзади. Винтовка Лиам стояла прислоненная к пассажирскому сиденью.

Она коротко коснулась его руки.

— Спасибо.

Инстинктивно Лиам напрягся. Он тяжело сглотнул. Ее близость — само ее присутствие — смущало его.

Он старался не думать о том, когда в последний раз был так физически близок с женщиной.

Джесса. Он снова почувствовал ее в своих объятиях, ее руки обвились вокруг его шеи, ее голова прижалась к его груди, ее тело было вялым и тяжелым.

Он слышал ее хриплые вздохи, чувствовал, как ее жизнь ускользает из его рук, свое горе и беспомощность остановить все это.

Меньше двух недель назад. А кажется целая жизнь.

Сердце заколотилось в груди. Лиам отогнал воспоминание. Что хорошего в этом? Ничего. И все же оно преследовало его, что бы он ни делал.

Ханна повернулась, чтобы проверить Призрака. Он скулил, явно недовольный своим положением в тесном заднем пространстве.

— Осталось недолго.

Призрак разочарованно хмыкнул.

— Я знаю, мне жаль... — Ханна внезапно замолчала. Когда она заговорила снова, ее голос прозвучал напряженно. — Что это?

Лиам посмотрел в зеркало заднего вида. Дорога была длинная и прямая, по обе стороны от нее располагались участки леса, перемежающиеся с полями и фермерскими угодьями.

Позади них, пара фар, показавшись из-за холма, пронзила густую темноту.

Глава 23

Пайк

День одиннадцатый

Пайк провел три дня, выслеживая их.

Снег не шел с самого Нового года. Следы были четкими. Почти идеальными. Если учесть, что прицеп крепился к снегоходу и почти никакие машины не портили нетронутый снег, не составило труда проследить их до амбара к северу от Ньюайго.

Он нашел следы на пыльном полу. Капельки крови на смятых клочках сена. Они провели здесь ночь.

Потом проследил их путь от сарая на юг до Мейсон-драйв и шоссе 37. Дальше все стало несколько хуже: снегоуборочная машина и несколько следов от грузовиков запутали след.

Он подумал, что они попытаются спасти эту чертову собаку. Он бы так не поступил, но

он всю жизнь изучал и имитировал человеческие эмоции и поведение.

Он ходил в их обуви, жил в их шкуре. Он изучил их заморочки, их нелогичные предположения и решения, основанные на чувствах.

И он знал Ханну. Она обязательно попытается спасти собаку.

Это означало помощь ветеринара. Они будут искать город поблизости.

Местность к югу от Национального леса Манисти была сельской. Здесь находилось всего несколько городов на выбор, большинство из которых представляли собой скопления из нескольких сотен человек, деревни и поселки с заправочной станцией и продуктовым магазином, если повезет.

Эшленд чуть больше и находился всего в нескольких милях к югу. Не нужно быть гением, чтобы понять, что они, скорее всего, направились именно туда.

Ему не потребовалось много времени, чтобы разыскать клинику «Лапы и когти» и снова обнаружить их следы. Он проторчал поблизости целый день, используя свой значок, чтобы завоевать доверие горожан и заставить их говорить, выясняя необходимую информацию.

Мужчина и беременная женщина с собакой. Где они остановились. На каком автомобиле уехали.

Пайк никому не причинил вреда. Ему это было не нужно.

Он взял на заправке бумажную карту и изучал ее, куря гвоздичную сигарету до самого кончика. Размышлял, как они.

Он решил, что солдат будет стараться избегать Гранд-Рапидс, Холланд и Каламазу. Гранд-Рапидс на востоке и озеро Мичиган на западе втиснули их в узкий круг возможных дорог.

Дальше дело было за малым.

Со своим снегоходом Пайк имел преимущество. Он мог ехать куда угодно, и гораздо быстрее, чем эти машины, пробирающиеся по глубокому снегу.

Пересекая дороги, обыскивая города, Пайк преследовал зеленый джип с безжалостной, непреклонной решимостью.

Глава 24

Лиам

День одиннадцатый

Фары светились красным и располагались близко друг к другу — не грузовик и не легковой автомобиль, и не мотоцикл.

Значит, снегоход.

Лиам объехал заглохший седан и затормозил, убедившись, что у него есть свободный участок дороги, чтобы быстро ускориться в случае необходимости. Он переключился на паркинг и стал ждать.

Единственными звуками остались стон двигателя, тусклое жужжание печки и собственное дыхание. В кабине пахло искусственным сосновым освежителем и собачьей шерстью.

Фары не приближались.

Лиам взглянул на Ханну. Она дрожала, хотя обогреватель работал на полную мощность, ее плечи ссутулились, как будто она инстинктивно пыталась сделать себя как можно меньше.

Он переключил передачу и продолжил движение.

Фары последовали за ними. Они не приближались и не отдалялись.

Лиам ускорился. Замедлился.

Фары продолжали двигаться за ними.

Через несколько миль Лиам снова остановился, на этот раз в нескольких ярдах перед универсалом на обочине. Универсал закрывал обзор снегоходу и обеспечивал некоторую скрытность.

— Это он, — прошептала Ханна.

— Это может быть кто угодно.

Она повернула голову.

— Это Пайк.

Сзади низко зарычал Призрак.

Лиам снова посмотрел в зеркало заднего вида. Фары светились красным, как глаза демона во тьме.

Он не верил ни в демонов, ни в монстров, ни в призраков. Он мало чего боялся. И все же в глубоко внутри зародилась тревога. Ледяная дрожь пробежала по позвоночнику.

Он осмотрел окрестности, вбирая в себя все, что мог увидеть: двухполосную сельскую дорогу, занесенную снегом, черные корявые деревья по обеим сторонам, высокие сугробы, летящие хлопья, сгущающие темноту.

Снегоход находился примерно в ста пятидесяти ярдах позади них. Деревья вокруг росли в основном сосновые, высокие и стройные, не дающие особого укрытия. Много кустарника и полей.

Ему нужно понять, кто это — обычный придурок или проблема посерьезнее.

Нужно узнать, не Пайк ли это.

— Сейчас все выясню.

Ханна на мгновение наклонилась вперед, схватившись за живот и тяжело дыша через рот.

— Не стреляй, если это не он.

— Я не буду убивать, если это не он, — отозвался Лиам, и это единственная уступка, на которую он готов пойти.

Он выключил двигатель. Фары погасли. Тишина и темнота окутали их. Несколько минут без тепла они обойдутся.

— Оставайся здесь. Держи пистолет в руке.

Ханна глубоко вздохнула и кивнула. Ее лицо казалось напряженным и побледневшим.

Он взял винтовку, открыл дверь и вышел в ночь. Холод пронизывал его открытую кожу, ветер хлестал его.

Лиам пробежал десять ярдов назад к универсалу — или тому, что он принял за универсал, — стоявшему под углом сорок пять градусов на южной полосе. Быстро смахнул снег с капота.

Присев за блоком двигателя, он поднял AR-15 и уперся стволом в капот. Надежно прижав приклад к плечу, он посмотрел в оптический прицел.

В поле его зрения попали сдвоенные красные лучи. Его тело напряглось, чувства обострились, каждый мускул пульсировал от адреналина.

Холод пробирал до костей. Его нос и горло мгновенно стали сырыми от вдыхания морозного воздуха. Снег вихрем летел ему в лицо, обжигая щеки и нос и затрудняя зрение.

Снегоход все еще стоит на месте. Все еще ждет. Он поднял голову, уточнил расстояние

и снова посмотрел в прицел. Над красным свечением материализовалась смутная тень, едва различимая в снежной тьме.

Лиам прицелился на несколько футов выше цели и правее, в сторону деревьев. Успокоился, унял сердцебиение, выровнял руки. Медленно выдохнул и нажал на спусковой крючок.

Винтовка ударилась о его плечо. Громкий выстрел прогремел как гром.

Лиам переместил ствол немного влево и выстрелил снова. Он ждал.

Любой бы убежал при первом выстреле. И уж точно при втором. Кто угодно, только не Пайк.

Ветер заунывно завывал в кронах деревьев. Ветви скрипели и скреблись друг о друга. Красные лучи не двигались.

Лиам выругался под нос. Он получил подтверждение. Это был именно Пайк.

Что за игру он затеял? Он не отступил и не напал.

Пайк просто трус. Психопат, но слишком слабый, чтобы сражаться как мужчина. Он бежал при первой же встрече с соперником, достаточно сильным, чтобы дать ему отпор. Он предпочитал скрываться в тени, похищая беззащитных девушек, чтобы властвовать и контролировать их.

Ненависть пылала в груди Лиамы. Не только из-за Ханны, хотя и это тоже. Он хотел покончить с этим жалким подобием мужчины по своим собственным причинам.

Лиам поправил свою стойку, сдвинувшись, так как мокрый снег намочил его колени. Снова посмотрел в прицел. Он мог сделать этот выстрел. Он может покончить с этим ублюдком прямо сейчас.

Светящиеся красные огни погасли. Мир стал черным.

Пульс бился в горле, Лиам оглядел местность. Он не видел ничего, кроме темноты. Никогда еще ему так остро не хватало очков ночного видения.

У него возникло искушение сделать несколько выстрелов в отчаянии, но они не имели смысла без четкой цели. Нужно беречь патроны.

Не высовываясь, он присел и бросился к джипу. Открыл дверь и заскочил в кабину. Он дрожал и вытирал снег с лица, глаз и волос.

— Это Пайк, — проговорила Ханна. И это был не вопрос.

— Да, это он.

Секунда тишины.

— Что он делает?

— Он думает, что ведет игру.

— Ему нравится играть. — Ее голос звучал так тихо, что Лиам едва мог ее слышать. — Именно это он и любит.

— Я не играю в игры.

Голос Ханны стал напряженным.

— Что нам делать?

— Вы с Призраком остаетесь в джипе. У тебя есть пистолет. Я пойду за ним. Я покончу с этим прямо сейчас.

— Лиам...

Он уже держал руку на ручке двери. Лиам взглянул на нее.

— В чем дело?

Она рухнула на сиденье, задыхаясь. Руками схватилась за живот.

— Схватки.

Он замер.

— Что?

— Думаю... думаю я рожаю.

Глава 25

Лиам

День одиннадцатый

Лиам прокручивал в голове все наихудшие сценарии.

Снег падал все сильнее, большие плотные снежинки вихрились в двойном сиянии фар.

Ветер трепал джип.

— Ты уверена?

— Сначала я подумала, что это ложные схватки. Поэтому ничего не сказала. Но это... — Голос Ханна резко оборвался. Она напряглась, сухожилия натянулись на ее шее. Снова говорить она смогла только сквозь стиснутые зубы. — Я уверена.

— Дьявол! — прорычал он. — Это так не вовремя.

— Знаю. — Она повернулась на своем сиденье, чтобы посмотреть ему в лицо. Влажные пряди волос прилипли к ее щекам.

Ее кожа казалась слишком бледной. Глаза — слишком яркими, зрачки расширенными.

Ханна выглядела испуганной... и нездоровой.

— Что-то не так.

— Что это значит?

Она потерла свою искалеченную руку.

— У меня руку покалывает. Обе. И ноги тоже. Голова просто раскалывается от боли. —

Она сглотнула. — И... и зрение продолжает расплываться.

Страх пронзил Лиамасквозь. Даже он понимал, что это не нормально для родов. Им стоило оставаться у ветеринара до тех пор, пока Ханна не родит. Но они оба хотели двигаться дальше. Ему следовало уговорить ее задержаться.

— Я думаю... думаю, это преэклампсия. Когда я носила Майло, в акушерском кабинете на стенах висели плакаты об этом. Высокое кровяное давление, тошнота, головные боли. Это то, что я помню.

Он ничего не знал о преэклампсии. Джесса бы знала. Она бы знала, что делать. Но ее здесь нет. Ее нигде больше нет. Они предоставлены сами себе.

— Это... преэклампсия. Это опасно?

Ханна посмотрела на него с неприкрытым страхом в глазах.

— Если ты спрашиваешь, может ли она убить меня, то ответ — да.

Он хотел сделать или сказать что-нибудь, чтобы ослабить страх Ханна, утешить ее. Но Лиам не силен в таких вещах. Он предпочитал действовать.

— Что мне делать?

Она вскинула свой хрупкий подбородок — маленький акт неповиновения тому, что вот-вот завладеет ее телом, природа проявляла свою волю, независимо от того, насколько это не вовремя или неудобно, или какую угрозу это представляло для матери.

— Нужно, чтобы оно вышло. Что бы со мной ни происходило, это прекратится, когда оно выйдет.

Позади них зажглись фары снегохода.

Лиам наблюдал за ними. Они не двигались. Они замерли, ожидая. Выжидали чего?

Он хотел отправиться за ним. Все в Лиаме хотело покончить с...

«Она в опасности», — прозвучал голос Джессы в его голове. Он знал это.

— Мне нужно... где-то... отдохнуть. — Ханна не сказала «родить». Ни один из них не хотел произносить это вслух.

Но роды приближались, хотели Ханна с Лиамом этого или нет. Посреди снежной бури. С убийцей у них за спиной.

Это случилось и это не та вещь, которую они могли остановить.

Лиам сжал кулаки и проглотил разочарованный крик.

Все то, что бы он сделал будучи один, пытаясь прижать этого гада, Лиам не мог предпринять, когда Ханна находилась под его присмотром. Он обязан сохранить ей жизнь.

Он не мог оставить роженицу одну, пока охотился за убийцей. Им предстояло переиграть Пайка, как-то оторваться от него на всех этих проселочных дорогах. Они должны убежать.

Как бы Лиам ни ненавидел подобное, это их единственный выход.

— Я сброшу его с хвоста. Мы найдем место, где можно укрыться и переждать эту бурю. Если он появится снова, я его убью.

Ханна напряглась и схватилась за живот, сделав несколько рваных вдохов. Она стиснула зубы и издала слабый стон.

Призрак скулил и пытался встать на ноги, его когти скребли по кузову, голова и плечи оказались слишком большими для машины.

— Ты в порядке? — спросил он Ханну.

— Давай просто уйдем отсюда. — Ее челюсть сжалась. — Я в порядке, Призрак. Успокойся.

Призрак недовольно фыркнул, как будто верил ей примерно так же, как Лиам, но перевернулся на живот и лег обратно.

Лиам завел двигатель. Они ехали сквозь темноту и снег. Снег валил с неба все сильнее, отбрасывая кусочки ледяной крошки в фары. Видеть становилось все труднее.

Он выехал на трассу М-140 и поехал на юг. В свете фар Лиам видел деревья, кусты и маленькие, сторбленные домики. Он постоянно проверял зеркала заднего вида.

Прошло меньше десяти минут. Красные огни появились снова.

Тревога зародилась в его душе. Их преследователь не отставал. Он держался в пределах ста ярдов от них, иногда ближе, но никогда не подбирался слишком близко.

Когда Лиам замедлялся, Пайк замедлялся. Когда Лиам ускорялся, светящиеся огни тоже ускорялись.

Лиам внезапно остановился, хлопнув по тормозам. Шины, скованные цепями, заскользили, и джип едва не врезался в стоящий на обочине грузовик. Он открыл дверь со стороны водителя. Высунулся и прицелился назад, на пронзительные красные огни. Быстро выстрелил тремя очередями.

Фары выключились.

Он не мог разглядеть водителя в темноте. И не мог стрелять и вести машину одновременно. Ханна никак не могла помочь, даже если бы умела стрелять из винтовки с приличной точностью, а она не умела.

Она сторбилась на своем сиденье, свернувшись калачиком. Каждые шесть или семь минут через нее проходили схватки. Она напрягалась и вздрагивала от боли.

Он чувствовал, как секунды тикают в его крови, чувствовал, что время на исходе.

Лиам снова сел за руль.

Красные огни снова появились и последовали за ними.

Он увеличил скорость, но не мог разогнаться слишком сильно. На его пути встречалось слишком много препятствий; разглядеть перед собой что-либо больше, чем на двадцать футов, стало слишком сложно. Если он разобьет джип, они все замерзнут насмерть в метель.

Он искал какие-нибудь просветы в деревьях, какие-нибудь тропинки, чтобы исчезнуть в лесу, но джип слишком велик, а деревья стояли вплотную друг к другу.

Что бы он ни делал, ничего не помогало.

Огни напоминали светящиеся красные глаза. Они снова и снова отыскивали их.

Это чертовски нервировало. Но все же больше приводило Лиама в ярость.

Ханна тихо застонала рядом с ним. Его страх усилился еще больше. Не за себя, а за нее. Пульс стучал буквально в горле.

«Гони быстрее. Двигайся. Не разбейся».

Фары приближались. Снегоход резко ускорился. Он с невероятной скоростью проехал несколько ярдов между ними. Красный свет залил заднюю часть кабины.

— Что он делает? — воскликнула Ханна.

Лиам нажал на газ. Джип подпрыгивал и трясся, цепи противоскольжения то проскальзывали, то цеплялись. Двигатель протестующе взревел. Руль вибрировал под руками Лиама. Он чувствовал вибрацию в ногах и спине.

Пайк толкнулся вперед. Ударился о заднее крыло джипа. Отступил назад и снова рванул вперед, на этот раз задев правую сторону джипа.

Снегоход не настолько мощный, чтобы столкнуть джип с дороги. Однако Пайк мог преследовать их, наступая им на пятки, выбивая их из колеи, пытаясь заставить совершить ошибку.

Ошибка сейчас будет стоить очень дорого. Пайк знал это. Лиам знал это.

Призрак сердито залаял. Звук разнесся по небольшому помещению, громкий, как выстрел. Призрак попытался подняться на лапы, но он не мог уместиться в узком пространстве. Он заслонил зеркало заднего вида.

Лиаму нужен обзор.

— Ханна!

— Держу. — Ханна неловко повернулась, тяжело хрипя, и прижала собаку, успокаивая ее. Лиам не мог видеть, что она делала, но через несколько секунд Призрак уже лежал. Однако он не прекратил свой яростный лай.

Пайк снова протаранил их сзади. Джип вздрогнул.

Лес уступил место открытому полю. Лиам понятия не имел, насколько оно велико. Он почти ничего не видел, кроме желтых лучей фар, отражавшихся впереди, а по обе стороны от него простирались стены темноты и снега.

Он повернул направо и съехал с дороги на ухабистое поле. Шины закрутились и застучали, скрежеща и пробуксовывая в толще снега.

Снегоход следовал прямо у них на хвосте. Пайк прибавил газу и подъехал к ним справа, параллельно джипу.

Маневрируя рулем одной рукой, Лиам схватил свой «Глок» с центральной консоли и направил его на снегоход.

Без предупреждения Ханна взялась за ручку и начала опускать стекло со стороны

пассажира. Холодный воздух хлынул в кабину.

Лучи фар осветили двухэтажный сарай, возвышающийся в пятнадцати ярдах прямо по курсу.

Ханна ахнула. Призрак гулко залаял.

Сердце колотилось, Лиам выронил пистолет, схватил руль обеими руками и резко повернул влево. Он едва не задел боковую стенку сарая и угодил в сугроб.

К счастью, его высота достигала всего нескольких футов. Куски снега врезались в переднее крыло. Снег брызнул из-под колес.

Пайк объехал сарай и приблизился к нему справа.

Уголком глаза Лиам уловил вспышку выстрела.

Глава 26

Лиам

День одиннадцатый

Инстинктивно Лиам резко крутанул руль, его пальцы вцепились в него, как когти.

Адреналин хлынул в кровь.

— Пригнись!

Ханна нащупала ремень безопасности, но не смогла его расстегнуть. Она пригнулась, прикрывая голову руками, но не могла низко опуститься, мешал живот.

Лиам прибавил газу и помчался по полю на юг. Джип трясся и раскачивался.

Маленькие струйки снега посыпались перед ними слева. Взрывы снега застывали в жутком желтом свете фар.

Пайк стрелял по ним.

Не по ним, по колесам. Пытаясь вывести их из строя.

Лиам свернул вправо.

Перед ним расстилалась непроглядная тьма. Снег внезапно сошел на нет. Переднее крыло джипа резко наклонилось вниз. В пятнадцати-двадцати футах под ними сверкнул лед.

Озеро.

Лиам отпустил газ и попытался скорректировать их траекторию. Слишком поздно.

Время замедлилось. Все произошло за секунду. Лиам видел каждую деталь, каждую снежинку, бьющуюся о лобовое стекло, каждую корявую ветку, тянущуюся к нему сучковатыми пальцами.

Руль бесполезно вращался в его руках. Весь мир, казалось, вращался вместе с ним: снег, странно отклоняющийся в свете фар, деревья, заснеженная земля, черное небо.

Джип заскользил, колеса покатались и заскрипели. Снежный вал захрустел под шинами. Переднее правое колесо прокрутилось в воздухе. Джип резко повернул вправо, опасно наклоняясь.

Ханну ударило о пассажирскую дверь. Она подставила плечо под удар, и вместо живота или головы стукнулась рукой.

Призрак с обиженным лаем врезался в спинку сиденья Ханна.

Джип резко остановился. Лиам вцепился в руль, его сердце колотилось, во рту пересохло. Пораженный, он уставился в пустоту.

Джип балансировал на гребне высокого берега.

В конусообразных лучах фар лежал снег. Под ними не было ничего, кроме льда.

Ханна ахнула.

Лиам оставался абсолютно спокоен.

— Не двигайся.

— Даже не думала.

Призрак начал подниматься.

Автомобиль покачнулся.

— Призрак! — закричали они оба.

— Ложись, мальчик. — Ханна резко вздохнула. — Пожалуйста. Сделай это для меня.

Доверься мне.

Призрак недовольно заскулил. Потом плюхнулся обратно.

— Хороший мальчик.

Джип застонал, немного опустился.

Сердце Лиама колотилось в груди, в животе образовался узел.

— Нет, нет, нет! — бормотала Ханна.

Не двигаясь, Лиам вглядывался в зеркала заднего вида, ища Пайка, и уже готовился к удару, когда снегоход вытолкнет их прямо на край.

— Он не станет, — проговорила Ханна сквозь стиснутые зубы, будто прочитав его мысли. — Он не захочет, чтобы мы погибли в озере. Он хочет убить нас сам. Он будет ждать.

Лиам поверил ее словам.

— Если мы не будем осторожны, озеро все равно нас убьет.

— Я знаю.

Лиам медленно повернул голову, чтобы посмотреть на нее.

В ее глазах застыл ужас, а лицо исказилось от боли. Ханну сотрясала очередная схватка. Она оставалась неподвижной, насколько это вообще было возможно, но он видел, каких огромных усилий ей это стоило. Как много сил это у нее отнимало.

— Я попробую отъехать.

— Хорошо.

Двигаясь медленно и осторожно, Лиам очень аккуратно переключился на задний ход. Он повернул руль. Нажал на газ, молясь и проклиная, желая, чтобы закованные в цепи шины зацепились, чтобы глубоко зарыться и найти твердую почву под мягким снегом.

«Давай же, давай!»

Переднее крыло опустилось на несколько дюймов за край. Мир накренился.

Он почувствовал, как его вес перемещается вперед, ощутил крен в животе, как на вершине американских горок перед самым падением.

Если бы они перевалились через край, то провалились бы сквозь лед в ледяную воду, которая высосала бы из них тепло и жизнь за считанные минуты.

Ханна может умереть. Прямо как Джесса, которая умерла у него на глазах.

«НЕТ». Он не может позволить этому случиться. Он не допустит такого.

Он выкручивал руль, давил на газ, напрягая мышцы, всеми фибрами своего существа желая, чтобы джип поехал задним ходом.

Наконец, шины сцепились.

Снег посыпался из-под колес. Они подались назад, правая передняя шина вращалась в воздухе. Три оставшиеся шины крутились, джип подпрыгивал и трясся.

Наконец все четыре колеса благополучно опустились на землю.

На секунду они все замерли, никто не двигался, не веря, что не падают головой вперед в ледяное озеро.

Лиам сделал несколько глубоких, успокаивающих вдохов. Его плечи были так напряжены, что разболелись. Облегчение разлилось по его венам, но оно длилось недолго.

Пайк до сих пор где-то там.

Позади низко зарычал Призрак.

— Я больше его не вижу. — Ханна наклонилась к Лиаму и заглянула в окно со стороны водителя. — Буря усиливается. Он может быть где угодно.

— Должно быть, он проскочил мимо. Он еще вернется. В прошлый раз упустил след. Возможно, не пропустит снова.

Лиам включил передачу и завел двигатель. Он чуть не врезался в березу, но сумел избежать этого и с грохотом вернулся в поле.

Ханна указала.

— Там.

Появились красные огни, тусклые от снега. Прямо перед ними, в семидесяти пяти ярдах. Никакого движения. Ждут их следующего шага.

Справа от них внизу простиралось замерзшее озеро. Поле раскинулось впереди и позади них, а М-140 находилась где-то в нескольких сотнях ярдов слева.

Лиам дернул руль, крутанулся и направился влево к дороге. Они ехали по неровной дороге и тряслись.

— Он все еще едет. — Ханна подобрала пистолет Лиамы и положила его на центральную консоль. Она наклонилась вперед, морщась, и стала искать что-то в рюкзаке у ног.

— Он быстрее, чем мы, — проговорил Лиам. — Мобильней.

Она достала бумажную карту и развернула ее. Включила фонарик, лежащий в подстаканнике, и прочертила пальцем линию.

— Мы проехали знак города полмили назад. Значит, находимся за пределами Уотервлита, а это озеро Поу-Поу. Мы близко к реке Поу-Поу. В некоторых местах она довольно крутая.

— Я не знаю. Я не знаком с этой местностью.

— Я знаю, — она повернулась к нему лицом, держа в здоровой руке карту. — Я помню.

Он уставился на нее.

В тусклом свете лицо Ханны напоминало бледный овал. Ее глаза оставались ясными. Наполненные болью и страхом, но непоколебимые.

— У меня есть идея.

Глава 27

Ноа

День одиннадцатый

Ноа перевернул блинчик и наблюдал, как пузырится тесто.

Он стоял перед плитой, готовя блины для себя и Майло из остатков яичного порошка. У него оставалось еще полконтейнера взбитых сливок к арахисовому маслу — любимому блюду Майло.

В кои-то веки у них выдался поздний завтрак. Ноа обычно приберегал это блюдо для особых случаев, но после последних нескольких дней им с Майло нужно что-то особенное, что-то только для них двоих.

Дом, который Розамонд выделила им в «Винтер Хейвене», представлял собой большой

бревенчатый коттедж с четырьмя спальнями, полом из ореховых досок, сводчатыми потолками с толстыми деревянными балками, и белой кухней с огромным островом, облицованным гранитом.

За большими витражными окнами он мог видеть дом Дэррила Виггинса в пятидесяти ярдах слева. Тонкая линия деревьев тянулась по пологому склону, ведущему к реке в ста ярдах сзади.

На ветке клена сидел кардинал. Несколько белок гонялись друг за другом среди снега, перепрыгивая с дерева на дерево.

В душе Ноа нарастало беспокойство. Последние несколько дней выдались долгими. Слишком длинными. Налет на Картеров, история с Билли и казнь — все это не могло не сказаться на нем. Он был измучен, измотан до предела душой и телом.

Он не хотел думать о том, что произошло. Картеры мертвы. Вот что имело значение. Город получил свое правосудие. Монстры больше никому не причинят вреда.

Мысли о Джулиане постоянно мелькали в его голове, как назойливые мошки, от которых он не мог отмахнуться. И чувство вины. Ноа старался не думать об этом. Старался не думать ни о чем из этого.

Он мечтал завалиться в постель и забыть обо всем на шесть часов блаженного сна, но не мог. Он обязан заботиться о сыне.

Майло выстроил свои фигурки Лего на столешнице, стреляя по каждому лазерными лучами и шепча «Пиу, пиу!» под нос. Его медицинский браслет стучал о поверхность стойки.

Ноа перевернул очередной блинчик и озабоченно нахмурился.

— Эй, сынок. Мы можем поговорить несколько минут?

— Конечно, папа.

Последствия бойни прошли как в тумане. В последние несколько дней Ноа рано уходил и поздно возвращался домой. Он видел сына, но еще не садился с ним и не говорил о том, что произошло. Не то чтобы ему это хотелось.

Майло вел себя тише, чем обычно. Хмурый, немного задумчивый. Но он не выглядел настолько травмированным, как ожидал Ноа.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально.

— Живот не болит? Чувствуешь усталость или головокружение?

Майло сморщил нос в раздражении.

— Я в порядке, папа.

— Хорошо, хорошо. Я понял тебя.

Ноа сжал пальцы, уставившись на обручальное кольцо. Он боялся этого разговора, но больше не мог его откладывать.

Ханна умела отлично справляться с такими вещами. Она обладала природной эмпатией и умением общаться с людьми. Она знала, что и как сказать. Ноа чувствовал себя неловко, у него заплетался язык, как будто он мог сказать что-то не то и навсегда испортить жизнь своему ребенку.

— А как насчет... других вещей?

Майло ничего не сказал, просто ждал, пока Ноа объяснит.

Ноа выдохнул.

— Я хотел поговорить с тобой о том, что произошло в церкви. Что ты чувствуешь по поводу того, что видел.

Майло отвел взгляд и уставился на остров. Он поджал губы, прямо как делала Ханна.

— Квинн сказала мне не смотреть.

— Что это значит?

— Она сказала, это игра.

— Какая игра?

— Она сказала не смотреть на те плохие вещи, что случились. Если я хорошо справлюсь, то выиграю.

Ноа забыл дышать. Он забыл про блинчики.

— И ты справился? Ты не видел ничего плохого или ужасного?

Майло взял в руки одну из фигурок Лего — Дарта Вейдера с двумя световыми мечами. Он вынул оба световых меча из пластмассовых рук Дарта Вейдера и положил их на столешницу.

— Мне нравится побеждать в играх, папа. Думаю, и в этой я ее обыграл.

Он посмотрел на Ноа и улыбнулся. Никогда еще он не выглядел таким похожим на свою мать. Нежный, ранимый, но за этими большими темными глазами скрывается сила.

От облегчения Ноа едва не прослезился.

— Это... это очень хорошо, сынок.

— Тот мужчина со странными глазами был страшный. И мама Квинн. Они были злыми.

— Да, точно, — согласился Ноа, и ненависть к Билли Картеру вновь наполнила его.

Чувство вины накатило на него. Но он его отогнал.

— Квинн боролась с ними. Прямо как супергерой. — В глазах Майло светилось обожание. Сын боготворил эту девушку. А кто бы не стал, после того, что она сделала?

Она могла спасти себя и бросить Майло. Но она этого не сделала. Каким-то образом, среди всего этого ужаса, у шестнадцатилетней Квинн хватило ума защитить психологическое здоровье его маленького сына.

Колочая, Квинн с голубыми волосами — язвительная и умная, но яростная и храбрая. Их с Майло собственный ангел-хранитель.

Майло выглядел нормально. Он прошел через многое, но, учитывая, насколько все могло быть плохо, остался цел и невредим. В следующий раз ему могло настолько не повезти.

Ноа должен сделать так, чтобы следующего раза никогда не произошло.

— Твои блинчики, — заметил Майло.

— Что?

— Я думаю они горят.

Ноа выругался. Едкий запах заполнил его ноздри. Он перевернул блинчик в форме Микки Мауса, над которым работал. Он сгорел до черноты. С помощью лопаточки он переложил его на пустую тарелку и выключил конфорку.

— Извини, на этот раз без Микки.

— Все в порядке, папа. У нас их много. Как говорит мисс Молли, всё рано или поздно оказывается в одном месте.

— Стоит прислушаться к ней. — Ноа поправил тарелку Майло. Он намазал толстый слой арахисового масла на два огромных блина, почти таких же больших, как тарелка, намазал один взбитыми сливками, а второй положил на первый, как сэндвич. Затем передвинул тарелку по столу. — Ешь.

— Что случилось с плохими парнями? — спросил Майло.

— Они больше никого не обидят.

— Но что с ними случилось?

Ноа закрыл глаза, увидел, как Джулиан стреляет в Билли, как лицо Билли корчится, разваливается на части. Он заставил себя открыть глаза, загнал образ вглубь.

— Они... мертвы.

Майло колебался, казалось, обдумывая этот факт.

— Ты не должен беспокоиться о них. Ни о ком из них. Тебе не нужно переживать ни о каких плохих парнях. Это моя работа — обеспечивать твою безопасность.

— И Квинн.

— И ее тоже. Суть в том, что ты в безопасности. Я обещаю, что буду заботиться о тебе, несмотря ни на что. Хорошо?

— Хорошо. — Майло подхватил сэндвич из блинчиков и откусил огромный кусок. — М-м-м, вкуснотища!

Сердце Ноа наполнилось острой ноющей любовью к сыну, к этому ребенку, который значил для него весь мир. Он моргнул от внезапной влаги в глазах.

Он не хотел расклеиваться перед Майло. Он оставит это на потом, когда останется один в своей спальне, глядя в темный потолок, мучаясь от беспокойства и не в силах заснуть.

Ноа наклонился к острову и взъерошил черные кудри Майло.

— Кто-нибудь говорил тебе, какой ты красивый?

Майло усмехнулся, набив рот блином.

— Постоянно.

Глава 28

Ноа

День одиннадцатый

— Хорошие новости! — Голос Джулиана раздался по рации.

— Что такое? — Ноа крепче сжал свою рацию.

Им нужны хорошие новости. Хотя после публичной казни убийц из Кроссвей беспорядки утихли, ситуация все еще оставалась далеко не под контролем.

Каждую ночь происходили новые грабежи и взломы. Обнаруживалось все больше трупов — в основном пожилых людей, но есть и несколько маленьких детей. Гипотермия. Ослабленные сердца при огромном стрессе.

Несколько десятков человек в приюте заболели пневмонией. Вероятно, за ними последует еще больше. Все напуганы.

— Приходи в среднюю школу, — сказал Джулиан. — Это новый центр распределения.

— Что мы будем распределять?

— Саттер справился, чувак! Просто приди и посмотри!

Ноа как раз разбирался с потасовкой на Догвуд-лейн в одном из кварталов за церковью Кроссвей. Соседи ругались и обвиняли друг друга в краже драгоценных и уменьшающихся запасов.

Он выписал вероятному нарушителю штраф за суд, на который тот никогда не явится, и уехал на черном джипе «Форд-F250» 1978 года выпуска, конфискованном полицейским управлением. Один из резервных офицеров нарисовал белой краской надпись: «Полиция Фолл-Крик» с обеих сторон.

Главные дороги расчистили три дня назад, но топлива в городе оставалось крайне мало,

и они ждали, пока улицы станут непроходимыми, прежде чем снова начать расчистку. Погода стояла холодная и серая, типичная для юго-западного Мичигана, где солнце не появлялось в течение шести месяцев.

Даже с зимней резиной старый грузовик в некоторых местах не справлялся. Один раз Ноа увяз, и ему пришлось остановиться и пробивать себе дорогу лопатой. Он сделал себе мысленную пометку, что вместо машины лучше взять снегоход. Ехать холоднее, но быстрее.

Средняя школа находилась рядом со старшей школой. Между ними располагалась общая территория и футбольное поле. На задней парковке школы три прочных грузовика припарковались ко входу, их багажники до отказа были забиты припасами, укрытыми брезентом.

Дюжина добровольцев разгружала коробки и ящики с едой, санитарными принадлежностями, лекарствами без рецепта и водой в бутылках в столовую.

По мере распространения информации уже начала формироваться неровная очередь голодных людей. Они толпились у дверей, едва сдерживаясь, чтобы не схватить ящик, как только его выгружали.

Сэм Перес и Рейносо помогали разгружать, с легкостью поднимая огромные коробки. Они улыбались и шутили с несколькими волонтерами.

Забавно, как быстро еда и вода подняли всем настроение. Как быстро приоритеты всех сменились с лайков в Фейсбуке и стремления быть на высоте, на простое выживание.

Майк Дункан и его племянник-физик Джамал тоже вызвались помочь, а также Тина Ганди, дочь механика.

Ноа поднял рацию и отдал честь Тине.

— Эй, спасибо за это!

Майк, Джамал и Тина провели последнюю неделю в авторемонтной мастерской, чиня все, что могли. Они починили еще десять раций и привели в рабочее состояние два грузовика.

Они также установили ретрансляторы, чтобы значительно увеличить радиус действия портативных радиостанций. Теперь ключевые сотрудники могли общаться по всему Фолл-Крику и за пределами города.

Тина усмехнулась и помахала в ответ.

— Чем можем, тем и помогаем.

— Просто продолжайте делать то, что вы делаете.

Несколько человек стояли возле грузовиков свободным полукругом — Джулиан, суперинтендант, Дэррил Виггинс и шеф Бриггс. И Маттиас Саттер.

Ноа подошел и показал на грузовики.

— Где вы все это взяли?

Саттер широко улыбнулся.

— Мы нашли несколько застрявших грузовиков на шоссе I-94 возле Бриджмена. Эти полуприцепы никуда не ехали. Нам пришлось разгружать все вручную.

— Фантастика! — Виггинс потирал руки. — Я так голоден, что могу съесть лошадь.

— Мы привезем еще. У нас есть несколько оптовых поставщиков, куда мы можем наведаться. И фармацевтический оптовик, который снабжает дома престарелых. Это в стороне от дороги и общественного внимания — а значит, это все наше.

Шеф Бриггс нахмурился.

Улыбка Саттера не дрогнула.

— Только если он заброшен, конечно. Я неверно выразился.

Он повернулся к Розамонд и Ноа.

— Мы получили ваш список лекарств, необходимых горожанам. Мы нашли немного инсулина для матери Пэтти Снайдер. И еще гидрокортизон, Ноа.

Пульс Ноа ускорился.

— Серьезно?

Саттер показал большим пальцем на ближайший грузовик.

— Я отложил его для вас в сумку в кабине. По крайней мере, на два года. Может, на три.

Ноа переполнила благодарность. На мгновение он потерял дар речи. Казалось, что он задерживал дыхание последние две недели и наконец-то смог вздохнуть снова.

С Майло все будет хорошо. Они пройдут через это. Он потрогал обручальное кольцо под перчатками. «Я оберегаю его, Ханна. Как и обещал».

— Спасибо. Если вы найдете ампулы с глюкокортикоидами...

— Понял. — Саттер похлопал по карману. — Это в списке.

— У нас заканчиваются запасы дизельного топлива и бензина, — сказал Джулиан.

— Мы нашли достаточно топлива, чтобы генераторы в приюте работали еще несколько дней, — сообщил Саттер. — Не волнуйтесь. Мы обо всех позаботимся.

— Вы просто «нашли» его? Шансы на это ничтожны. — Шеф Бриггс указал на Розамонд. — Это неправильно. Вы знаете, что это так.

Розамонд улыбнулась, но уголок ее глаза дернулся.

— Неправильно, что наши дети в тепле и сыты? Оглянитесь вокруг. Посмотрите на все эти счастливые лица? Я ценю вашу... мораль, шеф, ценю. Но то, что было правильно две недели назад, не обязательно правильно сегодня.

Шеф не успокоился. Его хмурый взгляд стал еще суровее.

— Я не буду участвовать в этом! Не буду!

Черты лица Виггина исказились в едва подавляемой усмешке.

— Вы можете уйти в любое время. На самом деле, мы с радостью проводим вас туда, куда вам нужно.

Саттер сделал шаг к шефу Бриггсу.

— Если вы не с нами, вы против нас.

Бриггс ткнул пальцем в Саттера.

— Ты! Тебе здесь не место! Твои люди — позор для этого города! Твоя «месть» уже запятнала наши руки кровью!

Ноа вздрогнул.

Саттер нет.

— Ваш город попросил нас сделать это. Люди хотели справедливости. Настоящей справедливости.

— И мы дали им это, — добавил Джулиан.

— Вы заплатите за то, что сделали, — голос шефа повысился. — Вы отправитесь за это в тюрьму!

Саттер похлопал по AR-15, висящей у него на груди.

— Почему-то я так не думаю.

Лицо Бриггса побагровело от гнева. Он сжал руки в кулаки, словно действительно мог ударить Саттера. Саттер напоминал танк или носорога. Шефу было за шестьдесят, его мощная фигура постепенно обрастала жиром. Это едва ли будет честный бой.

— Нам не стоит тратить силы на споры. — Ноа встал между ними. Публичная казнь не оставила равнодушным и его. Все это так. Но признание в этом перед Бриггсом только подольет масла в огонь, а не потушит его. — Мы все должны работать вместе в этом деле.

— Послушайте Ноа, — поддержала Розамонд. — Джентльмены, ясно, что у вас обоих сильные чувства по этому вопросу. Все здесь пытаются сделать все возможное для города и всех, кто в нем живет. Если мы не будем работать вместе, мы пропадем. Так же, как это происходит сейчас в городах. Мы не можем допустить, чтобы это случилось с нами. — Она устремила свой острый взгляд на Бриггса. — Если это означает, что нам придется сделать трудный выбор, то так тому и быть.

Не говоря ни слова, шеф повернулся на пятках и ушел. Мгновение спустя его джип 1970-х годов с ревом выехал со стоянки, задние шины закрутились в снегу, прежде чем он восстановил управление.

Затем он уехал.

— Скатертью дорога, — сплюнул Виггинс. Жесткий, с кислым лицом человек лет пятидесяти, Виггинс был президентом ротари клуба и управляющим Общественного трастового банка.

Джулиан бросил на него взгляд, на его лице ясно читалась неприязнь. Виггинс был еще и брюзгой, всегда старался попасть в милость к Розамонд и добиться большего влияния. Ноа знал, что Джулиан его ненавидит.

Розамонд задрожала и потуже затянула шарф вокруг горла.

— Он придет в себя.

— А если нет? — спросил Саттер мрачно.

— Не беспокойтесь о Бриггсе, — проговорил Виггинс. — Он не будет проблемой слишком долго.

Ноа бросил на него вопросительный взгляд. Виггинс безразлично пожал плечами и ухмыльнулся.

Он пробормотал что-то о проверке организации поставок, но, вероятно, скрылся, чтобы взять для себя лучшее из того, что привезли ополченцы.

— Моим людям есть чем заняться, — заявил Саттер. — Надо собрать налог.

Он кивнул суперинтенданту и зашагал в среднюю школу, уже включив рацию.

— Они не будут тревожить Бишопа, — сказал Ноа. Заявление, а не вопрос.

Розамонд коснулась его руки.

— Аттикус Бишоп уже порядочно настрадался. И заслуживает уединения в своей скорби. Никто не будет его беспокоить. Даю тебе слово.

Ноа почувствовал облегчение, но беспокойство все еще скручивало его изнутри.

— Могу я поговорить с тобой минутку?

— Конечно. Ты же знаешь, я всегда найду для тебя время. Пойдем со мной в приют. Мне нужно отметить себя и показать себя.

Джулиан напрягся.

— Пойду проверю добровольцев по связи, — сказал он с ноткой горечи в голосе. — Они должны были уже раздать инструкции по санитарии и уборке мусора для каждого района, но я ничего не слышал.

— Хорошая идея, — одобрила Розамонд, переплетая свою руку с рукой Ноа. Они направились в приют, оставив Джулиана стоять одного.

Глава 29

Ноа

День одиннадцатый

Несколько сотен горожан теснились в здании средней школы. Здесь стало намного больше народу, чем, когда он приезжал сюда всего неделю назад.

Раскладушки и спальные мешки занимали почти каждый свободный дюйм пространства. Семьи и пары сгрудились в кучки тут и там. Набитые чемоданы и вещевые мешки теснились в каждом углу.

В спортзале эхом отдавались голоса, все они звучали напряженно и тревожно. Кашель и сопение. Плач младенцев и детей.

Розамонд остановилась, улыбнулась и выказала сочувствие и сострадание, доброту и заботу. Она никому не пожала руку.

Люди смотрели на нее затравленными, впалыми глазами. Некоторые из них выглядели дрожащими и бледными. Под запахом отбеливателя в спертом воздухе спортзала висела вонь рвоты.

— Что с ними? — спросил Ноа.

— Если собрать столько людей вместе, то обязательно произойдет передача инфекций, — тихо проговорила Розамонд, стараясь дышать неглубоко, когда они спешили через зал. Они помахали Аннет и Ли, которые в углу раскладывали пазлы для полудюжины детей.

Пройдя через металлические двойные двери, они оказались в коридоре, заставленном шкафчиками. Коридоры тоже загромодили кровати и спальные мешки. Здесь оказалось еще холоднее, и поэтому кашель звучал сильнее.

Большинство учебных классов были заняты. Комната персонала и кабинет директора заполнены отчаявшимися людьми, ищущими тепла.

Они нашли пустой класс. Розамонд заняла удобный стул за учительским столом. Ноа взял металлический стул с одной из ученических парт и придвинул его поближе.

Розамонд наклонилась вперед и уперлась руками о парту. Она сцепила пальцы под подбородком.

— Ноа Шеридан. Что бы я без тебя делала?

— Полагаю, продолжала бы работать, как обычно.

Она засмеялась. Смех получился грустным, но все еще наполненным теплом.

Она работала до изнеможения, чтобы сохранить этот город. Это отражалось в тенях под ее глазами, ее идеально уложенные волосы были слегка растрепаны, а костюм немного помят.

— Не забывайте заботиться о себе, суперинтендант. Вы нам нужны.

— Ты тоже нужен людям, Ноа. Им нужно видеть тебя. Им нужно знать, что закон и порядок все еще здесь. Теперь в другой форме, но все еще здесь. — Она вздохнула, пригладила волосы. — Как дела у Майло?

— У Майло все хорошо. Лучше, чем я ожидал.

— Хорошо. Пусть так и будет. — Розамонд внимательно рассматривала его, наклонив голову. — Тебя что-то беспокоит.

Он глубоко вздохнул.

— Ополченцы. Они кажутся такими... агрессивными.

Розамонд моргнула. Ее глаза заблестели. В ее броне появилась крошечная трещина. Она

отвернулась от него, вытерла глаза и глубоко вздохнула.

— Мы делаем то, что должны. Мы никогда больше не допустим такого ужаса. Я не допущу этого. Не под моим руководством. Ты понимаешь?

Он кивнул. Он точно знал, что она чувствует. Чувство вины укололо его. Он отодвинул его подальше.

Суперинтендант взяла себя в руки и посмотрела на него.

— Что еще?

— Налог продуктами питания. Людям это не понравится.

Тонкие морщинки вокруг ее глаз напряглись. Рот сжался.

— Десять процентов — это не слишком много, не так ли? Чтобы сохранить жизнь нашим друзьям и соседям? Люди платили налоги федеральному правительству и правительству штата. Я не думаю, что в ближайшем будущем люди будут платить денежные налоги. Должны ли они просто прекратить это? Или они все еще что-то должны людям, которые борются за их защиту и сохранение их безопасности, здоровья и жизни?

— В этом есть смысл, если так рассуждать.

— Ты позаботишься о том, чтобы люди поняли это? Мне нужна твоя помощь, чтобы все получилось, Ноа. Иначе все просто развалится.

Он тяжело кивнул. Обществу нужно объединиться, чтобы помочь друг другу выжить, но ему по-прежнему не нравилась идея применения силы. Молли и Квинн тоже.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Я уверена, что сделаешь. — Она сузила на него глаза. — Есть кое-что еще.

Она всегда умела хорошо читать его. Ноа сел ровнее и рассказал ей о заявлениях Октавии Райли и подозрениях Бишопа в ночь резни.

— Честно говоря, все это меня беспокоит. Мне это совсем не нравится.

— Никому из нас это не нравится. Резня в Кроссвей — это худшее, что случилось в этом городе, в этом округе, черт возьми, во всем штате Мичиган. Никто не предвидел такого. Никто. Но это доказывает исключительную важность закона и порядка. Мы должны продержаться до тех пор, пока губернатор или федералы не возьмут ситуацию под контроль и не вернется некое подобие цивилизации. Это наша работа здесь. Наша единственная работа.

— А если все-таки их кто-то выпустил?

Розамонд потеряла виски.

— Человеческой психике нужна причина, объяснение. Иногда это не более чем старый замок, который сломался, и хороший, но измученный человек, который заснул во время кризиса. Так бывает. Человеческая ошибка есть человеческая ошибка.

— Но...

— Октавия Райли это... она была... наркозависимая шлюха, которая сожительствовала с психопатом. Она понимала, что наконец достигла края. С тобой она увидела шанс, возможность. Преступники скажут что угодно, чтобы спасти свои никчемные задницы.

— Я знаю.

— У нас сейчас нет кадров. Ты знаешь это. Мы все измотаны. Мы все усердно работаем, пытаюсь сохранить этот город в безопасности, а его жителей спасти от голода и замерзания. Мы пережили одну снежную бурю. Согласно экстренным сообщениям по радио, другая надвигается прямо на нас.

Он начал было возражать, но она подняла руку.

— Рэй Шульц и его сообщники мертвы. Ты поймал их. Мы поймали плохих парней, Ноа. Мы сделали это. Ты сделал это.

Ноа напрягся. В его голове промелькнуло воспоминание о Билли Картере. Его кровавая улыбка, его косой глаз. Его обескураженный, обвиняющий взгляд.

Вот что беспокоило Ноа больше всего. И преследовало его в кошмарах. Не то, что Билли Картер и остальные мертвы, а то, насколько это было жестоко и уродливо. Как быстро и легко это произошло.

Может, Ноа и не нажимал на курок, но он стоял в стороне и позволил этому случиться. Он не был уверен, что сможет оправиться от этого. И сможет ли кто-нибудь из них.

— Горожане довольны, — продолжила Розамонд. — Им нужно спокойно оплакать своих близких. Повторное разгребание всей этой истории только деморализует людей, внесет раскол и недоверие. Это поставит под угрозу наше сообщество, Ноа. Подумай об этом хотя бы на минуту.

Он ненавидел это ноющее чувство в глубине своего сознания, но вместе с тем понимал необходимость солидарности, единения.

Дэйв слышал по радио сообщения о десятках маленьких городков, уже разрушающихся под натиском банд, мародеров и голодных беженцев, бегущих из мегаполисов.

Фолл-Крик все еще стоял. Это что-то значило.

Напряжение в его плечах ослабло. Розамонд помогла ему увидеть картину в целом. Он не оставлял проблему без внимания, просто отложил ее на время.

— Когда все это закончится...

Суперинтендант встала и протянула руку.

— Конечно. Я лично попрошу оперативную группу расследовать резню в Кроссвей. Было пролито слишком много крови. Это отвратительное дело. Опасное деяние. Чем быстрее с этим будет покончено, тем лучше будет для всех.

Он стоял напротив нее за столом. Они пожали друг другу руки.

— Спасибо, Розамонд.

— Мы семья, — заверила Розамонд. — Помни это.

Рация у бедра Ноа зашипела.

— Это Лютер с северного блокпоста на старом 31-м шоссе. У нас тут парень, который говорит, что он из Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям. Хотите, чтобы мы его впустили?

Глава 30

Ноа

День одиннадцатый

Представителя Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям звали Аарон Эндрюс. Это был невысокий, полноватый чернокожий мужчина в синей куртке и кепке с эмблемой агентства, сжимавший в руках планшет и ручку.

Он прибыл с военным эскортом. Четверо солдат в военной форме стояли вокруг двух бронированных «Хаммеров», М4 висели у них за плечами.

Розамонд, Аннет, Джулиан и Виггинс окружили Эндрюса в небольшом фойе у входа. Никто не сделал ни малейшего движения, чтобы пройти внутрь к толпе беспокойных беженцев.

— Что происходит? — спросил Джулиан. — Кто это с нами сделал, и мы уже отправили

их ядерной бомбой в прошлый век?

— Я могу только подтвердить, что на нас действительно напали, — сказал Эндрюс, на его лице отразилась досада.

— Конечно, до вас доходили хотя бы слухи, — заметила Аннет. — Слухи, за которыми есть хоть какой-то смысл? Обоснованное мнение?

Его взгляд ненадолго переместился на солдат, а затем вернулся к Розамонд.

— По слухам, это дело рук Китая. Они отрицают это, и их ядерные боеголовки на месте. Но это ничего не значит.

— Белый дом знает, — сказал Виггинс. — Можете поставить на это свою задницу. Они тянут время. Конгресс и в хороший день не отличит голову от хвоста. У них не хватает смелости сделать то, что необходимо.

Эндрюс пожал плечами.

— Не мой департамент.

— Когда мы можем ожидать прибытия грузовиков с гуманитарной помощью от агентства? — спросила Аннет.

Эндрюс сжал переносицу пальцами.

— Я здесь не для этого.

Все уставились на него.

Ноа прочистил горло.

— Что?

— Мы оповещаем города, поселки и деревни в регионе. К югу от Каламазу в Портедже и за пределами Сент-Джозефа на старом шоссе 31 были созданы центры экстренной помощи Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям, а также палаточные госпитали Красного Креста. Автобусы агентства будут сопровождать граждан в соответствующие региональные центры, в зависимости от того, как Национальная гвардия расчистит дороги и сохранит их свободными. Я передам вам расписание для распространения среди ваших граждан.

— Не многие здесь захотят провести месяцы в переполненном, вонючем лагере для беженцев, — заявил Джулиан, нахмурившись.

Эндрюс напрягся.

— Это не лагеря...

— Мы передадим информацию, — быстро проговорила Розамонд, чтобы сгладить напряжение. — Большое спасибо, что сообщили нам.

— А как насчет еды? — поинтересовался Ноа. Для них это проблема стояла наиболее остро. Даже если ополченцам удастся наладить снабжение, того, что у них есть, хватит на несколько сотен человек не больше чем на неделю. — Когда начнут прибывать грузовики с продуктами?

Эндрюс переминался с ноги на ногу и вздыхал, его явный дискомфорт усиливался.

— Их нет.

— Приедут в следующий раз? — уточнила Розамонд.

— Я не отвечаю за это, — мрачно сказал Эндрюс. — Если люди голодны или нуждаются в жилье, они могут обратиться в один из официальных центров помощи.

— Никакой помощи не будет? — с тревогой спросила Аннет. — Совсем ничего?

Он лишь беспомощно пожал плечами.

— Я просто пытаюсь делать свою работу. Мне жаль.

Неприятное предчувствие охватило Ноа.

— Это неприемлемо. — Голос Розамонд прозвучал спокойно, но с острыми гранями ярости. Она жестом указала за спину. — Посмотрите на этих людей. Они и так не получают достаточно.

— Послушайте, мне очень жаль. — Эндрюс развел руками и оглянулся на свой вооруженный эскорт, словно желая, чтобы они пришли спасти его из очередного разъяренного города. — Только за последние два дня в округах Берриен и Касс подверглись нападению двенадцать грузовиков. Каждый развозной грузовик требует военного сопровождения. У Национальной гвардии есть другие задачи, поэтому количество автоколонн с гуманитарной помощью пришлось сократить. Мы оказались вынуждены расставлять приоритеты.

— А как насчет воздушной доставки? — спросил Ноа, перебирая в уме идеи, что может быть лучше, чем ничего. Молли предупреждала его, но он не хотел в это верить. — Разве нельзя использовать грузовые или военные самолеты, или что-то еще для доставки грузов?

— Мы так и сделали. Большинство военных самолетов остались в строю, и все еще летают. Как и многие старые модели самолетов и вертолетов. Но это невероятно дорого и отнимает много ресурсов. Не говоря уже о жестоких бандах, картелях и ополченцах, которые воруют и грабят все, что могут. В Детройте ни один из доставленных по воздуху товаров не попадает к людям. Их крадут банды с мощным оружием.

— У нас нет такой проблемы, — заверил Ноа. — Вы могли бы доставлять помощь по воздуху в любой из маленьких городков в округе.

— Позвольте мне уточнить. Население Фолл-Крика сколько? Тысяча человек в хороший день? У нас семьдесят пять тысяч голодающих семей в Каламазу. Двести тысяч в Гранд-Рапидс. Сто двадцать тысяч в Лансинге. В Детройте — семьсот — восемьсот тысяч, даже не считая пригородного населения.

Эндрюс нахмурился.

— Мы делаем все возможное, чтобы охватить каждую общину, но некоторым из вас придется справляться самим.

Внутренности Ноа скрутило от волнения и нарастающего гнева.

— Значит, вы просто бросаете нас?

— Вы живете в сельской местности. У вас есть фермы и ресурсы, которых нет в городах.

— Ты что, издеваешься? — Выражение лица Джулиана потемнело, как грозовая туча. — Ты собираешься стоять здесь и нести эту чушь? Сейчас зима. Ты видишь какие-нибудь посевы, готовые к сбору урожая?

Эндрюс сделал шаг назад и поднял руки, защищаясь.

— Вам нужно успокоиться, сэр.

— Мы спокойны. — Розамонд положила свою руку на руку сына, мягко сдерживая его. Она сохраняла спокойствие, хотя уголок ее правого глаза продолжал подергиваться. — Мы знаем, что это не ваша вина, мистер Эндрюс. Но есть ли кто-нибудь, с кем вы могли бы поговорить? С региональным руководителем? Мы нуждаемся в помощи не меньше, чем большие города.

Выражение лица Эндрюса смягчилось. Он всего лишь бумажный бюрократ, не способный ничего сделать, даже если бы захотел. Он выглядел крайне уставшим. Измотанным.

— У нас в Мичигане десять миллионов человек. Проблемы нарастают как снежный

ком. Массовые отключения электричества, потеря воды и тепла, отсутствие связи и транспорта... аварийные службы делают все возможное, но мы не можем позаботиться обо всех... мы просто не можем.

Ноа почувствовал, как гнев вытекает из него. Он чувствовал себя подавленным. Даже подозревая, услышать это вслух оказалось в равной степени досадно, тревожно и удручающе.

— У меня связаны руки. — Эндрюс вытер лоб. Его лицо осунулось, под глазами залегли круги. — Мне жаль. Правда.

Никто не проронил после этого ни слова. У них просто пропал дар речи.

Случилось то, чего они так боялись.

Фолк-Крик оказался предоставлен сам себе.

Глава 31

Квинн

День одиннадцатый

Горе — тяжелая штука. Особенно когда ты горюешь о чем-то потерянном, но в то же время никогда не принадлежавшем тебе.

Материнская любовь для Квинн Райли всегда оставалась понятием туманным. То, о чем она читала в книгах или смотрела в фильмах. Скорее идея, желание, чем реальность.

И вот теперь она ушла навсегда. У нее никогда не будет матери, которая целует ее в макушку перед сном, которая обнимает за сказкой или песней, которая слушает, когда она жалуется на школу, мальчиков и домашние задания, которая всегда рядом.

Ни она, ни бабушка не говорили об этом, когда Квинн вернулась в дом после публичной казни, пораженная и все еще не оправившаяся от шока. Кроме того, с ними был Майло. Как бы он ей ни нравился, но он не член их семьи.

Бабушка, видимо, считала так же и занялась делом. Она показала Майло, как консервировать мясо под давлением. На ужин они вместе приготовили мясной рулет. Когда стемнело, бабушка принесла керосиновые лампы и показала Майло, как их зажигать и обращаться с ними.

Квинн действовала на автомате, почти не присутствуя. Она сидела за столом и возилась с кольцом на губах, а ее мысли витали за тысячу миль отсюда. Она не могла есть. Кошки прыгали к ней на колени и терлись о ноги, но она не обращала на них внимания.

После ужина они слушали экстренные предупреждения по радиоприемнику с наручным регулятором. Правительство наконец-то перешло на новое сообщение, которое повторяли до тошноты. Национальная гвардия совместно с Федеральным агентством по чрезвычайным ситуациям и Красным Крестом распределяла помощь и создавала убежища по всему восточному побережью.

Они по-прежнему не называли причину отключения электричества и не упоминали слово ЭМИ. В сообщении содержалась просьба сохранять спокойствие и порядок, а также заверения в том, что электричество будет восстановлено в течение нескольких недель.

— Чушь собачья, — заявила бабушка. — Они явно не знают, что за хрень случилась и как с этим справиться.

Майло рассмеялся на это.

Квинн не переставала видеть мертвое тело своей матери, падающее в снег, и не могла найти в себе силы что-либо сделать, не говоря уже о том, чтобы улыбнуться или рассмеяться.

Ноа забрал Майло после шести. Когда они наконец остались одни, бабушка добавила в

дровяную печь несколько охапок дров, чтобы поддерживать в ней жар, а затем устроилась за кухонным столом. Она прислонила свою трость к ближайшему шкафу и положила голову на свои покрытые венами и старческими пятнами руки.

— Она мертва? — спросила бабушка без предисловий.

Квинн кивнула.

Они сидели в маленькой, теплой кухне, и пламя уютно потрескивало позади них. «Моссберг 500» стоял возле кухонного шкафа рядом с бабушкиной тростью. 22-й калибр Квинн лежал на столе на раскрытой газете, ожидая, когда его почистят и смажут.

Валькирия и Локи поссорились — скорее всего, Локи, как обычно, донимал Валькирию — и гонялись друг за другом по спинке дивана в гостиной и вокруг мягкого кресла. Один мяукал, требуя еще еды, хотя он уже вылизал свою миску.

Тор забрался к бабушке на колени и устроился там, чтобы вздремнуть, а Хель забралась на верхушку холодильника, взирала на всех оттуда, покачивая пушистым хвостом.

Завывал холодный ветер. Он скрипел ставнями и раскачивал несколько шатающихся черепиц на крыше. За окнами кухни царила абсолютная тьма.

Квинн не плакала. Она давно поклялась, что никогда не будет плакать из-за своей матери. Она не собиралась нарушать эту клятву и сейчас.

Однако это не заглушало яростной боли в ее груди. И боль, пульсировавшую во всем теле, как живое существо.

Какой бы дрянной ни была Октавия, она все равно оставалась матерью Квинн. А теперь ее нет. Теперь у Квинн вообще нет матери, ни плохой, никакой-либо другой.

Она чувствовала оцепенение. И пустоту. Пустота тяготила ее, словно место, отведенное ее матери, приобрело вес и форму, железный комок горя, обиды и потери.

Через несколько минут бабушка мрачно вздохнула.

— Иногда ты можешь любить человека, и это все равно что отправлять всю эту любовь в черную дыру. Это не значит, что твоя любовь недостаточно хороша. Это не значит, что ты сама недостаточно хороша. Ты слышишь меня, девочка?

У Квинн сжалось горло. Ей удалось кивнуть.

— У каждого человека на этой планете есть свободная воля. Бог дал нам эту свободу воли. Это и дар, и проклятие. Каждый из нас принимает свои собственные решения. И как только мы достигаем определенного возраста, мы несем ответственность за эти решения.

— Иногда не имеет значения, как сильно их любили и как правильно воспитывали. Решения, которые принимает человек, порой бывают эгоистичными и злыми до глубины души. Люди решают причинить боль другим людям. Иногда на это есть причина, а иногда нет.

Квинн моргнула, сдерживая внезапную влагу в глазах.

— Ты должна помнить, что вина лежит на человеке, который сделал этот выбор и предпринял эти действия. Октавия делала то, что хотела, и ты тут ни при чем. Ты ничего не могла сделать, чтобы она стала другой. Чтобы заставить ее полюбить тебя. Поверь мне, девочка, я пыталась.

На памяти Квинн бабушка никогда не говорила так много об Октавии. Бабушка держала свои чувства по этому поводу при себе. Как и многое другое.

Бабушка тоже была матерью. Она дала Октавии всю любовь, которую могла дать, а Октавия отвергла ее, как отвергла свою дочь Квинн.

Квинн протянула руку и накрыла хрупкую бабушкину руку своей.

— Как ты себя чувствуешь?

— При чем здесь чувства? — ворчливо сказала бабушка. Она не отдернула руку.

— Октавия твоя... была... твоей дочерью.

Бабушка слегка покачала головой. Ее глаза блестели.

— Я давно оплакала Октавию.

— Ты продолжала любить ее? Даже когда она не любила тебя в ответ?

Бабушка накрыла руку Квинн своей. Ее голос звучал хрипло, как гравий.

— Каждую чертову секунду каждого чертова дня.

Квинн моргнула и тяжело сглотнула. Бабушка все еще находила в сердце силы любить свою дочь, даже когда та этого не заслуживала. И была последним человеком, который этого заслуживал.

Может быть, и Квинн могла чувствовать то же самое. Обида и гнев, любовь и тоска, все это переплелось вместе, бок о бок.

Может быть, не нужно разбираться во всем этом. Это просто было.

Бабушка прочистила горло.

— Это твой дом, ты знаешь.

Квинн посмотрела на бабушку.

Ее лицо оставалось таким же суровым, торжественным и свирепым, как всегда. Ее живые голубые глаза повлажнели и наполнились тяжестью, как в ту ночь, когда умер дедушка.

— Твое место здесь. Со мной.

Квинн проглотила комок в горле.

— Я не собиралась больше никуда уезжать.

Бабушка осторожно поставила Одина на пол и поднялась на ноги. Она взяла свою трость, стоящую у шкафа вместе с ружьем, которое перекинула через плечо.

— Ну, хорошо. Значит, все решено.

— Хорошо, — пробормотала Квинн.

— Тебе нужно готовиться ко сну. Завтра длинный день. — Когда бабушка проходила мимо нее, она замешкалась и сжала плечо Квинн с удивительной силой. — Любовь не всегда оказывается засосанной в черную дыру. Иногда она все же остается. И приносит пользу.

Эмоции бушевали в груди Квинн. Если бы она попыталась заговорить, то начала бы рыдать, как глупый ребенок. Она не могла ничего сделать, кроме как кивнуть.

Бабушка одарила ее понимающей улыбкой и, шаркая, вышла из кухни, направляясь в свою спальню. Квинн осталась сидеть на кухне.

В ее голове промелькнуло воспоминание. Квинн было около пяти лет, и она не могла уснуть, а Октавия склонилась над ней посреди ночи, пьяная, раскрасневшаяся и красивая, глаза блестели так ярко, когда она смеялась. «Я так скучала по тебе, малышка. Мне просто необходимо было сказать тебе, увидеть твое милое личико. Я просто не смогу заснуть, не увидев тебя. Я люблю тебя до умопомрачения, малышка. Ты знаешь это?» Чертова дурацкая луна.

Квинн не шевелилась. Поленья потрескивали и трещали. Ветер вздыхал и стонал.

Она долго смотрела на языки огня, танцующие за стеклом в дверце дровяной печи. Пока ее зрение не затуманилось от слез.

Глава 32

Ханна

Волна боли охватила живот Ханны. Она резко вдохнула, каждый мускул ее тела напрягся. В пояснице и животе возникла яростная судорога, такая же знакомая и первобытная, как сама жизнь.

Она ждала, пытаясь дышать размеренно, но ничего не получалось. Схватки становились все чаще. Она боролась с ними каждый раз, но чувствовала, что слабеет, чувствовала, как боль и истощение высасывают последние силы.

Дело даже не в самих схватках, как будто этого недостаточно.

Раскаленная боль, какой она никогда не испытывала, пульсировала в висках, в основании шеи. Интенсивное давление постоянно давило на ее череп. Руки и ноги покалывало как иголками, они онемели и стали холодными, несмотря на обогреватель.

У нее началась преэклампсия. Она знала, что это так. Знала, что может произойти дальше — судороги, кома, смерть. Эта штука внутри не просто паразит, высасывающий из нее жизнь. Это бомба замедленного действия, которая вот-вот взорвется.

Она должна вытащить это.

По обе стороны проносились черные сплетенные деревья. Их фары освещали занесенные снегом дороги.

Джип занесло и закрутило в глубоком снегу. Лиам зарычал, пытаясь восстановить управление. Он сгорбился над рулем, полный решимости. Видимость составляла двадцать или может тридцать футов. С каждой минутой она становилась все хуже.

Сердце Ханны колотилось в груди. Она ненавидела свою беспомощность больше, чем когда-либо. У нее мало полезных навыков, если они вообще есть. Она даже не могла вести машину с этими ужасными судорогами, с ее деформированной рукой.

Она чувствовала себя бесполезной, грузом, удерживающим Лиам, не позволяющим ему выпустить на волю свою крутость. Подвергая их всех опасности.

Ханна стиснула зубы. Она твердо решила сделать все, что в ее силах, чтобы выстоять. Она сделает все возможное, чтобы помочь.

Ханна неловко держала карту на коленях. Они миновали озеро Поу-Поу на западе и муниципальный аэропорт на востоке. В метель его совсем не видно, только указатель. Отсюда по шоссе 140 они должны проехать двадцать пять миль на юг до Фолл-Крик. Они были так близко. Так близко, но все равно казалось, что это тысяча миль.

Несмотря на боль, ей удалось найти нужную дорогу, и она давала Лиаму указания, пока он вел их в море абсолютной темноты.

Лес закончился, и она почувствовала открытое пространство по обе стороны. Ханна представила себе фермерские дома, фермерские рынки и небольшие предприятия, разбросанные где-то за пределами снежной тьмы. Они не видели ничего, кроме того, что лежало прямо перед ними.

И Пайк, всегда в зеркале заднего вида. Только тусклое красное пятно, почти скрытое бурей белых кружащихся хлопьев. Почти, но не совсем.

Он следовал за ними. Непрерывно. Неумолимо. Безжалостно

Ханна чувствовала его, чувствовала его зловещее присутствие. Он преследовал ее в темноте, кружил вокруг них, как акула кружит вокруг своей добычи, неуклонно приближаясь, подбираясь все ближе и ближе, пока не почувствует, что готов нанести удар.

— Там! — Она указала вперед. Маленький зеленый дорожный знак слева от них гласил

«Робертс-роуд». Метель разыгралась так сильно, что Ханна даже не смогла прочитать надпись, пока они не оказались в нескольких футах от нее.

Лиам затормозил, едва не перевернувшись, проехал по широкой дуге, разбрасывая снег, и снес дорожный знак при повороте. Они продолжили движение.

— Это должно быть впереди в двух милях. — Ханна посмотрела в зеркало со стороны пассажира. Считала в уме, следила за появлением красных фар. — Пайк повернул вместе с нами. Он кажется еще ближе.

— Не спускай с него глаз.

Она кивнула, хотя Лиам смотрел только на дорогу.

Во время очередной схватки она задыхалась, стиснув зубы и напрягая мышцы. Казалось, это длилось вечность, прежде чем боль отпустила ее. Ханна опустила на сиденье, измученная и обессиленная.

Снег кружился в свете фар, падая на стекло. Миллионы и миллионы хлопьев. Как бы быстро дворники не сметали их, они не переставали падать.

Кабина наполнилась щелканьем и скрипом щеток, тиканьем печки, громким пыхтением Призрака.

— Полмили, — сообщила она.

Лиам надавил на тормоз, но медленно, рывками. Джип занесло боком на снегу. Лиам выправил машину, и они остановились — почти лицом вперед, но с небольшим перекосом. Лиам выключил двигатель. Фары погасли. Обогреватель затих.

Как будто у них заглох двигатель. Или шина лопнула. Или закончился бензин.

Это был просчитанный риск. Пайк мог не клюнуть на наживку. Он мог просто сидеть и ждать, пока холод проникнет в кабину, и дать им замерзнуть.

Ханна сомневалась в этом. Та же гипотермия представляла опасность и для него.

Кроме того, это не его путь. Он любил убивать лично.

Они сидели с колотящимися сердцами, едва осмеливаясь дышать, и оба смотрели в зеркала заднего вида. Красные огни были едва видны. Достаточно близко, чтобы они могли видеть его, а он — их, но достаточно далеко, чтобы сделать точный выстрел.

Рука Лиамы оставалась на ключах в замке зажигания. Его «Глок» находился под правым бедром для удобства доступа. AR-15 лежала на сиденье рядом с ее ногами и рюкзаком.

— Возьми свой пистолет, — сказал он. — Будь готова.

Ханна позволила карте соскользнуть с колен. Вытащила «Ругер» из кармана и сняла с предохранителя. Сжав большую руку в неловкий кулак, она уперлась прикладом оружия так, как показывал ей Лиам.

Ее руки дрожали. Страх сжимал ее, оседлав каждую волну боли. Она считала бесчисленные снежинки, каждый взмах дворника, пытаясь сдержать умопомрачительную панику.

Она не даст страху взять над ней верх. Она не позволит ему победить.

Ханна оглянулась на Призрака. Он поднял голову и зарычал, его хвост был жестким, а загревок поднят. Он знал о присутствии опасности, чувствовал их тревогу. Даже едва оправившись после ранения, Призрак оставался настороже, готовый защищать свою семью.

— Хороший мальчик, — прошептала Ханна. — Хороший мальчик.

Она повернулась назад, не отрывая взгляда от бокового зеркала.

Красные фары наблюдали за ними.

Шли минуты. Снегоход не двигался.

В кабине становилось все холоднее. Морозный воздух находил щели в дверях и окнах и проникал внутрь.

Схватки шли волнами, становясь все сильнее. Голова пульсировала так, будто кто-то вбил в виски железный прут. Зрение затуманилось, по краям появилась темнота, когда она, не мигая, смотрела в зеркало заднего вида.

Оба красных огонька, застыли неподвижно.

Глава 33

Ханна

День одиннадцатый

— Я рискну. — Лиам посмотрел на нее долгим взглядом. — Ты готова?

Ханна едва могла выдержать интенсивность его взгляда. Выражение его лица было каменным, рот сжат в твердую линию. Все его тело напряглось, как у пантеры, готовящейся к нападению.

Ханна не могла его подвести. Она не могла ошибиться.

Она крепче сжала пистолет.

— Ты можешь мне доверять.

Лиам отрывисто кивнул. Он отстегнул ремень безопасности, опустил стекло, затем наклонился к ней и опустил стекло с пассажирской стороны. Снег посыпался в кабину. Ветер рвался внутрь, протягивая к ней ледяные пальцы.

Он пересел так, что его спина прижалась к рулю. Высунул ствол за окно. Лиам прицелился и выпустил две короткие очереди по три патрона.

Какофонический грохот выстрелов разнесся по маленькой кабине. Ханне хотелось зажать уши ладонями, но она не могла выпустить из рук «Ругер».

Красные огни, казалось, двигались. Белые пятна за ее веками смешались с клубящимся снегом. Она моргнула, чтобы прояснить зрение.

Фары становились все больше и больше. Тупой рев двигателя пробивался сквозь ветер.

— Он приближается! — закричала она.

— Я вижу.

Красные огни двигались в их сторону. Ближе, ближе.

Лиам снова выстрелил.

Пайк свернул вправо, к пассажирской стороне, скрывшись из поля зрения Лиама.

— Поехали! Поехали! — закричала Ханна.

Лиам крутанулся на своем сиденье, винтовка опустилась на бедра, когда он нащупал ключи и включил зажигание. Он нажал на педаль газа, и джип с рычанием рванул вперед.

Пайк уже подъезжал к грузовику с заднего фланга со стороны Ханны. Красный свет заливал кабину. Призрак яростно лаял. Он был на ногах, скользил по кузову.

— Стреляй! — закричал Лиам.

Ханна едва слышала его из-за звона в ушах. Началась схватка. Мучительная боль залила ее зрение красным цветом. Она изо всех сил уперлась в сиденье и дверь, чтобы поднять «Ругер».

Ветер и снег хлестали по кабине, струились через окна ей в лицо. Снежинки скапливались на ресницах, врезались в щеки, в нос, в открытый рот, когда она втягивала ртом обжигающий воздух.

Нервный страх разрывал ее, тянул вниз. Чернота нависла над краями ее зрения. За

окном — только снег и бесконечная тьма. Сам дьявол прямо по пятам.

— Используй свой пистолет, Ханна!

Таков был план. Именно это ей предстояло сделать.

Снегоход двигался рядом с пассажирской стороной джипа. Ехал параллельно, на расстоянии не более пяти футов от нее.

Силуэт Пайка выделялся на фоне красного сияния фар, темная тень перегнулась через руль машины, голова в шлеме повернута к ней, одна рука на ручке, другая держит пистолет.

Он не направлял на нее пистолет. Он не стал бы стрелять в нее. Не так.

Ханна не испытывала подобных проблем.

Вот оно. Ее шанс что-то сделать. Заставить его считаться.

Ветер ворвался в распахнутое окно. Она неуклюже возилась с пистолетом. Ее руки покалывало от мучительного онемения.

У нее не хватало времени, чтобы прицелиться или правильно дышать. Она едва понимала, что делает, кроме как сцепить руки, прицелиться и выстрелить.

Она нажала на спусковой крючок. Пистолет дико взвизгнул в ее руках, раздался оглушительный выстрел.

Снегоход дернулся и вильнул. Пайк не вздрогнул, не отреагировал. Ханна промахнулась.

Она направила пистолет. Выстрелила снова.

Снегоход замедлился и резко повернул вправо, а затем снова покатился назад.

Она нажала на спусковой крючок. Выстрелила в него в третий раз.

Снова промазала. Попадание в Пайка не было целью. Отвлечь его, заставить сосредоточиться на ней — вот главная задача. И это сработало как нельзя лучше.

Ханна выстрелила. В четвертый раз.

Пайк пригнулся, выпрямился, выстрелил в ответ. Бум! Не в нее, а в джип. Второй выстрел последовал за первым, затем еще один. Бум! Бум!

Джип занесло. Ханна почувствовала, что ее отбросило назад. Она ударилась о сиденье, ее шею скрутило от боли. Пульсация в голове становилась все мучительнее.

Почти приехали. Они почти у цели.

Еще один выстрел расколол воздух. Она низко пригнулась. Ремень безопасности заскрежетал о ее живот. Следующая схватка пронеслась по всему телу, такая сильная, что перехватило дыхание.

Лиам выругался, выкручивая руль, отчаянно пытаясь вернуть контроль над джипом. Запах бензина заполнил ее ноздри. Ханна задыхалась, ее чуть не стошнило.

Она снова приподнялась, заставляя себя выстрелить еще раз, чтобы сделать свою работу и отвлечь Пайка, сколько потребуется. Она щурилась от снега и ветра, от белых пятен, пляшущих перед глазами.

Снегоход с ревом пронесся рядом с ними. Пайк повернул голову в их сторону, поднимая пистолет.

Они достигли моста.

Глава 34

Ханна

День одиннадцатый

Казалось, что все движется в замедленной съемке. Джип и снегоход ревели бок о бок. Впереди — участок дороги и река, высокие крутые берега, обрывающиеся к реке с обеих

сторон.

Перед самым въездом на мост Лиам крутанул руль, свернул вправо и сильно ударился о снегоход.

От удара джип резко вильнул и зацепил снегоход Пайка. Удар пронзил позвоночник Ханны и отозвался в ее черепе.

Пайк не ожидал этого, он все еще держал одну руку на руле, а другую — на оружии. Он настолько сосредоточился на том, чтобы уклониться от выстрелов Ханны и одновременно попытаться пробить шины джипа, что не заметил ни реки, ни крутой насыпи, несущейся к нему.

Снегоход Пайка вышел из-под контроля. Передние лыжи машины ударились о снежный вал, покрывавший короткое ограждение прямо перед мостом, и отломились.

Инерция снегохода перевернула его на бок и сбросила с обрыва в реку Поу-Поу.

Ханне показалось будто она раскололась на части. Время остановилось. Она почувствовала, как джип следует за снегоходом через край, так быстро, легко и плавно, словно санки по снегу.

Ханна вцепилась в свое сиденье, когда джип опрокинулся и полетел вниз, вниз, вниз. Черная сверкающая река несется ей навстречу. В лобовом стекле не отражалось ничего, кроме черной ледяной пустоты, огромной, темной и широкой, как вселенная, поглощающей ее целиком. Свободное падение, ее желудок в горле, сердце слишком ошарашено, чтобы биться. Ни повернуть вспять, ни позвать на помощь, ни изменить непреложную физику мира.

Сначала ударяется переднее крыло, затем капот сминается, как банка газировки, остальная часть джипа на полной скорости врывается в лед, дрожащая, бьющая по костям сила удара, резкая остановка.

Может быть, они на мгновение застынут на месте, балансируя на краю, в то время как сила удара отразится от ледяной плиты, паутиной трещин, расходящихся, ширящихся по льду. Может быть, они посмотрят друг на друга и возьмутся за руки в эти последние ужасные секунды, два последних человека во вселенной. Ханна и Лиам. Лиам и Ханна.

А потом раздался сильный стон, когда поверхность провалилась под ними, и это казалось ужасно — погружение в черное холодное ничто, которое проглотит ее и никогда не выплюнет обратно. Она исчезнет, исчезнет, засосанная в бесконечную ледяную тьму...

— Ханна!

Она задыхалась, всхлипывала, цеплялась ногтями за холодное черное ничто, и она не тонула, не была мертва, даже не находилась в воде.

Лиам потряс ее за плечи.

— Ханна! Очнись!

Его голос доносился издали, тусклый и глухой под звоном высоких частот в ее ушах. Ханна моргнула. Он медленно приближался. Мрачное, суровое лицо. Эти серо-голубые глаза.

Единственный свет исходил от фонарика Лиама, лежащего на центральной консоли. Она не помнила, откуда он взялся.

В джипе стало тихо и спокойно. Ни урчания двигателя, ни печки, ни фар. На лобовом стекле лежал снег. Хлопья вихрем влетали в кабину через боковые окна. Они собирались на ее руках, животе, волосах. Было холодно. Так холодно.

— Что... что случилось?

— Мы сделали это. Он вылетел через ограждение. В воду.

— Мы не перевернулись.

Он улыбнулся ей. Улыбка вышла приятной, полностью преобразив жесткие черты его лица.

— Близко. Но нет, не перевернулись.

Все ее тело покалывало. Ей казалось, что голова вот-вот расколется. Она устала. Так устала.

Лиам снова потряс ее.

— Не делай этого. Не вздумай потерять сознание. Пайк расстрелял джип. Он зацепил двигатель, бензобак. Машина мертва. Мы должны выбраться из этой метели, или мы умрем здесь.

— Я не хочу умирать, — пробормотала она.

— Я тоже.

Призрак протиснулся между сиденьями, положил свои большие лапы на консоль и отпихнул Лиаму с дороги.

Лиам поднял руки и откинулся назад.

— Эй, парень!

Хвост Призрака бил по сиденьям, когда он прижимался к лицу Ханны и обеспокоенно подвывал. Его горячее, вонючее собачье дыхание заполнило ее ноздри, но согрело замерзшие щеки. Она прильнула к нему, обвила руками его шею и уткнулась лицом в широкую пушистую грудь.

— Ты уверен, что он провалился? — пробормотала она в шерсть Призрака.

— Я проверил. Там огромная дыра во льду. «Ски-Ду» провалился прямо в нее. Этот засранец ушел вместе с ним.

— Хорошо. — Это еще не казалось реальным. Ей было слишком холодно, она слишком ошеломлена, ей очень больно. Это станет реальностью потом. — Хорошо.

Лиам наклонился к ее ногам, взял свой рюкзак и положил его на колени. Он извлек магазин из AR-15, засунул его в боковое отделение рюкзака, достал свежий и вставил его. Пристегнул винтовку к перевязи.

Ханна все еще сжимала рукоятку пистолета так сильно, что пальцы затекли и онемели. Она протянула его ему.

— Вот.

Он покачал головой.

— Он твой. Ты справилась. Ты в точности выполнила то, что от тебя требовалось.

Ханна засунула пистолет в карман куртки. Она могла бы покраснеть, если бы ее не тошнило.

Она толчком открыла пассажирскую дверь и вылезла наружу. Призрак пробрался по передним сиденьям и выпрыгнул за ней. Она похлопала по карманам куртки, убедилась, что нож и пистолет при ней.

Ветер хлестал ее, трепал одежду, шарф, волосы, намереваясь сбить с ног. Снег бил ей в лицо и глаза. Ханна закрыла лицо руками, жалея, что нет очков для защиты от снега. Схватка сотрясла ее. Она чуть не упала от боли.

Она находилась в двадцати милях от дома. Но в эту метель это не имело значения. Важно лишь найти убежище.

Ее охватило сильное желание. Инстинкт. Что-то глубинное и первобытное, как у

матерого волка, ищущего логово — ей нужно найти теплое и безопасное место, чтобы укрыться, лечь и делать то, что заставляло ее тело. У нее не было власти над этим, не оставалось выбора.

Призрак прижался к ее бедру, встав рядом с ней. Ханна зарылась здоровой рукой в его загривок. Он не давал ей свалиться.

Лиам подошел к джипу, его рюкзак был закинут на плечи, в руке он держал фонарик. Он протянул ей отрезок паракорда и наклонился поближе, чтобы она могла слышать его сквозь ветер.

— Обвяжи веревку вокруг руки. Мы должны оставаться рядом, иначе потеряем друг друга.

Она тупо кивнула. Схватка накрыла ее, и она обмякла, едва не упав. Лиам встал с противоположной от Призрака стороны и обнял ее за плечи. С благодарностью Ханна прислонилась к нему.

Они двинулись в путь. Каждый шаг давался ей с трудом, снег тянул вниз. Она шла вперед, опустив голову, стиснув зубы, заставляя себя ставить одну ногу впереди другой, заставляя себя идти дальше.

Ханна не могла сражаться, не могла стрелять, не могла делать почти ничего. Но она знала, как выстоять. Она знала, как продолжать идти вперед, продолжать жить даже перед лицом непреодолимых трудностей.

Это тоже что-то значит.

Глава 35

Ханна

День одиннадцатый

Лишь фигура Лиама тенью маячила рядом с Ханной. Луч фонарика едва проникал дальше трех-четырёх футов.

Все исчезло в клубах белого снега. За пределами этого круга могло быть что угодно. Город с небоскребами. Арктический океан. Конец света.

Холод превращался в хищника, живое существо, злобное и беспощадное.

Ее ресницы запорошило снегом так, что она едва могла открыть глаза. Ее лицо и уши горели. Она крепче вцепилась в мех Призрака, онемевшими пальцами.

Ее ноги тоже занемели. От преэклампсии или от холода, Ханна не знала.

Боль как хищный зверь грызла ее внутренности. Демон, пришелец. Паразит. Оно убьет ее, чтобы выбраться наружу.

Может быть, Пайк в конце концов получит свою месть.

Лиам резко остановился. Она оступилась, споткнувшись о толстый слой снега. Он крепче обхватил ее за талию, поддерживая, а затем указал на предмет высотой по грудь перед ними.

Ханна уставилась на него, на секунду не понимая, что это такое.

«Почтовый ящик», — прошептал ее затуманенный разум. Почтовый ящик означал дом. Четыре стены и крыша, чтобы укрыть их от бури. Кровать с матрасом. Может быть, даже старая добрая бабушка, которая сварит ей суп, натопит теплую ванну и обернет кучу одеял вокруг ее дрожащих плеч.

— Почти пришли, — крикнул он ей в ухо. Лиам повернулся и зашагал по плотному снегу в сторону дома. Она шаркала рядом с ним, стараясь не отставать.

Сильная судорога пронзила все ее тело, горячая и пульсирующая. Голова гудела, мысли кружились в голове. Становилось все труднее и труднее думать ясно, заставляя себя сосредоточиться.

Призрак лаял, мчась впереди них. Показывая дорогу. Из клубящейся тьмы вынырнула огромная громадина. Они добрались до дома. Крыльцо. Заснеженные кресла — качалки.

Лиам помог ей подняться по ступенькам и стукнул кулаком в дверь.

— Эй! — крикнул он. Ветер подхватил его голос и унес в темноту.

Из дома не доносилось ни звука. Ни свечи, ни фонари не светились в окнах. Похоже, никого нет дома. Может быть, они так и не вернулись. А может, перебрались в приют.

— Попробуем с черного хода, — крикнул Лиам.

Когда они с Лиамом обогнули дом и нашли заднюю раздвижную стеклянную дверь, Ханна дрожала так сильно, что едва могла идти. Лиам использовал декоративный камень, который нашел под снегом, чтобы разбить стекло.

Он соскреб зазубренные осколки с рамы кирпичом, пробрался внутрь и отпер дверь. С трудом открыл ее. Курганы снега рассыпались по плитке. Наконец, они оказались внутри.

Лиам провел лучом фонарика по внутреннему пространству. Они находились на кухне — круглый деревянный стол, покрытый кружевной скатертью, приземистые белые шкафы, пожелтевший линолеумный пол. На столе стояла розовая керамическая банка из-под печенья. Старая и несовременная, но чистая.

В доме слабо пахло химическими чистящими средствами. Не было вони гниющей еды или неиспользованных мусорных баков. Тот, кто здесь жил, должно быть, уехал куда-то на рождественские каникулы и не вернулся.

Призрак стоял в центре кухни и отряхивал свой мокрый мех, разбрасывая снежные капли повсюду, в том числе и на Лиаму.

Лиам посмотрел на пса.

— Серьезно? Прямо рядом со мной?

Призрак посмотрел на них и наклонил голову, на его морде появилось слишком довольное выражение.

— Даже у собак есть чувство юмора, — пробормотала Ханна.

Лиам покачал головой в знак протеста. Он пристроил фонарик под свой «Глок» и взял их двумя руками.

— Я собираюсь осмотреть дом, на всякий случай. Оставайся здесь.

Призрак последовал за Лиамом через арку в гостиную, вероятно, желая стряхнуть на него побольше снега. Ханна опустила на ближайший кухонный стул. Она оперлась локтями на стол и опустила голову на руки.

Она ждала, с ужасом ожидая следующего приступа мучений. Дальше будет только хуже.

Через несколько минут Лиам вернулся, в его руках лежала охапка дров.

— Нашел это под брезентом в гараже. Здесь давно никого не было. Никто еще не разграбил это место. Только не открывай холодильник.

Спустя считанные минуты Лиам развел в камине огонь. Теплый, мерцающий свет наполнил уютную гостиную. Она вдыхала успокаивающий запах древесного дыма и углей, тепло медленно согревало ее замерзшую кожу.

Лиам притащил два матраса из спальни наверху — комнаты маленьких девочек, судя по фиолетовым простыням с изображением принцессы и розово-телесным простыням с изображением единорога. Он положил их перед камином, отодвинув журнальный столик,

заваленный журналами «*National Geographic*», и придвинув клетчатый диван к дальней стене.

Он снова поднялся наверх и вернулся с несколькими свечами, которые зажег и поставил на камин, на книжный шкаф в другом конце комнаты и на кухонный стол. В следующий раз Лиам поднялся наверх и вернулся с охапкой одеял и подушек, наваленных выше его головы. Он бросил их на матрасы.

Призрак удовлетворенно твякнул и бросился на ближайший матрас. Он крутанулся на нем, как кошка, и плюхнулся прямо в центр кучи одеял.

Лиам хмыкнул.

— Думает, что он король замка.

— Так и есть.

Лиам нахмурил брови.

— Значит, ты собираешься отдать свой матрас? Я точно нет.

Она с болью вздохнула.

— По моему мнению, этот пес может спать где хочет.

— Справедливо.

Лиам помог ей добраться до матраса. Она с благодарностью опустилась рядом с Призраком. Пес прополз вперед на брюхе, прислонился к ее боку и положил голову на лапы.

Лиам опустился на колени рядом с ней. Он жестом указал на ее одежду, покрытую снежной коркой.

— Могу я тебе помочь?

Она кивнула сквозь новый приступ боли.

Он снял с нее шапку, перчатки, шарф и куртку. Расшнуровал ботинки и снял их один за другим. Затем стянул с нее слой влажных шерстяных носков и накинул одеяло с изображением «*My Little Pony*».

Благодарность переполняла Ханну.

— Лиам...

— Просто отдыхай. — Лиам встал. — Я собираюсь использовать немного фанеры из гаража, чтобы заблокировать раздвижную стеклянную дверь. Потом наберу воды из водонагревателя и обыщу шкафы в поисках ужина.

Призрак поднял голову, наострив уши.

— Да, и для тебя тоже. — Лиам направился на кухню.

Схватка, охватившая ее, прошла хуже, чем все предыдущие. За веками мелькали белые пятна, голова раскалывалась. Она застонала.

Лиам напрягся. Он медленно повернулся, ужас исказил его черты.

Ханна вздохнула, стиснув зубы, и заставила себя встретить его взгляд.

— Он идет. Ребенок выходит.

Глава 36

Пайк

День одиннадцатый

Пайк не чувствовал страха, только ошеломленное удивление, когда джип врезался в него, а снегоход пошел в дикий занос. Он врезался в ограждение, ударившись о него с такой силой, что снегоход перевернулся и перевалился через край.

Пайка выбросило из снегохода, руки сорвались, ноги потеряли опору. Он падал,

кувыркаясь через край, пролетев двадцать пять футов до льда под мостом.

Он тяжело приземлился на правый бок. Бело-горячая боль взорвалась в плече, бедре, ребрах. Он ударился головой о лед с сильным стуком. За веками закружились белые звезды.

Осторожно, аккуратно он пошевелился. Сначала левой рукой, потом правой. Кисти, запястья, локти. Нога, лодыжка, колено. Левая, затем правая. Покрутил плечами.

Все его тело болело. Он был весь в синяках и ссадинах, но, похоже, ничего не сломано. Левое предплечье горело — искалеченная плоть от укуса собаки снова разошлась.

Пайк стиснул зубы и перекатился в сидячее положение, вытянув ноги перед собой. Затылок тупо пульсировал. Голова болела просто убийственно.

Снег шел густым и тяжелым вихрем. Ледяные хлопья жалили его лицо. Ветер трепал и дергал куртку, угрожая сорвать шарф. Голова оказалась непокрытой. Шлем он потерял при падении. И свою «Беретту». Он больше не держал ее в руке.

Пайк моргнул, смахнул снег с глаз.

Дальний берег реки лежал в тридцати футах перед ним — крутой, но не такой крутой, как ближний, где он свалился. Тонких темных стволов деревьев, торчащих вдоль склона, вполне хватило бы, чтобы подтянуться.

Мост возвышался над ним, темный и внушительный, внизу извивалась замерзшая, продуваемая всеми ветрами река. Каким-то образом он скатился под него.

«Я все еще вижу», — вяло подумал он. Как он мог видеть так ясно?

При падении Пайк ушибся сильнее, чем думал вначале. Он потряс головой, чтобы прочистить мозги. Помня о льде, он медленно повернулся и посмотрел прямо за собой.

Менее чем в пяти футах от него изо льда торчал снегоход. Он приземлился задней частью вперед. Сдвоенные фары светили вверх, освещая снег жутким красным светом.

Послышался треск и хруст, когда отверстие во льду вокруг «Ски-Ду» расширилось. Глубокие трещины расползались от снегохода. Небольшие лавины снега обрушились в расширяющиеся трещины, сползая в черную воду с легкими звуками «пффф, пффф».

Он слышал их, даже сквозь стоны ветра и скрип веток. Слышал каждый хруст и треск, когда замерзшая плита льда раскалывалась.

Его сердце забилося быстрее, во рту пересохло.

С громким стоном снегоход сдвинулся с места и начал скользить. На мгновение он приподнялся, как будто покачиваясь на течении, а затем рухнул на бок, красные фары безумно замелькали, а затем засветили Пайку прямо в глаза, ослепив его.

Инстинктивно он поднял руку, чтобы закрыть лицо.

Плоскость льда сдвигалась, трещала и хрустела, когда река проглотила снегоход одним жадным глотком.

Пайк замер, желая, чтобы все закончилось, чтобы река насытилась.

Однако этого не произошло.

Река походила на него — вечно неудовлетворенная, вечно голодная, вечно жаждущая большего.

Адреналин забурлил в его венах. Неподвижность не помогла бы ему сейчас. Он крутанулся и на руках и коленях бросился к дальнему берегу, к безопасности.

Огромная трещина пронеслась под ним. Затем еще одна и еще. Поверхность разверзлась, и он проскользнул в пролом. Темная вода сомкнулась над его головой.

От шокирующего холода у него едва не остановилось сердце. Пайк дико дергался, толкал себя вверх, прорываясь на поверхность. Его легкие сжались, и на мгновение он не

смог втянуть воздух.

Брызгая слюной и кашляя, он вцепился в ближайшую плиту. Течение тащило его за ноги, угрожая затянуть под лед и унести прочь.

Он держался, поднимая ноги в воде и понемногу выбираясь на лед, хватаясь за опоры, царапая пальцами в перчатках, понемногу вытаскивая себя.

Пайк оставался сосредоточенным, но не боялся. Река его не возьмет. Холод не возьмет его. Он сам управлял судьбой, сам ломал все под своей железной рукой.

Это был вызов, испытание его воли. Как любой охотник, он любил сложные задачи.

Это лишь разъярило его.

Ярость подстегивала Пайка, когда он передвигался по льду, полз, раскинув ноги и руки, снег попадал ему в лицо, в глаза, в рот.

Его мысли сузились до одного желания — Ханна. Солдат. Собака. Что он сделает с ними. Как он заставит их смотреть. Сначала он убьет собаку. Потом Ханну. Потом солдата. Или, может быть, солдата вторым. Ханна и ребенок, которого она носила — его ребенок — будут последними.

Он полз, как червь, продвигаясь вперед на животе. Лед стонал и дрожал под ним, но не поддавался.

Наконец, Пайк достиг твердой земли на берегу реки. Тогда он поднялся на ноги.

Его била неконтролируемая дрожь, тело болело, мысли текли медленно и тягуче. Его промокшая одежда уже стала хрупкой и примерзала к коже. Гипотермия наступит через несколько минут.

Он потянулся к ремню винтовки. Его не было. Пайк выругался сквозь стиснутые зубы. Он потерял свой винчестер в воде и даже не заметил этого. Но сейчас он слишком замерз, чтобы беспокоиться об этом.

Он достал маленький фонарик из кармана на молнии в куртке, пальцы дрожали так сильно, что он чуть не выронил его. Зажал его между зубами, чтобы руки оставались свободными, и стал подтягиваться по насыпи, используя ветки, корни деревьев и все, за что мог ухватиться.

На вершине насыпи деревья поредели и, как он надеялся, превратились во двор. Люди любили дома с видом на реку. Почему это место должно быть другим?

Свет фонаря позволял ему видеть только несколько футов перед собой. Пошатываясь, Пайк пробирался сквозь снег и темноту. Ступая шаг за шагом.

Он не умрет сегодня. Коль скоро только хорошие люди умирают молодыми, то ему суждено жить вечно. Его невозможно остановить. Ему нет равных.

Он беспощаден, как сама вьюга.

Глава 37

Квинн

День двенадцатый

Локи в очередной раз махнул хвостом перед лицом Квинн. Она отталкивала его, но он все равно возвращался за добавкой.

— Тьфу! Локи!

— Локи все устраивает, — сказала бабушка и ласково погладила его. Он замурчал и потерся головой о ее руку. — Правда, мальчик?

Квинн, Майло и бабушка сидели за кухонным столом и строили солнечную печь из

алюминиевой фольги, картонных коробок, клейкой ленты, куска оргстекла и нескольких других материалов. Бабушка объяснила, что с ее помощью можно разогревать еду и дезинфицировать воду даже зимой, пока есть солнце.

Квинн фыркнула.

— В Мичигане шансов мало.

Огонь в дровяной печи потрескивал и весело горел. Вкусный, дрожжевой аромат домашнего хлеба наполнял кухню.

Бабушкин «Моссберг-500» стоял прислоненный к шкафу рядом с ее тростью. Заряженная винтовка Квинн 22-го калибра и коробка патронов лежали на серванте позади нее, в пределах досягаемости.

Хель, заносчивая правительница преступного мира, следила за своими владениями со своего излюбленного места на верхушке холодильника. Как она туда забралась, Квинн понятия не имела.

Тор обвился вокруг ног Майло, его хвост торчал прямо в воздухе, и он мяукал, чтобы его погладили. Один и Валькирия спали, свернувшись калачиком на ковре перед дровяной печью.

Локи, озорной, непослушный табби, все время прыгал на стол. Квинн отгоняла его. Через три минуты он снова возвращался, терся о стенки картонной коробки, чуть не сбивая лампу, или тыкал хвостом в нос Квинн.

— Он такой надоедливый, — проворчала Квинн.

— А, по-моему, он классный, — отозвался Майло.

— Конечно, ты так думаешь.

— Вы, наверное, очень любите кошек, — обратился Майло к бабушке. — Правда многовато кошачьего туалета для уборки.

— Расскажи мне об этом. — Квинн закатила глаза. — Называй ее кошачьей повелительницей апокалипсиса.

— Заметь, не я это сказала, — проговорила бабушка.

— А что будет с кошками, если нам придется уходить?

Бабушка жестом показала на себя и свою трость и горестно улыбнулась Квинн.

— Куда? И как? Кроме того, мои детки никуда не денутся. Думаешь, мы сможем перегнать этих сумасшедших кошачьих до самой Флориды?

— Если кто и сможет, так это ты.

Бабушка фыркнула.

Квинн пожала плечами.

— Ну, в любом случае, если дело дойдет до этого, мы всегда сможем съесть кошек.

Бабушка взмахнула тростью и шлепнула Квинн по заднице, прежде чем та успела отпрыгнуть в сторону.

— Скорее, я сначала съем кое-какого нахального человека.

Глаза Майло расширились, его голова металась туда-сюда, пока он следил за обменом репликами.

— Не волнуйся, — сказала Квинн. — Бабуля редко ест гостей. Ты в безопасности. Возможно.

Бабушка подмигнула Майло.

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Он улыбнулся.

— Я знаю, вы шутите.

— Не стоит быть таким уверенным, — отчеканила бабушка.

Один проснулся после сна у дровяной печи, зевнул и рысью подошел к столу. Он запрыгнул на колени бабушки с ленивым ворчанием. Повернулся по кругу, разминая лапами ее бедра, и свернулся в пушистый клубок.

Бабушка сделала паузу в работе, чтобы почесать его за ушами. Через несколько секунд он снова спал. Один был самым толстым и ленивым котом на планете. Он только и делал, что ел, гадил и переходил из одного сна в другой.

Квинн закатила глаза.

— Кошки бесполезны в условиях апокалипсиса. Мы должны завести собаку.

Бабушка погладила спящего Одина по голове.

— Скажи это еще раз, и ты будешь спать в гараже.

Квинн улыбнулась. Это было почти по-настоящему.

— Держу пари, пахнуть там будет лучше.

После разговора с Бишопом и с бабушкой она начала чувствовать себя немного лучше. Но все еще было больно. Она все еще страдала от шрамов, и ее преследовали кошмары. Но она уже не чувствовала себя такой одинокой.

Бабушка прищелкнула языком.

— Что же мне с тобой делать?

— Что ты будешь делать без меня, звучит точнее.

Майло положил алюминиевую фольгу на стол, наклонился и посадил Тора к себе на колени.

— Я думаю, Квинн довольно крутая.

Квинн почувствовала, что улыбается, вопреки всему.

— Видишь? Он думает, что я классная.

Бабушка закатила глаза.

— Кстати, о том, какая ты классная... Я хочу, чтобы ты проверила соседей вместо меня.

— Значит, у тебя есть сердце.

— Пожалуйста. Даже у Гринча есть сердце. Я проверяю их по утрам, как ты прекрасно знаешь. Но меня беспокоит бедро, так что ты можешь сделать это сегодня. Вот зачем Бог дал старикам внуков.

— Я не верю в бога.

— К счастью, Бог верит в тебя, иначе ты бы не существовала. А теперь иди. — Она указала жестом на несколько продуктовых пакетов, сложенных у входной двери. — В каждом пакете несколько коробок макарон с сыром и банки печеных бобов. И я наполнила две пластиковые двухлитровые бутылки фильтрованной и дезинфицированной водой для каждого дома. Это не так много, но это уже кое-что.

Квинн уставилась на нее, положив руки на бедра.

— Ты все еще раздаешь еду?

Бабушка бросила на нее острый взгляд.

— Мой пастор считает меня ангелом милосердия, облаченным в свет. Я стараюсь поддерживать эту репутацию.

Квинн фыркнула.

— А разве дьявол не маскируется под ангела света?

— Подойди ближе, чтобы я вымыла этот болтливый рот с мылом, девочка.

Квинн протанцевала в недосягаемости.

— Ни за что.

Майло хихикнул. Бабушка потянулась и притворилась, что ущипнула его за щеку. Ее улыбка была искренней.

Сердце Квинн сжалось. Они еще очень далеки от того, чтобы прийти в норму, но уже начали долгий, медленный процесс собирания осколков.

Бывали моменты, когда Квинн заставляла бабушку неподвижно уставившейся в окно, с мокрыми глазами. А иногда она просто останавливалась посреди дела, которым занималась, и ее взгляд становился отрешенным. Она застывала в таком состоянии несколько минут, затем встряхивалась, бормотала себе под нос и возвращалась к работе.

Квинн прочистила горло и подавила внезапный всплеск эмоций.

— Так в чем же истинная причина того, что мы идем от двери к двери? Я знаю, что это не просто доброта твоего сердца.

Выражение лица бабушки стало серьезным.

— Мы не можем делать все сами. Очень скоро нам придется работать вместе. Для заготовки дров, для сбора и приготовления пищи, для охоты, для обеспечения безопасности. Несколько человек не могут делать все. Нам нужны наши соседи. Нам нужна община.

Квинн вздохнула.

— Полагаю, ты права.

— Я всегда права. Я планировала собрать соседский дозор, чтобы все могли присматривать за этой улицей. Но все начинается с доверия и доброй воли.

— А что, если они придут и просто попытаются украсть ваши вещи теперь, когда они знают, что у вас все еще есть еда и припасы? — спросил Майло.

— Хороший вопрос, Мелкий.

Бабушка кивнула.

— Мы должны позаботиться о тех, кому повезло меньше, если можем, но мы сделаем это осторожно, анонимно, если это возможно, и мы также должны убедиться, что у нас есть достаточно для нашей собственной семьи. Это тонкий баланс. Вот почему ты будешь говорить одну и ту же фразу в каждом доме. Это последнее, что у нас есть. У всего истек срок годности, поэтому мы решили поделиться этим и проверить всех и убедиться, что с ними все в порядке. — Она сузила глаза на Майло. — Ты понял?

Майло сморщил нос.

— Разве это не ложь?

— Это значит поступать умно, — объяснила бабушка. — Точка. Конец истории.

— Хорошо. — Майло закончил гладить Тора и опустил его на пол. Кот обхватил его ноги и жалобно мяукнул, требуя добавки.

— Скажи им, чтобы собирались у меня дома сегодня в семь, и я подам последний домашний хлеб с маслом. Это поможет привлечь их сюда.

Квинн и Майло надели зимнее снаряжение и взяли пакеты с припасами. Квинн отодвинула в сторону одеяло, которым они завесили дверной проем, чтобы сохранить тепло. Окна уже были закрыты алюминиевой фольгой, чтобы отразить все тепло обратно в дом.

Она сняла одеяло, прижатое к нижней части задней двери, и тщательно удалила клейкую ленту, которую они с Майло наклеили на раму.

Коты кружили вокруг ботинок, принюхиваясь и мяукая от нетерпения, радуясь возможности выйти на улицу и поохотиться на птиц и мышей. Валькирия пронеслась между

их ногами в виде гладкой черной полосы. В отличие от других кошек, она, похоже, любила снег. На фоне белого поля она напоминала миниатюрную пантеру, преследующую свою добычу.

В бабушкином районе стояло много старых одно- и двухэтажных домов, расположенных на нескольких акрах лесистых участков. Квинн уложила вещи на старые санки, которые бабушка хранила с тех пор, как Квинн была маленькой. Майло сидел впереди, держась за борта и ухмыляясь, как маленький ребенок.

Он и был маленьким ребенком. Он должен был им быть. Но он оказался чертовски тяжелым.

Она тащила санки по глубокому снегу к следующему дому, ворча от усилий и скрипя зубами.

— В следующий раз ты потянешь меня, Мелкий. Не такой уж ты и маленький, в конце концов.

Светило солнце. Небо в кои-то веки синело. Бабушка сказала, что надвигается очередная метель. Квинн не знала, откуда она это знает. Бабушка сказала, что это какое-то древнее искусство фермеров — уметь читать по небу.

Даже несмотря на солнце, воздух все еще оставался холодным. Ее руки напряглись, когда она ухватилась за веревку и потянула сани за собой. Всего через несколько минут ее ноги стали похожи на глыбы льда.

Первые два дома пустовали. На входных дверях краской нарисовали большие красные крестики. Несколько окон разбиты. Следы шин и утопанный снег на лужайке перед домом говорили о том, что эти дома уже разграбили.

Один дом принадлежал молодой паре с ребенком. Бабушка сказала, что они навещают родителей жены в Орландо. Возможно, они все еще там. По крайней мере, во Флориде тепло, и люди не мерзли.

Второй дом принадлежал уважаемому бухгалтеру лет пятидесяти, которого Квинн редко видела на улице, разве что, когда он забирал почту из почтового ящика. Один из подростков с соседней улицы стриг его газон летом и чистил лопатой подъездную дорожку зимой. Бабушка говорила, что он общается с дедушкой, но больше не с кем. Никто не знал, где он, но его явно в доме нет.

Третий дом принадлежал Клири, паре средних лет с выводком детей, которые постоянно кричали, бегали и катались на велосипедах по бабушкиной лужайке летом.

Квинн не очень-то их жаловала, но приказ есть приказ.

Она подошла к входной двери, бросила веревку от санок, схватила один из пакетов и стукнула кулаком по дереву.

— Может, их тоже нет дома, — сказал Майло с саней.

— Они дома. — Через дверь доносились крики и вопли мальчиков. Она подождала несколько нетерпеливых секунд и снова постучала.

Было слишком холодно, чтобы ждать вечно. Она уже собиралась повернуться и уйти, когда дверь приоткрылась.

В щель просунулся какой-то предмет и нацелился ей в лицо — дробовик.

Глава 38

Квинн

День двенадцатый

— Что тебе нужно? — Миссис Клири посмотрела на Квинн через ствол дробовика. — Уходи.

Сердце Квинн подпрыгнуло. Она вскинула руки.

— Ух ты! Расслабьтесь, леди. Это всего лишь я. Внучка Молли с соседнего двора.

— Мы не подаем. Так что просто убирайся отсюда, пока я не сделала то, о чем мы обе пожалеем.

Ствол дробовика дрожал. Руки миссис Клири дрожали. Ее глаза покраснели и налились кровью.

Она была невысокой, грузной белой женщиной с вьющимися светлыми волосами, прилипшими к ее потрескавшимся, покрасневшим щекам. На ней было несколько штанов. Под ее застегнутым пальто виднелась пара толстовок.

Позади нее Квинн увидела кучу детей, которые в куртках и шапках сгрудились на диване и смотрели на нее широкими, зачарованными взглядами. Их как минимум четверо — все мальчики, в возрасте до десяти лет.

Квинн встряхнула пакет. Банки звякнули друг о друга.

— Вы все неправильно поняли. Это мы принесли еду. Бабушка попросила меня проверить, как у вас дела.

Миссис Клири сделала шаг назад. Медленно она опустила ружье, но держала его в руках, все еще настороженно.

— Еду?

— Макароны с сыром. Фасоль. Думаю, есть консервированный суп для детей. Мы с бабушкой не очень любим макароны с сыром из коробки. — На самом деле, Квинн любила, но она не хотела, чтобы леди чувствовала себя плохо.

Майло выскочил рядом с ней.

— Это последнее, что у нас есть.

Соседка не покраснела и не извинилась. Она поставила ружье к стене у входной двери и жестом пригласила Квинн войти.

— Никогда нельзя быть слишком осторожным. Уже нет. К нам уже дважды пытались вломиться. Несколько ночей назад кто-то влез в наш сарай и забрал остатки дров. Теперь ничего нет.

Квинн топнула ботинками и шагнула в холодный дом, Майло шел за ней по пятам.

— Вот это отстой.

Несколько мальчишек на диване захихикали.

Миссис Клири бросила на них взгляд.

— Проходите и присаживайтесь. У меня осталось немного лимонада, который я грела на последних дровах. Я уверена, что мальчики с удовольствием повидаются с Майло.

Майло робко подошел к мальчикам. Один из них подпрыгивал на диване. Другой листал комикс. Двое из мальчиков, те, что помладше, выглядели поникшими и вялыми.

Их большие глаза на маленьких лицах следили за каждым движением Квинн. Вернее, за едой в ее руках.

— Я голоден!

— Мы можем поесть сейчас?

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

— Только дайте мне сначала ее приготовить, — сказала миссис Клири.

Квинн передала пакет миссис Клири, которая сразу же направилась на кухню. Она

достала из ящика консервный нож и открыла три банки консервированного супа. Она вылила содержимое в кастрюлю, затем достала другую кастрюлю и наполнила ее водой из кувшина, стоявшего на столе.

Она открыла обе коробки с макаронами, достала пакеты с сыром и запихнула в рот горсть твердой лапши. Закрыла глаза.

— У нас нет ни молока, ни масла. Но и так сойдет. Можно добавить немного воды. Это съедобно. Мальчики съедят.

— Может, стоит немного растянуть еду, — предложила Квинн. — Чтобы хватило надолго.

Миссис Клирли сделала вид, что не услышала ее. Она вернулась в гостиную и поставила обе кастрюли на импровизированную проволочную решетку, которую она установила над камином для приготовления пищи. Пламя плясало и шипело.

Огонь излучал единственное тепло во всем доме. В воздухе пахло сыростью и затхлостью. Мальчики выглядели так, будто не мылись с того дня, как отключили электричество, и пахли так же.

— Скажешь мне, как только закипит, — проинструктировала миссис Клири старшего мальчика, который в это время показывал Майло свой комикс. Она убрала кофейник и вернулась на кухню. Она дрожала. — В доме чертовски холодно. Я едва чувствую свои пальцы, даже в перчатках.

— Вам следует перенести все в гостиную и отгородить комнату одеялами, чтобы сохранить тепло, — посоветовала Квинн.

Плечи миссис Клири опустились.

— Попробуй скажи это моим буйным мальчишкам. Хотя двое младших... Я думаю, они чем-то заболели. Надеюсь, это просто простуда. Когда дрова кончились, думаю, это уже не имеет значения.

— Как насчет приюта?

Миссис Клири вздрогнула.

— Наверное, придется. Но вы видели его? Это место, где надежда умирает. Я делаю все возможное, чтобы мы туда не попали. Даже с раздачей еды в кладовой и новым распределительным центром в средней школе, этого недостаточно. А теперь, когда нет дров...

— Вы можете сжигать мебель. — Квинн указала на тяжелое деревянное зеркало, висевшее над диваном, и большой секретарский стол, стоявший в углу. — Сжигайте все, что у вас есть.

Миссис Клири достала из буфета шесть чистых кружек и налила горячий лимонад в каждую из них, наполнив наполовину. Она раздала их мальчикам и вручила одну Квинн, не взяв себе ни одной.

— Мы купили это зеркало в Гатлинбурге во время медового месяца, — тихо сказала она. — Мой муж Джим — финансовый консультант в банке «Чейз». Они пригласили его в Калифорнию для консультации по деловому соглашению. Он должен был вернуться домой двадцать третьего числа. Но из-за льда на крыльях самолета рейс отменили. Вместо этого Джим полетел в канун Рождества. Он находился в воздухе, когда это случилось.

Она беспомощно и сердито помахала рукой в воздухе, как будто «это» могло охватить все ужасные события, произошедшие за последние две недели.

— Я постоянно говорю детям, что он скоро вернется домой, но правда в том, что не

знаю, вернется ли он вообще.

Квинн не знала, что сказать. У нее болела душа за эту семью. За всех страдающих людей в Фолл-Крике, в Мичигане, во всей этой проклятой стране.

Миллионы людей. Ее разум не мог осознать масштаб происходящего.

— Вот почему я не хочу идти в одно из этих временных убежищ агентства. Как он нас найдет? — Она устало покачала головой. — Мы не можем уйти. Мы должны быть здесь. На всякий случай.

Квинн сглотнула.

— Бабушка хотела, чтобы я попросила вас помочь ей организовать соседский дозор. Чтобы следить за всем и помогать друг другу.

— Хорошая идея. Я так устала, пытаюсь следить за порядком сама. — Женщина откинула грязные волосы с лица и вздохнула. — Я просто так устала.

Квинн передала горячий лимонад обратно миссис Клири, не сделав ни глотка.

— Вам это нужно больше, чем мне.

Та не стала спорить. Она взяла кружку с благодарностью, с голодом. Несмотря на то, что от жидкости все еще шел пар, она проглотила ее несколькими быстрыми глотками. Как будто за несколько дней она съела недостаточно калорий. Вероятно, так и есть, она берегла все для своих мальчиков.

Через десять минут Квинн и Майло снова вернулись на улицу, ковыляя от дома к дому. Несколько человек уже покинули дома, либо оставшись в средней школе, либо воспользовавшись предложением Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям отвезти их в региональное убежище.

По крайней мере, полдюжины людей остались, борясь со стихией и голодом, чтобы продержаться как можно дольше. Это сельский город, с сельскими, независимыми людьми.

Они не хотели отдавать свои дома, свои жизни и свою свободу в государственный приют, набитый кучей напуганных, голодных, больных и вонючих людей.

Квинн точно не хотела.

Одна бесстрашная пара в возрасте пятидесяти лет — мистер и миссис Ланслоу — умела охотиться и вчера поймала оленя. Они отказались от еды, которую им предложили Квинн и Майло, сказав, чтобы они приберегли ее для тех, кому она действительно нужна.

Вместо этого Ланслоу дали им вяленого оленя и согласились на встречу с соседями. Две другие семьи, однополая пара и одинокая женщина лет сорока также согласились.

Квинн удивило, что она не знает всех на этой улице. И что все — даже незнакомцы — были добры и отзывчивы. Это все из-за того, что она так мало общалась.

Может быть, бабушкина фраза «работать сообща» оказалась не такой уж убогой, как ей показалось на первый взгляд.

Квинн едва чувствовала пальцы на руках и ногах, когда они добрались до участка прямо перед домом Майло. Она тащила санки за собой, пробираясь через двор светло-желтого колониального дома.

Здесь жили Бернштейны. Она помнила их по публичным похоронам. Жена, рухнувшая на колени, этот высокий, пронзительный вопль горя. Звук, от которого сердце разрывается на части.

— Нам не нужно проверять наш дом! — Майло проговорил сквозь стучащие зубы. — Мы знаем, что он пуст.

— Да, но это последний дом, и мы возвращаемся. Мы не будем морозить наши задницы,

даже ради бабушки.

Она оставила санки у подножия ступенек и схватила один из последних пластиковых пакетов. Поднялась на крыльцо, снег хрустел под ее ботинками, и постучала в дверь. Ответа не последовало.

Никто не нарисовал крестик на двери. Окна были не разбиты, занавески задернуты. Она видела их на похоронах три дня назад. Они должны быть дома.

Она постучала снова.

— Эй! Есть кто-нибудь? У нас еда для вас!

По-прежнему ничего.

Квинн оглянулась на Майло. Он смотрел на нее, широко раскрыв глаза.

Она оглянулась на дом. Все так же тихо и безмолвно. Из трубы не валил дым.

В душе у нее шевельнулось беспокойство.

Глава 39

Квинн

День двенадцатый

— Может, нам просто оставить пакет у двери? — предложил Майло. — На случай, когда они вернутся?

Квинн нахмурилась.

— Кто-нибудь его украдет.

На темно-синей двери висел рождественский венок. Рождественские гирлянды тянулись вдоль перил крыльца и обвивали белые столбы по обе его стороны. Справа от двери в горшке стояло четырехфутовое вечнозеленое дерево, припорошенное снегом.

Квинн пнула снег у своих ног, обнажив входной коврик. Нагнулась и проверила, что под ним. Ничего. Она отодвинула горшок и пощупала планки крыльца. Пальцами в перчатках нащупала ключ.

— Что ты делаешь? — спросил Майло.

— Самое правильное, — Квинн понятия не имела, так ли это. Она могла открыть дверь и получить пулю из ружья, как в случае с миссис Клири. Но она так не думала.

Что-то в этом месте казалось странным.

Потребовалось три попытки, чтобы попасть ключом в замок. Дверь открылась. Снег посыпался на деревянный пол прихожей.

Внутри оказалось темно. Темно и тихо.

Она обернулась к Майло.

— У тебя все еще есть тот маленький фонарик, который дал тебе папа?

Он достал его из кармана и протянул ей.

— Жди здесь.

— Я не боюсь. Я хочу пойти с тобой!

— Дело не в страхе. Мне нужен помощник. Если что-то случится, беги к бабушке, понял?

Он недовольно прикусил нижнюю губу, но кивнул.

Квинн вошла в дом. Она осмотрела дом с помощью маленького фонарика. Глубокие тени окутывали обычные домашние вещи — набитые кресла, диваны и книжные шкафы в гостиной, тумбы, книжные шкафы и комоды.

Темная рождественская елка покосилась в углу, осыпаясь хвоей.

Никаких звуков жизни.

Но запах есть. Она принюхалась. Такой слабый, что Квинн могла его себе придумать. Она не могла определить, но он казался чертовски неприятным.

Ее сердцебиение участилось. Она переложила фонарик в левую руку, сунула правую руку в карман куртки и взялась за рукоятку рогатки. Жаль, что у нее нет ножа или пистолета. Ей следовало носить свой 22й калибр с собой везде, куда бы она ни пошла, а не только в бабушкином доме.

Может быть, это пустяк. Может быть, Бернштейны переехали в школьный приют, а она просто не знала об этом. Может быть, полиция еще не отметила дом как незанятый. Или они стояли в очереди в продовольственной кладовой или распределительном центре, часами ожидая несколько банок бобов.

Так много вариантов. Ни один из них не объяснял это чувство тревоги. Тесноту в груди или волоски, поднимающиеся на затылке.

Квинн могла развернуться и уйти прямо сейчас. Но она этого не сделала.

В доме стоял холод. Ее дыхание клубилось перед ней белыми облаками. Ее мокрые ботинки хлюпали по прихожей. Деревянная лестница маячила прямо перед ней.

Она заглянула наверх и не увидела ничего, кроме темноты. Не слышала ничего, кроме своего бьющегося сердца и неглубокого дыхания.

Медленно делая каждый шаг, она прислушивалась к скрипу ступеней, напрягаясь, чтобы уловить любой посторонний звук в грохоте пульса.

Квинн поднялась на самый верх лестницы. Тусклый свет проникал через окно в противоположном конце длинного коридора. Она осторожно двинулась к дверям, которые, по ее предположению, вели в спальни.

Открыла первую дверь. Кабинет — большой белый современный стол из Икеи, белые книжные шкафы, картины с океанами и пляжами на стенах.

Ее страх нарастал. Она чувствовала себя в ловушке. Клаустрофобия затянулась вокруг нее, как сеть. Квинн хотелось бежать. Сбежать поскорее.

Но от чего?

В этом месте ничего нет. Ничего, кроме тишины, теней и холодного, скрипучего дома.

Такая нерешительность разозлила ее. Квинн злилась на себя, на все вокруг. Она боролась с собственным страхом. Она не собиралась превращаться в маленькую испуганную церковную мышку, прыгающую от любого звука. Черт возьми, нет.

Квинн пошла дальше. За следующей дверью оказалась ванная комната — кремовые стены, бордовые полосатые полотенца, закрытая занавеска для душа. Дверь слева вела в спальню для гостей — двуспальная кровать аккуратно застелена, тумбочки не захламлены, пыль вытерта.

Еще одна спальня через холл. Спальня хозяев. Дверь закрыта.

Она стояла перед закрытой дверью спальни, колеблясь. Ее сердце билось о ребра. Во рту так пересохло, что Квинн едва могла сглотнуть.

Семя страха проросло в ее внутренностях. Она с силой оттолкнула его. Это глупо. Все это просто глупо.

Она должна оставить это жуткое место позади. Повернуться и спуститься вниз, к Майло, санкам и слабому солнечному свету, пробивающемуся сквозь облака. Бежать в бабушкин уютный, теплый, безопасный дом.

Церковь промелькнула в ее сознании без предупреждения. Пробираясь по холодным

темным коридорам, она сжимала в своей руке маленькую ладошку Майло, пульс гулко стучал в голове, слепая паника бешено трепетала в груди.

Квинн закрыла глаза, открыла их. Она больше не там. Сейчас она здесь, в соседском доме.

Монстры мертвы.

«Придут новые монстры». Она не была наивной или глупой. Возможно, они уже здесь. Но она не будет их бояться. Не позволит этому страху управлять собой.

Квинн взяла себя в руки, направила фонарь в пол и протянула руку. Повернула ручку и распахнула дверь внутрь.

Запах обрушился на нее как физическая сила. Вонь сделалась такой сильной, что она почувствовала ее на вкус. Металлическая и острая. Как ржавчина. Или медь.

Под ней более плотный запах — что-то испорченное.

В спальне было темно. Квинн не могла разглядеть никаких деталей. На окнах задернуты тяжелые портьеры. Она подождала, давая глазам привыкнуть к темноте.

Подняла фонарик и медленно осмотрела комнату.

Комод у каждой стены. Дверцы шкафов, еще одна дверь, ведущая в ванную комнату — обе открыты. Ковровое покрытие на полу чистое и аккуратное. Две тумбочки с бесполезными лампами у кровати королевского размера, покрытой бежевым пледом.

На кровати под одеялом две фигуры.

Квинн резко и внезапно вдохнула, едва не задохнувшись от резкого запаха.

Волна головокружения обрушилась на нее. Она ухватилась за дверную ручку. Заставила себя сделать еще один шаг в комнату, потом еще.

Квинн подошла к кровати. Какая-то часть ее души кричала, чтобы она убиралась, уходила, бежала, закрыла глаза и притворилась, что не видела того, что транслировал ее мозг.

Она должна это сделать. Ради них и ради себя, она должна увидеть.

Миссис Бернштейн лежала, свернувшись калачиком на боку, подложив руку под голову. Ее муж обхватил ее. Заботливо, с любовью.

Пистолет в его слабой правой руке. Кровь, такая темная в тени, что казалась маслянисто-черной, свернулась под его головой. Бутылка воды и два пузырька с таблетками по рецепту на тумбочке миссис Бернштейн — оба пустые.

Рот Квинн наполнился медвяным привкусом, как ржавые пенни. Зловоние грозило захлестнуть ее чувства. Холод в доме замедлил разложение тел, но не остановил его полностью.

Квинн попятилась назад, прикрывая рот рукой.

Они решили сделать это вместе? Или она ушла первой, а ее расстроенный муж решил последовать за ней в смерть?

Квинн понимала их горе. Всепоглощающую потерю. Даже бремя вины выжившего. Она понимала их страх. Голод и отчаяние. Холодное, жестокое будущее, которое ждало их всех.

Но сдаться? Сдаться?

Этого Квинн понять не могла. Не имело значения, насколько все тяжело, насколько непреодолимы трудности. Она никогда бы не сдалась. Ни ради себя. Ни ради людей, которых она любила каждым яростным ударом своего сердца.

Никогда.

Звук открывающейся двери вывел ее из шока.

— Квинн! — крикнул Майло снизу, в его голосе звучала тревога. — Идем скорее!

Глава 40

Квинн

День двенадцатый

— Что, черт возьми, происходит? — Квинн помчалась к бабушкиному дому, Майло прыгал в санках позади нее.

Три старых грузовика и четыре устаревших снегохода с прицепами припарковались перед бабушкиным домом. Квинн настолько заиклилась на своей находке, что не услышала, как они подъехали.

Дюжина мужчин и несколько женщин, одетых в серую камуфляжную форму под куртками и вооруженных полуавтоматическими винтовками, теснились свободным кольцом вокруг бабушкиного крыльца. Ополченцы.

Бабушка стояла в открытом дверном проеме, одетая в джинсы и одну из старых дедушкиных красно-черных клетчатых рубашек, ее подбородок вызывающе выпирал. Тор и Один свернулись вокруг ее лодыжек. Она сжимала в руках ружье «Моссберг-500», хотя и направленное вниз.

Ополченцы уступили дорогу, когда Квинн прорвалась сквозь строй. Она не оставила им выбора. Майло бросился за ней. Она повернулась лицом к ним у подножия ступеней, дрожа от адреналина, все еще потрясенная двойным самоубийством.

Она помнила их всех. Их лица запечатлелись в ее памяти. Тех двоих, которые тащили ее собственную мать по улицам Фолл-Крика. Тех, кто выстроился у ступеней здания суда и стоял на страже.

Маттиаса Саттера здесь не было. Лидера. Того, кто нажал на курок.

Белый мужчина лет двадцати пяти вышел вперед. Он был стройным, но все равно сильным и грубым, с обветренными чертами лица. Несмотря на молодость, его лицо имело угрюмый, задумчивый, утомленный вид. Как будто он устал от всего этого и просто хотел вернуться домой.

На нем была серая форма с нашивкой «Лютер» на правой стороне груди и нашивкой «Милиции США» на левой. Пистолет висел в кобуре на бедре, тактический нож в ножнах на противоположной стороне. АК-18 подвешен на двухточечной перевязи.

Если их вычурная демонстрация оружия и мощи призвана запугать, она не сработала. Они ее не напугали. Квинн расправила плечи и посмотрела на него.

— Меня зовут Джеймс Лютер. — Боец проигнорировал Квинн и посмотрел прямо на бабушку. — Мы служим под началом Маттиаса Саттера, командира бригады добровольного ополчения юго-западного Мичигана. Миссис Дѳнг, мы здесь от имени суперинтенданта поселка Фолл-Крик.

— Что вы хотите? — прорычала Квинн.

На лице Лютера мелькнул намек на удивление.

Если они думали, что их встретят радушно, то ошиблись.

Кучка разномастных солдатиков, приехавших сюда как спасители Фолл-Крика? Нет. Это ей не нравилось. Им здесь не место.

Чем скорее они уйдут, тем лучше.

— Мы просим домовладельцев пожертвовать небольшой процент своих продуктов питания, воды и санитарных принадлежностей в общественный распределительный центр,

который мы создали в средней школе для тех семей, которые испытывают нужду.

— Бабушка уже достаточно пожертвовала, — возразила Квинн.

— Сколько? — спросила бабушка.

— Десять процентов.

— Это просьба?

— Если каждый будет жертвовать на нужды общества, то мы...

— Это просьба? Или добровольно?

Лютер помрачнел. Мужчины позади него неловко сдвинулись.

— А-а, ну...

— Мой ответ — нет, — отрезала бабушка. — Я решила жертвовать общине на своих условиях.

— Мне жаль, но нам придется настоять на своем.

Бабушка слегка нахмурилась.

— Значит, не просьба.

— Простите, мэм, но нет.

— По крайней мере, вежливый придурок, — буркнула Квинн. — Как будто это имеет какое-то значение.

Глаза Лютера сузились.

Перед Лютером стоял латиноамериканец лет сорока с подстриженной бородой. Он был как дуб, толстый и крепкий, с лицом, похожим на гранитную плиту.

— Я лейтенант Себастьян Десото, второй по званию. Уверяю вас, это делается для всеобщего блага.

Квинн закатила глаза.

— На каком основании? Я не вижу никаких официальных бумаг.

— Суперинтендант и правоохранительные органы Фолл-Крик направили нас. — Десото похлопал по карману брюк и достал сложенный лист бумаги. — У нас есть разрешение.

Квинн покачала головой. Она не могла представить, что шеф Бриггс согласится на это. Он был раздражительным стариком, который терпеть не мог, когда люди вмешивались в его дела. Ноа тоже.

— Вы можете подтереть этим листом свою задницу. Только на это он и годится.

Несколько соседей вышли на крыльцо в пальто или завернувшись в одеяла. Занавески на окнах раздвинулись. Никто ничего не говорил. Никто ничего не делал, даже те, кому она только что передала еду. Они просто смотрели, дрожа и с каменным лицом.

— Извините, но нам нужно осмотреть ваши кладовки и шкафы, — сказал Лютер.

— Черт возьми, нет! — заявила Квинн. — Вы не можете этого делать. Это частная территория. Это против закона!

— Считайте это налогом. — По жесткому, плоскому лицу Десото прошла тень. Его челюсть напряглась. Он терял терпение. — Все платят налоги. Таков закон. Мы приспособляемся к новому кризису, которого никто не предвидел. Вот и все. Теперь перестаньте драматизировать и дайте нам делать нашу чертову работу.

Квинн посмотрела на него, ярость кипела в ее жилах от его грубого замечания. Из-за всего этого, из-за всего произошедшего.

— Все в этом доме принадлежит моей бабушке, — негодовала Квинн. — Она купила, сэкономила и сделала все сама. Это ее. Вы не можете взять это себе.

Она сунула руку в карман и схватила свою рогатку. Не то чтобы она могла сделать с ней

что-то стоящее, не с дюжиной пистолетов против нее.

— Квинн, — резко сказала бабушка. — Побереги свои силы.

Десото скривил губы.

— Слушайся старших, девочка. Не заставляй нас делать то, о чем ты пожалеешь. Мы уполномочены применить силу, если потребуется.

Несколько мужчин поправили рукоятки своего оружия. Квинн с ужасом почувствовала, как сжалось ее нутро. У нее нет выбора. У бабушки тоже нет выбора. Оружие в руках у этих придурков.

У кого самые большие пушки, у того и власть. Как и раньше. Как в церкви.

То, что эти солдаты утверждали, что делают это для всеобщего блага, не означало, что это правда. Это не делало их хорошими парнями. Они могли просто украсть большую часть так называемого «налога» для себя. Некому будет привлечь их к ответственности.

— Я расскажу о тебе своему отцу! — воскликнул Майло. — Он офицер полиции!

Десото улыбнулся. У него были широкие белые зубы. Улыбка акулы.

— Вперед.

Майло прав. Ноа помог бы, но Ноа здесь нет. Квинн уставилась на них, но сделала шаг в сторону, оттаскивая Майло с дороги.

Ради бабушки. И ради Майло.

— Спасибо, — вежливо сказал Лютер.

Квинн сплюнула в снег.

— Засунь свою благодарность себе в задницу, жалкий мешок крысиного дерьма.

Глава 41

Квинн

День двенадцатый

Ополченцы прошли мимо Квинн и бабушки и вошли в дом. Двое остались снаружи охранять грузовики и снегоходы. Багажники грузовиков наполовину загружены товарами, которые они уже конфисковали у других законопослушных граждан.

Женщина-солдат взяла у бабушки ружье

— Только пока мы не уйдем, — сказала она почти извиняющимся тоном.

От того, что они вели себя вежливо, их поступок не стал менее неправильным

— Пойдем, Майло. — Квинн взяла Майло за руку, и они поднялись по ступенькам в бабушкин дом.

В гостиной и на кухне собралось слишком много людей.

Локи и Тор с шипением разбежались по спальням. Валькирия кружила вокруг чужаков, задрав хвост. Бесстрашная охотница, она выглядела так, словно хотела быть достаточно большой, чтобы наброситься на этих недоумков.

Квинн чувствовала то же самое. Ей хотелось кричать. Вытолкнуть этих солдатиков прямо за дверь.

Это место ее убежищем. Ее и бабушкино. Им здесь не рады.

Она ненавидела их всех.

Десото распахнул дверь бабушкиной кладовой. Он присвистнул, осматривая полные полки.

— Посмотри на это. Женщины и дети умирают от голода, а вы тут копите все, что у вас есть.

— Мы не копим! — возразила Квинн.

— Квинн. — Бабушка дернула ее за руку. — Помолчи.

Квинн сжала губы. Она беспомощно наблюдала, как несколько мужчин вносят ящики, чтобы украсть бабушкины припасы. Они наполнили ящики и отнесли их в грузовик.

Солдаты колебались. Десото приказал им наполнить еще. Мужчина и женщина вернулись с еще четырьмя ящиками. Они наполнили и их.

Майло указал на штабель ящиков.

— Это гораздо больше, чем десять процентов!

Квинн сложила руки на груди.

— Он прав.

Десото бросил на нее презрительный взгляд. Он смотрел на них так, словно они мусор на подошве его ботинок.

— Для барахольщиц есть исключения.

— Исключения? Что, черт возьми, это значит?

— Это значит, что вы обкрадываете общество. Держите вещи при себе во время большой нужды.

— Это полная чушь, и ты это знаешь!

Десото пожал плечами.

— Неважно, что ты думаешь.

— Ты вор!

Десото вихрем бросился на нее. Он оказался быстрее, чем она ожидала. Одним стремительным движением он навис над ней. Так близко, что она могла сосчитать каждую пору на его коже.

— Твой вздорный подростковый лепет действует только до поры до времени. У меня кончается терпение.

Квинн не струсила. Она отказалась трусить.

— Не трогай ее, — прошипела бабушка.

— Десото, нам ведь уже достаточно? — спросила женщина-солдат. Она стояла в дверном проеме между кухней и гостиной, с озабоченным выражением лица.

Это была мускулистая женщина лет двадцати с тусклыми каштановыми волосами и карими глазами. Она не слишком походила на солдата.

— Нам пора идти.

— Еще нет. — Десото не сводил глаз с Квинн. Он снова улыбнулся своей широкой улыбкой белой акулы. — Возьми еще.

— Бабушка умрет с голоду, если ты заберешь всю ее еду!

— Успокойся, — прорычал Десото. — Мы не заберем абсолютно все. Пока.

С верхушки холодильника Хель злобно зашипел. Белая шерсть на его спине встала дыбом. Его хвост дергался взад-вперед, а в глазах появился злобный блеск.

Десото взглянул на кота и сделал поспешный шаг назад.

— Эта тварь опасна?

Квинн посмотрел на него.

— Очень на это надеюсь.

— Знаешь, я тебя запомню. — Десото одарил ее еще одной хищной ухмылкой, а затем вышел на улицу, чтобы проследить за своими людьми. Хель шипел ему вслед.

Квинн стояла там, пылая. Она ненавидела Десото. Люто его возненавидела.

Один из солдат — его звали Лютер — положил свою руку на руку Квинн.

— Мисс? Вы в порядке?

Она развернулась и проговорила сквозь стиснутые зубы.

— Убери свои руки от меня!

Лютер сделал шаг назад и поднял обе ладони в успокаивающем жесте.

— Извини, извини.

— Да, но этого недостаточно. Почему бы тебе не сделать что-нибудь с этим «извини»?

Его взгляд виновато опустился на пол. Он ничего не сказал.

— Это плохо, и ты это знаешь. Это то, чем ты думал заниматься? Воровать у маленьких старушек?

— Верить или нет, но мы делаем это, чтобы помочь, — тихо сказал он.

Квинн фыркнула.

— Продолжай говорить себе это, пока спишь в своей мягкой теплой постели в новом доме с отоплением и электричеством. И чем это поможет?

— Твоей бабушке, должно быть, нелегко. И тебе. Мы можем подвезти ее до приюта в школе. Или, если она захочет, мы даже можем посадить ее на один из автобусов, отвозящих людей в региональные убежища агентства. Мы можем отвезти и тебя. Не волнуйся. Мы здесь, чтобы убедиться, что о ней хорошо позаботятся.

— Вы не имеете права делать выбор за нее или за кого-либо еще. — Квинн ткнула пальцем в сторону опустевшей кладовки. — Вы так же плохи, как банда головорезов. Эта никчемная бумажка ничего не значит! Это не меняет того, кто вы есть!

— Квинтесса! — Бабушка устремила подбородок на мужчин с оружием, в ее глазах мелькнуло предупреждение.

Несколько стоявших в гостиной солдатиков напряглись и поправили свои винтовки, их внимание обратилось к Квинн, выражения их лиц стали жестче.

Квинн прикусила губу, почувствовав вкус крови. Бабушка права. Она знала это. Она подошла к черте, перейдя которую, возможно, уже не сможет отступить.

— Мне жаль, что вы так считаете. Мне действительно жаль. — Лютер отвел взгляд и ушел.

Майло схватил ее руку и сжал ее. Она позволила ему. Она стояла рядом с бабушкой и Майло, кипя от ярости, пока эти придурки брали один за другим продукты из бабушкиной кладовой и шкафов.

Вся ее тяжелая работа, все ее тщательное планирование. Исчезли в одно мгновение.

Бабушка взяла Тора на руки и погладила его пушистую спинку. Ленивый кот, казалось, почувствовал, что что-то не так. Он уставился на липовых солдат немигающими желтыми глазами.

Бабушка ничего не сказала, когда они вышли, оставив на полу дорожку из грязи и снега от своих грязных ботинок.

— Вы что, и кладовку суперинтенданта тоже опустошили? — прокричала Квинн им в спину.

Лютер замешкался на ступеньках крыльца. Он вздрогнул.

Его все-таки мучила совесть. Ну и что? Это не помешало ни ему, никому-либо из них взять все, что они хотели. Не остановит и в следующий раз.

— Ага, — пробормотала Квинн. — Я так и думала.

Когда гул моторов грузовиков ополчения утих, Квинн вернулась на кухню и в ужасе

установилась на разгромленные полки кладовки.

— Они забрали половину! Половину! Почему мы их не остановили!

— Есть время бороться, а есть время ждать, — сказала бабушка. — Есть время говорить, а есть время держать язык за зубами. Тебе нужно усвоить, что есть что.

Квинн смахнула жгучие слезы. Ей хотелось кричать. Ей хотелось задушить что-нибудь или кого-нибудь. Она была в такой ярости, что бабушкины слова едва долетали до ее сознания. — Этот придурок Десото взял больше, чтобы насолить нам!

— Да, — согласилась бабушка, в ее голосе послышались нотки раздражения. — Да, именно так.

Квинн почувствовала, что сдувается. Чувство вины укололо ее.

— Из-за меня и моего большого рта.

— Возможно. — Бабушка вздохнула. — Но нет смысла плакать над пролитым молоком.

Что сделано, то сделано.

— Я попрошу папу арестовать его! — подхватил Майло. — Держу пари, он засадит их всех в тюрьму до конца жизни!

— Хотелось бы. — Квинн посмотрела на него сверху вниз. — Не волнуйся об этом, Мелкий. Мы с бабушкой гениальны, ты же знаешь. Мы что-нибудь придумаем. Ты голоден?

Майло покачал головой.

— У меня живот болит.

Ему необходимо отвлечься. Как и ей.

— Хочешь почитать? Я позволю тебе выбрать любую научно-фантастическую книгу. Даже Стивена Кинга.

Глаза Майло стали огромными.

— Даже «Противостояние»?

— Квинн... — предупреждая проговорила бабушка.

Квинн пожалала плечами.

— Что? Я пропущу все страшные и жестокие сцены.

Майло скривился.

— Это же самое интересное!

Глава 42

Квинн

День двенадцатый

Когда Квинн удалось освободиться от Майло и по меньшей мере дюжины глав «Противостояния», наступил поздний вечер. Майло заснул на середине главы, что на него не похоже. Он подпер бы веки зубочистками, если бы это помогло ему прочесть еще несколько страниц.

Он был эмоционально истощен. Они все вымотались.

— Ребята, вы голодны? — Бабушка сидела в кресле в углу, положив ноги на пуфик, делая редкий перерыв. Тор и Один устроились у нее на коленях. — Мы можем сделать несколько бутербродов с арахисовым маслом и желе. Я знаю, Майло это понравится.

— Что мы будем делать? — Квинн обеспокоенно теребила пирсинг в брови. — Теперь мы действительно в беде? Прости меня, бабушка. Я все испортила.

Бабушка покачала головой.

— Что сделано, то сделано.

— Я не хочу идти в этот дурацкий приют. Лучше застрелите меня.

— Дедушка всегда говорил, что может случиться что-то подобное. Поэтому мы были осторожны.

— Осторожны?

— Я должна тебе кое-что показать. — Бабушка стряхнула Тора и Одина со своих коленей, подобрала трость и зашаркала к двери в подвал на кухне. Она взяла с полки фонарик и протянула ей. — Спустись туда. Расскажи мне, что ты видишь.

— Я уже спускалась туда два дня назад, искала все эти старые палки для бассейна для твоих ведер для какашек.

— Не трогай мои ведра для какашек. — Бабушка усмехнулась. Морщины разбежались по ее лицу. — Посмотри еще раз.

Квинн закатила глаза, но послушалась. Она спустилась по лестнице, освещая лучом узкие деревянные ступени. Паутина прилипла к дереву и бетону. В подвале пахло сыростью, воздух был пыльным и затхлым.

Подвал занимал почти столько же места, сколько и дом, имея низкий потолок и холодные бетонные полы. Пятна от воды украшали голые бетонные стены. В одном углу стояла печь, в другом — стопки картонных коробок и ящиков с вещами, от которых бабушка и дедушка никогда не избавлялись: одежда, рамки для фотографий, вещи для походов, охоты и рыбалки.

Она покрутилась по кругу и вздохнула.

— Я ни черта не вижу, бабушка!

— За вязальными принадлежностями! — воскликнула бабушка с усмешкой в голосе. Она слишком наслаждалась этим. — И следи за своим языком!

За штабелем корзин высотой до груди скрывалась лишь темная тень. Квинн подошла к ней. Она протянула руку. На стене висела черная войлочная ткань. В тусклом освещении она выглядела как ничто, просто тень.

— Присядь на корточки. Это у твоих ног, — подсказала бабушка.

Квинн присела на корточки, ощупала основание стены за войлочной занавеской. Ее пальцы коснулись чего-то холодного и металлического. Защелка. Она открыла ее.

Это фальшь стена. За стеной находилось еще десять футов низкого потолка подземного погреба. Квинн заглянула.

Она провела лучом фонарика по рядам и рядам полок. Каждая полка была забита до отказа запасами для выживания. Справа от нее хранились продукты, слева — батарейки, фонарики, свечи, лампы, налобные фонарики, вода в бутылках и отбеливатель.

— Бабушка! Что это за хрень?

— Хмпф. — Бабушкины сапоги и трость топали по лестнице. — На что это похоже, девочка?

Возможно, впервые в жизни Квинн потеряла дар речи.

— Мы откладывали кое-что тут и там.

— И как долго? Несколько десятилетий?

— Довольно много. — Бабушка отцепила от стены фонарь на батарейках и включила его. Она указала на одну из полок. — Цельная пшеница, соль, мед и сухое обезжиренное молоко. Фантастическая четверка. Питательные, хорошо хранятся и вечны. Ну, примерно так. Сухое молоко мне приходится менять каждые пару лет, но остальные три продукта служат гораздо дольше.

Собранные бабушкой продукты хранились в непрозрачных, защищенных от влаги и воздуха белых ведрах для пищевых продуктов. Сухое молоко она хранила в стеклянных банках из белого крашеного стекла с поглотителями влаги и кислорода.

У бабушки также имелись растительное масло, сахар, бобовые, черная и стручковая фасоль, уксус и специи. Средства первой помощи. Таблетки для очистки воды. Бинты и марля, антисептические и обезболивающие средства, лекарства от простуды, бутылочки с антибиотиками и антибактериальные кремы. Все тщательно промаркировано четким дедушкиным почерком.

На стене рядом с ближайшей полкой висела доска для записей и ручка. Квинн зажала фонарик между зубами и стала листать скрупулезные списки расходных материалов, количество каждого предмета, время последней ревизии.

Она удивленно оглянулась на бабушку.

— Почему я не знала об этом?

Бабушка тяжело опиралась на трость.

— Потому что Октавия не должна была об этом знать. Она бы что-нибудь сделала. Рассказала бы кому-нибудь. Украла бы и попыталась продать ради денег на наркотики. Мы не могли так рисковать.

— Ты могла бы мне сказать, — произнесла Квинн, чувствуя себя уязвленной.

— Тебе незачем было знать.

Она надула нижнюю губу. Она понимала, что ведет себя по-детски, но ничего не могла с собой поделать. Бабушка и дедушка хранили от нее огромный секрет.

— А теперь?

Бабушка пожала плечами.

— Теперь ты должна знать.

— Я бы не сказала Октавии. Ты могла бы мне доверять.

Лицо бабушки смягчилось.

— Дело не в том, что я не доверяла тебе, Квинн. Когда ты была маленькой, ты могла случайно проболтаться. А когда ты стала старше... Я думаю, мы просто привыкли держать это в секрете, и мы просто продолжали в том же духе. И мы не то, чтобы возили полные грузовики под носом у тебя. У нас не было на это денег. Просто кое-что здесь и там, пара лишних банок при каждой поездке за продуктами. После тридцати лет все это накапливается.

Квинн покачала головой в изумлении.

— Можешь повторить это еще раз.

Это хорошо. Очень хорошо. Ей не нужно больше беспокоиться о том, что она умрет от голода, но и не нужно беспокоиться о бабушке. Вся эта еда. Если понадобится, они смогут питаться годами.

Мысленно она извинилась перед дедушкой за все те разы, когда закатывала глаза на его лекции о готовности. Все бабушкины, казалось бы, бессмысленные старомодные навыки теперь спасали им жизнь.

— Не могу поверить, что я забыла об этом. — Бабушка указала на мусорный бак из оцинкованной стали в углу. Крышка была заклеена токопроводящей лентой. — Это сделал дедушка. Это самодельная клетка Фарадея. Крышка очень плотная. Он обклеил ее картоном и алюминиевой фольгой изнутри для дополнительной защиты.

Клетка Фарадея должна была защитить электронику внутри от ЭМИ. Квинн

понадобилось несколько минут, чтобы открыть ее. Она отложила крышку в сторону и достала радиоприемник, пару раций, пару светодиодных фонариков и электронную читалку «Киндл».

— Эта электронная книга полна справочной литературы и книг по выживанию. Лекарственные травы, съедобные растения, первая помощь в дикой природе, как пережить ядерные осадки, как построить дом на источнике и уборную. И Библия, конечно. Обычный набор для чтения на пляже.

Квинн фыркнула, чтобы не расплакаться. Она представила, как дедушка тщательно и с любовью упаковывает каждый предмет, надеясь, что он никогда не понадобится, но все равно готовясь.

— Просто на случай, если меня не будет рядом, чтобы научить тебя. — Бабушка пожала плечами. — Никто не живет вечно, знаешь ли. Даже я.

— Я уверена, что ты слишком упряма, чтобы умереть. — Квинн поставила все на соседнюю полку и достала последние несколько предметов — старый айпод и солнечное зарядное устройство.

— Ему понадобилось много времени, чтобы накопить на это солнечное зарядное устройство. — Бабушка прочистила горло, ее голос внезапно огрубел. — У нас есть шнур, который подойдет и к электронной читалке. Айпод... в нем все его любимые песни. Он хотел... он хотел, чтобы у тебя была музыка, пока ты рисуешь.

Квинн сглотнула и поспешно вытерла глаза.

— Бабушка, я...

— О, тише, малышка. — Бабушка помахала рукой в воздухе. — Не надо на меня так нежно смотреть.

— Хорошо, тогда... спасибо тебе.

— Мы бы положили туда гораздо больше, если бы у нас были деньги.

Квинн положила в карман айпод и зарядное устройство. Она не могла дождаться, когда сможет поделиться им с Майло. Какими большими станут его глаза, как засветится все его лицо. Она не могла дождаться, когда включит его и услышит песни, которые дедушка выбрал специально для нее.

— Это... это прекрасно.

— Квинн? — Голос Майло доносился из кухни. — Где ты?

— Мы в подвале. — Она быстро выпрямилась. Будет лучше, если Майло не увидит, что здесь внизу. — Уже иду!

— Я выберу несколько вещей, которые нужно поднять, — сказала бабушка.

— Не пытайся поднимать коробки сама, — велела Квинн. — Я спущусь позже и отнесу все, что ты отложила.

Она поспешила через потайную комнату в подвал и на кухню. На лестнице она чуть не споткнулась о Локи. Он мякнул и бросился вперед. Быстро пробежав через кухню, он заскочил в гостиную и запрыгнул на диван у ног Майло.

Майло лежал, свернувшись калачиком на боку, обхватив живот тонкими руками. Его черные кудри влажно прилипли к щекам и лбу. Кожа стала бледной и восковой. Слишком бледной.

— Посмотри, что я нашла! Спрятанное сокровище! — Квинн уже собиралась вытащить айпод, но замешкалась. Вместо этого она наклонилась над ним и прижала тыльную сторону ладони к его лбу, как бабушка делала с ней сотни раз.

Ее грудь сжалась. Он весь горел.

— Майло? Ты в порядке?

— Я чувствую себя не очень хорошо, — Майло повернул голову и его вырвало на пол.

Глава 43

Пайк

День двенадцатый

«Вот он». Из темноты появился коричневый двухэтажный дом. Большая терраса. Две пары французских двойных дверей. Отблеск свечей в окнах.

Пайк не мог видеть дым из трубы, но чувствовал запах.

Его лицо заледенело, обветренные губы потрескались, но он все же сумел улыбнуться, не обращая внимание на боль. Дом с людьми внутри. Может быть, семья. Если ему повезет.

Он поднялся по ступенькам на террасу, пробираясь по снегу высотой по колено, спотыкаясь о собственные онемевшие ноги. Постучал в стекло, сначала довольно тихо, но никто не услышал его внутри. Он стиснул зубы и стукнул кулаком сильнее.

К французским дверям подошел мужчина, одетый в тяжелую зимнюю одежду, охотничья камуфлированная шапка низко надвинута на лоб, в руках — охотничье ружье «Ремингтон».

Хозяин дома направил оружие на грудь Пайка через стекло. Открывать дверь он не стал.

На мгновение они уставились друг на друга, рот мужчины шевельнулся — несомненно угроза, вроде: «Убирайся отсюда, или я буду стрелять, не думай, что не буду», — но Пайк не мог расслышать ни слова в метель.

Маленький мальчик с растрепанными волосами лет пяти-шести забрел на кухню следом за отцом, сонно потирая глаза. Под красной зимней курткой, шарфом и ботинками на нем была клетчатая рождественская пижама.

Пайк поднял обе руки в жесте капитуляции, символе мира. Он разжал жесткие пальцы и взял в руки предмет, который ему едва удалось вытащить из кармана мгновение назад. Его жетон. Значок офицера запаса, но он выглядел вполне настоящим.

Выражение лица мужчины изменилось с подозрения на облегчение, а затем на беспокойство. Улыбка Пайка стала шире, его маска опустилась на место.

Значок стал его секретным оружием. Он помог проникнуть внутрь. Пайку не требовалось оружие, чтобы покончить с этими людьми. Пара кухонных ножей. Его собственные голые руки — даже замерзшие и онемевшие. Он не сомневался, что сможет это сделать, даже против вооруженного противника.

Мужчины, привыкшие охотиться на беззащитных хищных животных, не имели ни малейшего представления о том, как убить человека. Дело тут скорее в психологии — в инстинкте избегать убийства себе подобных. Они колебались, все они. Ну, большинство из них.

В этот момент нерешительности Пайк наносил удар. Или даже раньше, когда человек все еще перечислял свои угрозы, все еще пытался оставаться человеком, прибегая к насилию только в крайнем случае.

Обычно это оказывалось их роковой ошибкой. Насилие наиболее эффективно в качестве первого средства, а не последнего. Никак не последнего.

Но не в этом случае.

Пайк находился в ослабленном состоянии. Он не настолько самонадеян, чтобы не знать

ограничений своего тела. Ему нужна помощь. Эти люди могли оказать ему помощь.

Мужчина отпер французскую дверь. Пайку пришлось отбить слой снега, прежде чем они смогли открыть дверь настолько, чтобы он смог проскользнуть внутрь.

Жена мужчины материализовалась и помогла Пайку сесть на кухонный стул, бормоча над ним, призывая дочь принести одеяла, поторопиться, приказывая мужу поставить на плиту суп и, ради всего святого, снять с этого человека обледеневшую одежду.

Улыбка Пайка стала еще шире.

Он позволит этим людям сделать свое доброе дело. Пусть они позаботятся об этом бедном полицейском, который упал в реку при исполнении служебных обязанностей, преследуя пару убийц из этого города, рискуя жизнью, чтобы обезопасить всех.

Может быть, он их убьет. Сложит как дрова перед рождественской елкой с мишурой и украшениями — все еще стоящей у пылающего камина.

А может, и нет. Он может быть великодушным. Щедрым, как бог на горе Олимп, смотрящий вниз на разбегающихся муравьев. Раздави этого. Отпусти того.

Может быть, он прибережет свою жажду крови для девчонки и ее солдата.

Он улыбнулся и поблагодарил маленького мальчика, который опустился на колени у ног Пайка и расшнуровал его залитые водой ботинки. Жена — средних лет, симпатичная и безобидная — помогла ему снять куртку и накинула на плечи одеяло.

Когда он оттаял, высох и согрелся, оделся в свежую одежду и наелся вкусного горячего овощного супа, то достал сигареты и зажигалку Зиппо. Они оказались залиты водой. Но у него осталась вторая пачка — нераспечатанная, все еще в целлофановой упаковке. Пайк вскрыл ее, поднес сигарету к губам и щелкнул зажигалкой. Щелк, щелк, щелк.

Семья собралась вокруг него, наблюдая с любопытством и немного настороженно. Он не спросил, можно ли ему курить. Ему наплевать на их желания. Они его несколько не волновали.

Пайк зажег сигарету и глубоко затянулся, выдохнув полный рот дыма с ароматом гвоздики. Постепенно его нервы успокоились. Ум обострился, мысли стали кристаллизироваться и проясняться. Щелк, щелк, щелк.

Да, он оставит их в живых. Позволит себе восстановиться, набраться сил. Если он застрял в этой метели, то и они тоже. Они тоже где-то здесь, застряли в том же городке.

Они должны считать его мертвым. Пусть так и думают.

Когда он наконец придет за ними, когда осуществит свою особенно жестокую и приятную месть, как они удивятся. Как они будут поражены.

Он представлял себе их лица, представлял каждый момент, когда ужас окончательно оформится — расширяющиеся глаза, зияющие рты, скачок пульса в уязвимом горле.

Сначала девчонка. Ханна и ребенок, которого она носила. Его ребенок.

Может быть, он убьет это визжащее существо, как и предыдущее. А может, проявит великодушие и позволит ему жить. Может быть, он заберет его домой и подарит своей матери, как внука, о котором она всегда мечтала. Если это будет мальчик, он мог бы даже вылепить его по своему образу и подобию.

Пайк не имел ни малейшего желания воспитывать это существо, но в идее оставить ребенка Ханны в Фолл-Крике, где никто никогда не узнает, кто он на самом деле и как появился на свет, и что стало с его матерью, заключалась некая восхитительная ирония.

Так много манящих вариантов.

Он будет наслаждаться каждой проклятой секундой.

Глава 44

Ноа

День двенадцатый

— Мы сделали это, — сказал Ноа. — Мы покончили с ними. Поймали тех, кто убил твою семью.

Бишоп мрачно смотрел в свою кружку с горячим яблочным сидром. Он держал ее в руках, чтобы согреться.

— Я знаю. Я был там.

Ноа сдвинулся на своем барном стуле. Бишоп не выглядел счастливым, не выглядел удовлетворенным.

— Мы восстановили справедливость.

— Что такое справедливость, Ноа? Привязать тех парней к снегоходу и истязать их? Так выглядит справедливость?

Ноа оглядел бар. Они находились в таверне «Файерсайд» через дорогу от церкви Кроссвей, где Бишоп по-прежнему несколько часов в день заведовал продовольственной кладовой.

Было всего девять утра, и Бишоп с Ноа решили сделать столь необходимый перерыв.

У Донована Миллера, владельца таверны, не было генератора, но он включал несколько переносных обогревателей, пока не закончился пропан. Холодный солнечный свет, проникающий через окна, давал достаточно тепла в дневное время.

Спиртного оставалось немного, но Бишоп все равно не пил. Ноа взял стакан рома. Он ограничился одним стаканом, поскольку формально находился на работе. Не то чтобы он собирался получать зарплату в ближайшее время.

Обычно Ноа никогда не пил в рабочее время. Но ситуация сложилась ненормальная. Его голова раскалывалась, а желудок болел. Он хотел чувствовать себя триумфатором. Победителем.

Один взгляд на лицо Бишопа украл его славу.

Ноа понизил голос.

— Они пытали твою семью.

— Да. Я знаю это как никто другой. Но есть способы добиться справедливости, которые принесут мир обществу. Это был не он.

Ноа потягивал свой напиток и оглядывал зал позади себя. Несколько пар сидели за столиками вдоль дальней стены бара.

Дэйв Фаррис помахал рукой. Он сидел с Майком Дунканом, племянником Майка Джамалом, и Дэррилом Виггинсом, управляющим банка, который по-прежнему оставался закрытым. Все трое были членами совета. Они наклонились вперед, разговаривая вполголоса.

После казни, состоявшейся два дня назад, все выглядели подавленными. Если люди и не успокоились, то, по крайней мере, они больше не бунтовали.

Ноа обернулся.

— Что мы должны были сделать тогда? Оставить их в живых? Запереть и тратить силы, которые нужны нам в других местах, на их охрану до бесконечности? Кормить драгоценными ресурсами, пока наши собственные дети голодают?

Бишоп поморщился.

Ноа сразу же пожалел о своих словах.

— Прости меня.

Глаза Бишопа были красными и стеклянными от многодневной скорби. Его широкое смуглое лицо оставалось тем же самым лицом, которое Ноа знал много лет, и в то же время оно казалось другим.

В нем появилась пустота — словно горе прочно заняло место во всем, что составляло личность Бишопа, навсегда его изменив.

Ноа знал это чувство. Знал досконально. Незаметно он коснулся своего обручального кольца, покрутил его на пальце. Даже его собственная потеря и печаль не шли ни в какое сравнение с утратой жены и детей, вырванных из рук Бишопа в акте варварского, дикого насилия.

Бишоп оторвал руку от кружки и коснулся предплечья Ноа.

— Я знаю, друг. Помню, что ты рисковал своей жизнью, чтобы поймать этих людей. Я благодарен тебе за это. Пожалуйста, не воспринимай мою замкнутость как неблагодарность. Я все еще в процессе. Все еще разбираюсь со всем в своей голове и сердце. Спорю с Богом как Иаков, если угодно.

— Не торопись. Потрать столько времени, сколько тебе нужно.

Бишоп молчал несколько минут.

— Я тоже человек, Ноа. Я не могу притворяться, что в моем сердце нет гнева. Что я не хотел смерти этих людей, что не представлял, как буду вырывать их конечности из тел голыми руками, снова и снова. — Его глубокий баритон прорезался болью. — Что я не вижу лица моих маленьких девочек, каждую секунду каждого дня. Страх и ужас, которые я не смог успокоить. Боль, которую не смог остановить. Что я не вижу прекрасных глаз Дафны, вечно осуждающих меня за то, что я не смог их спасти.

Он поднял кружку, посмотрел на нее в бесплодном отчаянии и хлопнул ею по столешнице с такой силой, что сидр брызнул по сторонам.

Несколько человек взглянули на них, поняли, кто это, и быстро отвернулись. Их лица выражали жалость, смешанную с чувством вины и облегчения.

У Ноа сжалась грудь. Он пережил годы таких же взглядов. Тогда он тоже их ненавидел.

— Я не против самообороны или насилия, когда это необходимо для защиты тех, кто в ней нуждается, — тихо сказал Бишоп. — Я служил своей стране. Но это... то, как это произошло... это была месть, а не справедливость. Мир одичал и становится все суровее. Он полон страха, гнева и ненависти. Если не будем осторожны, мы станем такими же, как враг, против которого, как утверждаем, мы боремся.

Ноа вздрогнул. В его голове промелькнуло видение разбитого, окровавленного лица Билли. Джулиан целится из пистолета, а Ноа стоит там, ничего не делая.

— Мы не станем.

— Откуда ты знаешь? Как мы сохраним нашу человечность? Наши души?

О душах Ноа ничего не знал. Это относилось к духовной сфере, к церкви.

Роль служителя закона заключалась в поддержании правопорядка и защите людей. Когда плохие парни шли на все ради своего выигрыша, хорошие парни должны играть так же грязно, чтобы их победить.

Он говорил себе это снова и снова. Может быть, в конце концов он поверит в это.

— Чтобы выжить, возможно, нам нужно на время отбросить нашу человечность.

Бишоп напрягся.

— Это не то, как я хочу жить.

Ноа покачал головой, внезапно разозлившись, хотя сам не знал почему.

— Тогда, может быть, ты дурак.

— Может быть, — с готовностью согласился Бишоп. Он не был человеком, которого легко оскорбить или спровоцировать. — Я не претендую на то, что у меня есть ответы на все вопросы.

Ноа сдулся.

— Никто не претендует.

Через несколько мгновений Бишоп вздохнул.

— Я смирился с собой, со своей верой, со своим Богом. Я не сломаюсь. Какое-то время я думал, что могу. Но теперь знаю, что не сломаюсь. Я не позволю им превратить меня в человека горечи и ненависти. Я тот, кто есть. Я выбираю любовь вместо ненависти. Радость вместо горечи.

Ноа развел руками.

— Как ты можешь говорить о радости и любви после всего этого?

— Из-за надежды, — объяснил Бишоп. — И веры. Я верю, что снова увижу свою жену и дочерей. Но мое время еще не пришло. Пока еще здесь, я буду творить добро. Это мой выбор. Никто не может отнять его у меня.

Он все еще оставался человеком, опустошенным горем, но в его глазах появилось что-то еще. Чувство решимости, возможно, даже покоя.

Ноа хотел, чтобы от Бишопа веяло покоем. Он жаждал его, безумно желал, но сам никогда его не испытывал. Даже малой толики этого.

Бишоп потерял все и все еще верил.

— Ты хороший человек, Бишоп. Хотел бы я быть хоть наполовину таким же хорошим, как ты.

Бишоп сделал длинный глоток сидра. Он вытер рот рукавом своей кожаной куртки.

— Ты тот, кем решаешь быть, Ноа. Это все, что есть в жизни. Серия выборов. И похоже, что тебе предстоит сделать несколько очень серьезных выборов.

Ноа понизил голос.

— Ты имеешь в виду с ополчением.

— Я имею в виду кучу всего.

Ноа чувствовал, что разрывается между своими привязанностями. К Розамонд, Джулиану и городу. Бишопу, Квинн и Молли, которые не понимали, на какие компромиссы им пришлось пойти, чтобы защитить Фолл-Крик.

— Я должен думать обо всем городе, Бишоп. На мне лежит большая ответственность.

Бишоп надел перчатки и натянул большую оранжевую парку поверх своей кожаной куртки и такой же оранжевой гавайской рубашки.

— Тебе не нужно мне это объяснять. Просто помни, перед кем ты несешь ответственность.

Ноа вздрогнул.

— Я помню.

Произошло что-то, чего Ноа не мог понять. Как будто на песке прочертили некую черту. И он все еще не определился, по какую сторону этой черты находится.

Бишоп отодвинул табурет, достал из кармана куртки нераспечатанную коробку пластырей и положил ее на стойку. Кивком головы он указал Доновану на коробку, и тот

принял обмен. Ноа заплатил за свой напиток двумя рулонами туалетной бумаги.

Бишоп горько улыбнулся. Улыбка не достигла его глаз.

— Кто бы мог подумать, как быстро зеленые бумажки становятся бесполезными. Как быстро пластыри и пули становятся валютой.

— И лекарства, — добавил Ноа. Это как раз то, в чем ополченцы преуспели. Благодаря Саттеру у Ноа появился запас спасительного гидрокортизона для Майло на два-три года.

— Без сомнения. — Бишоп провел рукой по своему афро. Тень пересекла его лицо. — Я молюсь за тебя, Ноа.

Чувство вины укололо Ноа. Прежде чем он успел что-то сказать, его рация затрещала.

— Шеридан, прием? Где ты?

— Прием, Джулиан. Я в баре с Бишопом.

— У нас проблема в приюте. Куча людей больны. По-настоящему больны. Шен Ли уже здесь, но он мало что может сделать. Можешь найти шефа Бриггса и приехать сюда как можно быстрее?

У Ноа пересохло во рту. Он быстро встал, достал из бумажника немного денег и понял, что у него ничего не осталось. Просто старая привычка.

— Сколько человек, Джулиан?

— Больше сотни. И с каждой минутой все у большего количества проявляются симптомы. — В голосе Джулиана, даже через рацию, отчетливо слышалось напряжение. — У нас несколько критических случаев, включая пятилетнюю девочку.

Ноа застегнул куртку и поправил шарф.

— Уже еду.

Бишоп сказал.

— Я с тобой.

Глава 45

Ноа

День двенадцатый

Ноа с нарастающим ужасом оглядывал школьный спортзал.

— Что с ними?

Ситуация стала намного хуже, чем была, когда он в последний раз посещал приют два дня назад. Все здание провоняло рвотой, кровью и человеческими экскрементами. Никакой отбеливатель не мог перебить эту вонь.

В помещении почти никто не двигался. Люди лежали, скрючившись в позе эмбриона. Стоны и плач наполняли большой спортивный зал и эхом отражались от высокого потолка.

Лица людей были пепельными или бледными, волосы влажными от лихорадочного пота, тела дрожали и тряслись, глаза впалые и остекленевшие. Они сжимали свои животы от мучительной боли, волнами накатывающей на них.

Ноа, Джулиан и Бишоп стояли перед двойными дверями. Розамонд только что приехала. Аннет Кинг, директор средней школы, которая вызвалась руководить приютом, и Шен Ли, детский медбрат, приветствовали их. Аннет и Ли были в масках с фильтром, латексных перчатках и одноразовых халатах.

— С чем мы имеем дело? — бодро спросила Розамонд.

— Неочищенная питьевая вода. — Ли снял перчатку, провел рукой по своим растрепанным черным волосам и устало вздохнул. — У нас десятки случаев

криптоспоридиоза и лямблиоза.

Немного полноватый американец китайского происхождения в возрасте около тридцати лет, Ли был дружелюбным, общительным парнем, который предпочитал смотреть на все с оптимизмом. Последние две недели сильно повлияли на его философию «стакан наполовину полон».

Ноа уставился на него, пораженный.

— Но мы раздавали листовки и ходили от двери к двери! Мы говорили всем, что нужно делать, чтобы очистить воду.

Ли пожал плечами.

— Недостаточно людей восприняли это всерьез. Никто не привык болеть от воды. До сих пор. Пострадавшие страдают от судорог, тошноты, рвоты, боли в мышцах, лихорадки и усталости, включая сильное обезвоживание. У некоторых людей были колодцы, но не нашлось ручных насосов или способа добраться до воды.

— Когда у людей закончилась бутилированная вода и вода, которую они могли найти в своих домах из наполненных ванн и водонагревателей, они использовали снег, но у многих не хватало терпения или достаточного количества дров, чтобы продолжать растапливать его, поэтому некоторые воспользовались рекой.

— Возможно, они пытались дезинфицировать воду, но не применили нужное количество йода или отбеливателя, или не прокипятили воду должным образом, — пояснила Аннет. — В не питьевой воде могут содержаться вирусы, паразиты и бактерии. Достаточно одной капли.

Ноа уже тосковал по тем временам, когда ему не приходилось беспокоиться о смертельных заболеваниях, передающихся через воду. Когда водоочистные сооружения работали. Когда вода и мусор были просто счетами, которые нужно просто оплатить.

Туалет спускался, краны включались, кто-то дважды в неделю вывозил мусор и отходы, и все.

Две недели назад. А казалось, что прошла вечность. Целая жизнь.

Теперь им приходилось беспокоиться обо всем. Так много вещей, которые могут причинить тебе вред. Не только бандиты с оружием и смертоносные метели, но и микроскопические бактерии и паразиты, которых ты даже не мог увидеть, но которые все равно убьют тебя и всех, кого ты любишь.

Ноа закрыл рот и нос шарфом. Розамонд, Джулиан и Бишоп сделали то же самое. У Аннет уже была маска. Но толку от нее почти никакого.

Зловоние впилось когтями в его горло. Он боялся, что его стошнит прямо на ботинки.

— А что насчет грузовика с припасами, который вчера привезли ополченцы? — спросил Ноа. — Где все бутылки с водой?

— Они в поддонах на кухне в кафетерии, — ответила Аннет. — Мы их раздаем. Но запас свежей воды пришел слишком поздно. Все уже заболели.

— В основном у нас в наличии слишком простые медикаменты — пластыри, ибупрофен, парацетамол, лекарства от кашля, — добавил Ли. — Это не то, что нам действительно нужно.

Они шли за Ли, пока он прокладывал себе путь по полу спортзала, обходя койки, спальные мешки и кучи одеял. Возле каждого человека стояли ведра и контейнеры.

Добровольцы в одноразовых халатах, бахилах, перчатках и бумажных масках перемещались среди больных. Они меняли ведра, меняли испачканное белье и мыли пол.

Они ухаживали за больными, используя влажные мочалки и спрессованный снег, завернутый в ткань, в качестве импровизированных пакетов со льдом для снижения высокой температуры, а также электролитные напитки и питьевую воду. Они убрали следы несчастных случаев и переодевали детей и складывали грязные одеяла и одежду в одном углу.

Это напоминало сцену из страны третьего мира, а не то, что могло бы произойти в Америке. Не то, что происходило прямо сейчас с их городом, с людьми, которых они все знали.

— Господи, помилуй, — тихо сказал Бишоп.

— У нас по крайней мере по десять больных в каждом туалете, — сказала Аннет. — Не то чтобы этого было достаточно. Люди не могут добраться до уборных, которые мы вырыли снаружи. Некоторые не могут добраться и до ведер.

Она жестом указала в сторону коридора с приоткрытой дверью. Ноа увидел ряд пятигаллонных ведер, выложенных черными мусорными пакетами, и два невысоких по обеим сторонам в качестве «сиденья».

Все они использовались. Дюжина человек ждала своей очереди, большинство прислонились к стене или просто лежали на холодном кафельном полу.

— Дизентерия от неправильной санитарии убила более семидесяти тысяч солдат во время Гражданской войны, — сдавленно проговорила Аннет. — Эта же болезнь убила больше солдат, чем пули во время испано-американской войны. Более двух миллиардов людей живут без доступа к нормальным туалетам и стокам.

Джулиан и Ноа уставились на нее.

Она помрачнела.

— Я была учителем истории, до того, как стала директором.

— Кто-то сказал мне однажды, что в среднем человек мочится по две пинты в день и испражняется по фунту в день, — сказал Джулиан. — Это огромное количество человеческих отходов, которые больше не смываются в место, о котором никто не задумывается. Полагаю, теперь об этом придется думать нам.

— Патогены в человеческих фекалиях могут легко загрязнить наземные и подземные источники воды, — сообщил Ли. — Люди гадят слишком близко к водопроводу или, как идиоты, лезут в воду.

— Я полагал, что все это знают, — устало сказал Ноа. — Еще один пункт в список.

— Похоже, что вы используете много туалетной бумаги, — заметил Джулиан.

— Так и есть. — Аннет закатила глаза. — Люди Саттера до сих пор приносили нам все необходимое. Надеюсь, мы не дойдем до того, что будем искать бумагу, газеты, обрывки ткани.

— Мы всегда можем вернуться к кукурузным початкам, как пионеры, — проговорил Бишоп.

— Будем надеяться, что нет. — Ноа оторвал взгляд от больных людей. — Есть шанс, что им станет лучше самим? Что это пройдет само собой через несколько дней?

— Для некоторых — да, — согласился Ли. — Но дети и старики особенно уязвимы. Многие из них также болеют гриппом и перенесли переохлаждение до того, как попали сюда. Они испытывают сильный физический и психологический стресс. Жестокий холод уже ослабил естественные защитные силы их организма.

Розамонд сложила руки перед собой. Ее обычно идеальные, ухоженные ногти были

обломаны.

— Это кризис.

— Да. — У Аннет под глазами залегли серые складки, кожа побледнела. Она выглядела обеспокоенной, измученной и готовой вот-вот заболеть. И она, и Ли работали до изнеможения. Без всякой платы, без всякой награды, кроме помощи другим.

Как и все остальные добровольцы здесь, в продовольственной кладовой, и как каждый, кто помогал в поддержании связи, уборке мусора и безопасности.

Это были хорошие люди. Город делал все, что мог. Казалось, что на них обрушивается одно бедствие за другим. Они не успевали перевести дух, как на них сваливалась очередная катастрофа.

Больше Ноа ничего не нужно было видеть. Он расправил плечи.

— Что нам нужно делать?

Ли опустил взгляд на свой планшет.

— Нам нужны растворы. Капельницы. Антибиотики.

Ноа повернулся к Розамонд.

— Есть ли поблизости работающие больницы? Центры неотложной помощи?

— Все небольшие медицинские клиники и больницы прекратили работу, их персонал и материалы перевезли в более крупные учреждения, чтобы консолидировать ресурсы и силы, — сообщила Розамонд. — Официально губернатор направляет всех, кому нужна медицинская помощь, в палаточные госпитали Красного Креста, созданные в региональных центрах Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям.

— А неофициально?

— Контакты Дэйва Фарриса по его радиосвязи оказались куда более откровенными. — Она поморщилась. — Больницы Красного Креста настолько перегружены, что люди мрут как мухи в ожидании сортировки. Грипп и пневмония распространяются по лагерям как лесной пожар, и они, похоже, не могут их остановить. Мы можем доставить наших людей в операционные госпитали в Сент-Джо или Саут-Бенде, но они, скорее всего, умрут на парковке, даже не дождавшись врача.

— Должно быть что-то, что мы можем сделать, — сказал Бишоп.

Ноа почесал щетину на своем подбородке.

— Мы обобщем клиники и центры неотложной помощи. В спешке, когда они уходили, что-то могли упустить или оставить.

— Насколько я слышал, Лейклендская больница в Найлсе все еще работает, — сказал Ли. — Хотя и на сокращенной основе. Хотя их генераторы могли уже выдохнуться.

— Это что-то, — согласился Ноа.

Найлс был городом с населением около двенадцати тысяч человек, расположенным в пятнадцати милях к юго-востоку от Фолл-Крика вдоль Старой 31-й трассы. Гораздо более крупный город Саут-Бенд находился в десяти милях дальше на юг, прямо на границе штата Индиана.

— Старая 31-я дорога опасна, — напомнила Розамонд. — Каждый день мы слышим новые сообщения о растущей активности банд из Бентон-Харбора. Отбросы и беженцы, бегущие из городов, начинают впадать в отчаяние. Многие из них вооружены.

— А где все суперсолдаты? — напряженно спросил Бишоп. — Разве они не здесь, чтобы ворваться и спасти положение?

Джулиан бросил на него острый взгляд.

— Они отрядили еще одну поисковую группу на поиски припасов. Я только что пытался связаться с Саттером по рации. Они вне зоны доступа. Возможно, не вернутся до позднего вечера.

— Остальные заняты охраной аптеки, магазина «Френдли», распределительного центра средней школы. По меньшей мере дюжина патрулирует «Винтер Хейвен» после того, как вчера вечером какие-то отморозки попытались поджечь один из коттеджей. Они устанавливают блокпосты на всех дорогах, ведущих в город и из него. Они нужны нам там.

— А шеф? — спросил Ноа. — Где Бриггс?

— Он в розыске, — сообщил Джулиан.

— Что это значит?

Джулиан небрежно пожал плечами.

— Мы не можем связаться с ним со вчерашнего дня. Никто не знает, где он. Он не был в мэрии и его нет дома.

Ноа кольнуло беспокойство.

— Это кажется странным.

— Возможно, он пытается устроить переворот против суперинтенданта, — мрачно сказал Джулиан. — Опрашивает соседей, распространяет слухи, чтобы привлечь людей на свою сторону.

Розамонд бросила на него неодобрительный взгляд.

— Джулиан, сейчас это не наша забота. Я уверена, что шеф Бриггс может сам о себе позаботиться. Он появится. Сейчас спасение этих больных людей — наш главный приоритет.

Джулиан скорчил гримасу, но промолчал.

— Я пойду, — сказал Ноа.

— Ты не пойдешь один, брат, — не задумываясь, заявил Джулиан. — Считай, что я с тобой.

Бишоп провел рукой по своему афро.

— Я тоже иду.

Джулиан нахмурился.

— Чем пастор может помочь в перестрелке? Будет отражать пули Библией?

— Я знаю, как обращаться с оружием, — спокойно произнес Бишоп. — Я могу взять свое.

Он мудро не клюнул на подначку Джулиана. Тем не менее, Ноа не нравилась мысль о том, что они двое будут заперты в машине вместе, а Ноа останется в роли миротворца.

— Бишоп...

— Все идите, — резко сказала Розамонд. — Вам может понадобиться дополнительная сила. Возьмите с собой АК-47.

— Я составлю вам список антибиотиков, — сказал Ли.

Аннет положила руку на предплечье Ноа.

— Спасибо.

Ноа направился к дверям спортзала, Бишоп с одной стороны, Джулиан с другой. Если бы только Джулиан и Бишоп могли научиться терпеть друг друга. Ноа любил Бишоп и доверял ему свою жизнь, так же, как и Джулиану.

Они обошли поддоны и койки с десятками больных, стонущих мужчин, женщин и детей. Ноа охватила тревога. Им нужно спешить.

Рация на его поясе затрещала.

— Эй? — раздался молодой женский голос.

Ноа отстегнул рацию и поднес ее ко рту.

— Это ты, Квинн?

Он наконец-то нашел работающую рацию и отдал ее Майло, чтобы тот хранил ее в своем рюкзаке вместе с таблетками и шприцем для экстренной помощи. Он не допустит, чтобы отсутствие связи снова подвергло его сына опасности.

Рация пискнула.

— Майло, — передала Квинн. — Он заболел.

Глава 46

Ноа

День двенадцатый

Ноа и Бишоп направились напрямик к Молли, пока Джулиан заправлял грузовик и собирал тактическое снаряжение, винтовки и дробовики, дополнительные патроны и бронежилеты.

Квинн терзалась чувством вины.

— Все из-за лимонада, — сказала она, ее лицо осунулось. — Это моя вина.

— Просто расскажи мне, что случилось, — попросил Ноа.

— Мы были так осторожны с водой. Недавно мы навестили Клири. Она грела воду для лимонада, но сняла кастрюлю с огня до того, как та полностью закипела. Я даже не подумала... Я не знала, что они берут воду из реки. Я не знала. Мне следовало бы. Это моя вина.

— А ты не пила его? — уточнил Ноа.

Она покачала головой, нервно потянула за кольцо на губе.

— Я отдала его миссис Клири. Ей сахар и калории нужнее, чем мне. Она отдавала всю свою еду детям... — Она засунула свои голубые волосы за уши и посмотрела на Ноа, как будто тонула. — Эти дети. Они все тоже заболеют.

— Мы заберем их, — сказал Бишоп. — Я поеду туда прямо сейчас и посажу всю семью в свой грузовик. Мы отвезем их в приют, чтобы Ли и Аннет могли хотя бы присмотреть за ними.

— Мы и Майло повезем тоже? — спросила Квинн.

— Я могу сама позаботиться о нем, — предложила Молли. — В приюте ему не дадут ничего такого, чего бы я не могла сделать прямо здесь. По крайней мере, пока вы не вернетесь с капельницами. — Она колебалась. — У меня есть антибиотики, которыми я готова поделиться с ним. Для всех в приюте не хватит, но для Майло — точно.

— Спасибо, — сказал Ноа, безмерно благодарный. Мысль о Майло в этом отвратительном приюте приводила его в ужас. — Воистину, я не смогу отблагодарить вас.

Бабушка отмахнулась от него.

— У меня слишком долго не было никого, с кем можно было бы понынчиться. Квинн всегда отличалась излишней строптивостью.

Квинн закатила глаза.

— Как скажешь, бабуля. Но они все знают, что это ты самая вспыльчивая.

Ноа стоял на коленях перед Майло, который лежал на диване под пушистым голубым одеялом. Не менее четырех кошек свернулись калачиком на разных частях тела Майло — две

у его ног, рыжая пушистая кошка примостилась под подбородком Майло, а гладкая черная кошка устроилась на плече сына. Черная кошка следила за каждым движением Ноа подозрительными желтыми глазами, ее хвост подергивался.

Ноа проверил пульс. Спокойный. Потрогал щеки и лоб. Сын весь горел.

Майло был таким маленьким. Его крошечное тело не выдерживало нагрузки. А с его болезнью Аддисона физический стресс, например, серьезное заболевание, мог привести его в шоковое состояние даже при приеме лекарств.

Ноа не мог смириться с этой мыслью.

— Есть колющие боли в животе? — спросил он. — Легкое головокружение?

Майло слабо улыбнулся. Его влажные кудри прилипли к покрасневшей коже, глаза запали.

— Нет, папа. Просто болит, как будто меня тошнит. Ты не должен все время беспокоиться.

— Должен. Это моя работа.

Ноа заметил, как Квинн подмигнула Майло.

— Просто посмотри на него. Твой отец — большой любитель поволноваться.

Он оценил ее попытки развеселить его сына. Майло нуждался в этом. Ноа тоже, но сейчас он слишком переживал, чтобы расслабиться.

— Ему нужно что-нибудь выпить.

— У меня есть самодельный раствор для пероральной регидратации, который отлично помогает при обезвоживании и диарее, — сказала Молли. — Я приготовлю его для него и запишу, чтобы вы могли передать рецепт в приют.

— Пол чайной ложки соли с шестью чайными ложками сахара тщательно размешать в одном литре чистой питьевой воды. Точно отмерить и перемешать. Полчашки апельсинового сока помогут справиться со вкусом и добавят калия. Или можно добавить немного смеси желе в виде порошка. Это поможет до вашего возвращения.

Ноа стоял, тяжело сглатывая. Он не мог смириться с мыслью, что ему придется оставить Майло. Это последнее, что он хотел сделать. Но он не доверял никому другому найти необходимые для спасения жизни медикаменты.

— Проследите, чтобы он получил тройную дозу гидрокортизона.

— Поняла, — кивнула Квинн.

— Измеряйте его температуру по часам, — распорядился Ноа. — Если она поднимется выше сорока градусов, сделайте ему экстренную инъекцию глюкокортикоида. Предполагается, что это лишь временная мера, пока он не попадет в больницу, но это все, что у нас есть, и это единственное...

— Я же сказала, что мы справимся! — Квинн посмотрела на него, ее глаза были спокойны, выражение лица бесстрастно.

— Мы будем давать ему парацетамол с ибупрофеном каждые четыре часа, чередуя, — спокойно сказала Молли. — Если это не поможет, используем компресс из снега, завернутый в мочалку, и положим его под мышки, за колени и в паховую область. Сделаем все возможное, чтобы не использовать этот аварийный шприц.

— Ступай, побудь супергероем, или чем ты там занимаешься весь день, — проговорила Квинн. — Мы позаботимся о Майло.

Бишоп взял Ноа за руку.

— Она права. Ты больше ничего не можешь здесь сделать.

Ноа покинул Майло неохотно, но он знал, что его сын в надежных руках, с людьми, которым доверяет.

Бишоп согласился сесть за руль, пока Ноа неподвижно сидел на пассажирском сиденье с АК-47 на коленях. Он облачился в баллистический жилет, выданный ему департаментом, а его служебный пистолет висел в кобуре на бедре вместе с боевым поясом, на котором крепились четыре предварительно заряженных магазина. На полу между его ног лежало ружье «Ремингтон» 870 12-го калибра.

Джулиан занял заднее сиденье со стороны водителя. Он надел такой же бронежилет и взял с собой второй АК-47. Они постоянно осматривали дорогу впереди, обочины по обе стороны, деревья и здания на предмет возможных засад.

— Будьте начеку, — сказал Ноа. — Мы должны быть готовы ко всему.

Бишоп крепче сжал руль. Они ехали на черном внедорожнике «Форд-F250» 1978 года выпуска с надписью: «Полиция Фолл-Крик», нарисованной белой краской по бокам.

— Договорились.

Много заглохших машины стояло на обочине. В некоторых местах дорогу устилали глубокие сугробы. Старую 31-ю дорогу несколько дней назад расчистила Национальная гвардия, но с тех пор выпал свежий снег. Ехать пришлось медленно, даже на зимних шинах.

Окна опустили, чтобы в случае необходимости можно было прицелиться и выстрелить. Ноа дрожал. Ветер морозил его лицо. По крайней мере, они не испытывали голода.

К тому времени, когда они отправились в путь, было уже далеко за полдень. Аннет отправила их с бутербродами с арахисовым маслом и желе и бутилированной водой на обед, который они проглотили за несколько секунд.

Сразу за мостом через Фолл-Крик они наткнулись на блокпост ополчения. Шесть солдат охраняли дорогу. Они перегородили большую часть дороги коротким лабиринтом из машин, оставив достаточно места, чтобы одна машина могла медленно проехать.

Чтобы никто не смог просто объехать заграждение, они использовали эвакуатор, чтобы сложить машины в тридцати футах по обе стороны дороги, и даже перетащили несколько срубленных деревьев в качестве дополнительного сдерживающего фактора.

Дюжина деревянных досок, утыканных большими гвоздями, была положена на дорогу на противоположной стороне блокпоста. Двое ополченцев проскочили вперед и убрали их, пропуская грузовик.

— Возвращайтесь до темноты, — велел Джеймс Лютер.

Ноа заметил в стороне от дороги кусок брезента. С одного края торчало несколько пар ног. Тела.

— Что это?

Лютер нахмурился.

— Около десяти бандитов пытались проехать прошлой ночью, притворившись беженцами, ищущими убежища. Оружие припрятали под куртками. Когда мы их не пропустили, они подумали, что смогут одержать верх. Но не смогли.

Ноа кивнул, почувствовав облегчение. Ополченцы выполняли свою работу. Они делали именно то, что должны. Защищали Фолл-Крик.

— Будьте осторожны, — крикнул им вслед Лютер.

День стоял холодный и пасмурный. Густые, железно-серые облака висели над линией деревьев. Скоро снова пойдет снег.

По радио на экстренном канале передавали предупреждение о метели. Снег должен

пойти сегодня или завтра. Надвигалась снежная буря, возможно, самая сильная за последние годы.

Им нужно вернуться в Фолл-Крик до начала снегопада. Они не могли позволить себе застрять в условиях метели с жизненно важными припасами, которые требовались городу, и в которых нуждался Майло, под брезентом в багажнике грузовика.

Ноа просто хотел найти то, что им нужно, и вернуться как можно быстрее. Его зубы стучали, когда холодный ветер проникал в кабину через открытые окна.

Грузовик с грохотом проносился мимо домов. Изредка попадались фермы. Заснеженные поля. Слева проехали кладбище, надгробия едва выступали над снегом. Фермерский рынок с американскими флагами на крыше, колышущимися на ветру.

— Следите за густыми деревьями и домами у дороги — это потенциальная угроза, — предупредил Бишоп.

Ноа напрягся, не сводя глаз с дороги в поисках любых признаков опасности. Он заставлял себя сохранять присутствие, но беспокойство за Майло не давало покоя.

— Мы найдем то, что нам нужно, вовремя, — произнес Бишоп, словно прочитав его мысли. — Не сомневайся.

— Хотел бы я в это верить.

— Бог с нами, независимо от того, живем мы или умираем. Мы все в Его руках.

— Без обид, — сказал Ноа, — но я бы предпочел, чтобы Майло остался в руках Бога живым.

— Об этом я и молюсь.

С заднего сиденья фыркнул Джулиан.

— Сказки не спасают людей. Спасает оружие.

— Вера — это не сказка, — ровно произнес Бишоп, но Ноа почувствовал напряжение в его голосе. — И у нас нет разногласий по поводу необходимости оружия. Только в том, как и когда его применять.

Ноа почувствовал, как Джулиан вздрогнул.

— Ага, ну да, ты продолжаешь думать, что знаешь все лучше других? Ситуация не меняется, Бишоп. Ты все еще тот...

— Впереди справа грузовик, — быстро проговорил Ноа, чтобы отвлечь внимание. Он указал вперед. — И не один.

Бишоп затормозил, когда они подъехали к ряду из трех дальнобойных грузовиков на обочине дороги.

Ноа повернулся на своем сиденье.

— Мы должны остановиться, посмотреть, есть ли там припасы.

— Они уже разграблены, — отозвался Джулиан. — Их, вероятно, обчистили в первую неделю, если не в первый день.

Он не ошибся. Задние двери болтались широко открытыми. Пустые коробки, пластиковая упаковка и мусор разлетелись по заснеженной дороге, утопая в грязных сугробах.

Даже при наличии работающих генераторов в больницах быстро заканчивались запасы медикаментов без дальнобойных грузовиков для их доставки. Раньше лучшая медицинская помощь в мире находилась всего в нескольких минутах езды или звонка в службу 911. Но даже тогда люди постоянно умирали. Что произойдет сейчас?

В кабине стало напряженно и тихо. Грузовик трясся по плотному снегу.

— Что это? — спросил Джулиан. — В том поле слева?

Бишоп притормозил машину до скорости менее десяти миль в час.

Большой предмет странной формы торчал из середины заснеженного кукурузного поля. Его покрывал снег, поэтому не сразу удалось понять, что это такое. В небо торчало крыло. Длинный цилиндр фюзеляжа. Широкий белый нос, уткнувшийся в землю. Маленький частный самолет.

— Дэйв сказал, что куча людей сообщала об авиакатастрофах по радиосвязи, помнишь? — сказал Джулиан. — Эта штука ЭМИ уничтожила и самолеты тоже.

— Большинство из них, вероятно, смогли совершить аварийную посадку, — заметил Бишоп. — Пилот, должно быть, пролетал над городом, потерял всю свою электронику и попытался приземлиться на ближайшем поле, которое смог найти.

— И все же, — пробурчал Джулиан. — Представляете, если бы большой реактивный самолет упал прямо на вас?

Ноа вздрогнул.

Они продолжали ехать. По мере приближения к городской черте пейзаж усеивали склады и предприятия. Церковь. Винный магазин. Все темные, все пустые — по крайней мере, они казались пустыми.

Они обогнули поворот, слева — здание университета, справа — река Сент-Джо.

Ноа напрягся.

— Бишоп.

Бишоп сразу же замедлил ход.

— Вижу.

Джулиан наклонился вперед между сиденьями.

— У нас проблемы.

Глава 47

Ханна

День двенадцатый

Время пролетало как в тумане. Ханна лежала на матрасе, укрытая одеялом и подпертая несколькими подушками. Она переделалась в длинную белую ночную рубашку с оборками, оказавшуюся ей на несколько размеров больше. Вероятно, она принадлежала бабушке, которую Ханна представляла себе раньше.

Она не могла рожать в брюках, так что пришлось надеть ночную рубашку.

Призрак лежал рядом с ней. Вытянувшись, он занимал почти всю длину матраса и половину ширины, гора тепла и меха.

Ханна не возражала. Его теплое, мягкое присутствие сосредотачивало ее, удерживало в этой реальности, а не в кошмарах, воспоминаниях, которые преследовали темные уголки ее сознания.

Схватки шли с интервалом в четыре минуты. Боль приходила и уходила волнами. Но это не просто боль или преэклампсия, которой она боялась и страшилась. Это было что-то еще.

Она вцепилась в часы Лиама, изучая каждую тикающую секунду и минуту, словно они могли дать ей ответы, которых Ханна так отчаянно жаждала.

Счет помогал ей оставаться в этом мире, сохранял ее присутствие. Пятнадцать схваток за последний час. За час до этого было только девять. Пока ее родовые боли усиливались, Лиам занялся охраной дома.

Он прибил плиты фанеры, которые нашел в гараже, над раздвижными стеклянными дверями — как сломанными, так и не сломанными. Для надежности добавил слой черных мусорных мешков промышленного размера и толстую клейкую ленту. Это защищало от ветра, холода и снега.

Под переднюю и заднюю двери, ведущие в гараж, он вставил ограничители и закрыл окна. Снял плотные шторы из детских комнат и приклеил их скотчем к окнам гостиной, чтобы заблокировать свет камина.

В метель вряд ли кто-то их увидит, но Лиам проявлял осторожность. Он всегда рассматривал все возможные и наихудшие сценарии, даже раньше, чем она.

С ее губ сорвался еще один стон. Призрак поднял голову и тихонько заскулил. Он прижался мордой к ее щеке, успокаивая.

Обогнув дом и еще раз проверив окна, Лиам согрел у огня кастрюли с водой. Стопка чистых полотенец лежала на столе, готовая и ждущая. Он поставил кастрюлю, подошел и опустился на колени рядом с ней.

Его лицо помрачнело, глаза наполнились тенями, которые Ханна не могла разобрать.

— Что я могу сделать?

Она повернула голову.

— Ничего. Просто... побудешь рядом?

Его рот сжался в тонкую линию. Лиам выглядел нервным и смущенным. Он оглянулся на кухню, потом на свои руки. Когда вновь встретился с ней взглядом, его глаза смотрели твердо.

— Я никуда не уйду.

По правде говоря, она боялась. Ханна была рада, что Лиам здесь. Он нужен ей здесь.

Лиам провел руками по своим каштановым волосам. Волосы торчали тут и там на его голове.

— Ты боишься?

Довольно неожиданный вопрос от него.

— Да, — она посмотрела на свой живот. — А ты?

Долгое время Лиам молчал. Она подумала, что он не собирается отвечать. Наконец, он вздохнул.

— Напуган до смерти.

Ханна отвернулась от него и посмотрела на огонь. Она смотрела на прыгающие, мерцающие языки пламени, пока ее зрение не поплыло.

— Я не хочу этого.

— Полагаю, не хочешь.

— Это делает меня плохим человеком?

Он не колебался.

— Нет.

Огонь разлетался на языки и столбы пламени. Теплое потрескивание заполнило комнату. «Ты в безопасности. Здесь ты в безопасности». Ханна закрыла глаза. На ресницах застыла влага.

— Я хотела еще одного ребенка после Майло. Но все вышло не так, как я думала.

Лиам ничего не сказал, просто терпеливо ждал. Ждал, когда она будет готова рассказать. Или не рассказать. Это зависело от нее.

Она почувствовала, как поднимается тьма, страх, паника и ужас. Боль, страдание и ужас

возвращались, как кошмар, как самый страшный сон, который когда-либо снился, только этот сон был реальным.

— Это не первая моя беременность... с ним. Был еще один... еще один ребенок. — Ханна никогда не говорила этих слов раньше. Ей некому было их сказать. Правда разъедала ее изнутри, не имея возможности выйти наружу, токсичный яд проникал в каждый уголок ее существа.

— Я здесь, если... если ты хочешь, — сказал Лиам медленно, запинаясь. Он прочистил горло. — Если захочешь рассказать...

В его голосе не слышалось осуждения. Его обычная суровость исчезла. Он был нервным, неловким, таким же потерянным, как и она.

Ханна действительно хотела. Ей нужно произнести это, рассказать кому-то. Она доверяла Лиаму. Не только свою жизнь, но и это. Всё.

Он был немногословен, сдержан, свиреп. Но Лиам не был недобрым. В нем не чувствовалось ничего недоброго.

Она перетерпела прилив боли, стиснув зубы, заставляя себя пройти через него, когда боль постепенно уменьшалась, просачиваясь из ее тела, пока в следующий раз не накатила на нее, такая же жестокая и неумолимая, как волны, разбивающиеся снова и снова, размывая береговую линию. Подтачивая ее сопротивление, ее волю.

— Я умоляла его не трогать ребенка, — сказала Ханна тихо, сокрушенно. — Он мог подбросить его на пожарную станцию или в больницу, в любой город или поселок, даже за сотню миль отсюда. Никто бы никогда не узнал правду. Ребенок мог бы жить. Мог бы вырасти с родителями, собакой, качелями на заднем дворе, всем... всем, что у него должно было быть. Детство. Кто-то, кто бы его обнимать, любить его.

— Но Пайк, он... он ничего не оставляет. Никогда. Я принадлежала ему. Как собственность. Все, что я есть, все, что у меня было. Для него ребенок не был настоящим, не был человеком. Он стал просто вещью, чем-то, чем можно дразнить, мучить меня. А потом, когда он родился...

Ее голос прервался. За веками появились яркие и резкие образы, хотела она того или нет, такие же резкие и свирепые, как накатывающая боль.

Она снова была в подвале. Четыре бетонные стены, бетонный пол, матрас, ванная комната, зарешеченное окно, сквозь которое просачивался тусклый дневной свет. Окно — единственное свидетельство того, что мир снаружи все еще вращался, продолжая существовать без нее.

Матрас, пропахший потом и кровью, адская боль, терзающая тело, разбирающая ее на части, клетка за клеткой, кусочек за кусочком, пока не осталось ничего, кроме муки.

Она лежала одна. Ни больницы, ни медсестры или акушерки, ни матери, ни мужа, который держал бы ее за руку. Никто не мог сказать ей, что делать. Никто не мог сказать ей, нормально ли то, что происходит, что она пройдет через это, как миллиарды матерей до нее, что это невероятно жестокое и болезненное явление так же естественно, как дыхание, и является частью круга жизни.

Ханна уже рожала раньше, в стерильной белой больнице с бодрыми врачами и медсестрами в халатах, с ободряющими улыбками. С мониторами, мигающими аппаратами и капельницами, капающими лекарства, которые заглушали боль, притупляли страх.

У Майло нашли нарушение, поэтому врачи назначили кесарево сечение. У нее даже не было родовой деятельности. Все прошло по плану, по расписанию, по сценарию. Синяя

простыня поднялась, отделяя от того, что делали с ее телом. Ханна присутствовала, но не принимала активного участия.

Она лежала там, испытывая тошноту и нервозность, онемев от груди вниз, чувствуя странные безболезненные потягивания, когда врачи тыкали и прощупывали ее внутренние органы.

Когда они подняли синеватого, липкого младенца над голубым полотном простыни, Ханна испытала прилив удивления, восторга и любви — о, такая любовь, такая сильная и неистовая, что у нее перехватило дыхание.

Она полюбила Майло, как только его увидела.

Вторые роды совсем не походили на первые. Вместо предвкушения — страх. Вместо удивления — смятение. Вместо радости — ужас.

Вместо порядка, чистоты и стерильной точности царили паника, страх и страдание.

Что она знала о сантиметровом раскрытии или времени схваток? Некому было сказать ей: «Когда схватки будут идти с интервалом в пять минут, делай то-то» или «Когда отойдут воды, делай то-то».

Приседай. Дыши. Тужься. Кричи.

Это вообще чудо, что ребенок родился живым.

Три дня она прижимала его к груди, кормила, заставляла срыгивать, вытирала его мочу и какашки рваными кусками простыни, которую стирала в раковине.

Она не дала ребенку имя. Она не могла заставить себя сделать это. Она не могла его полюбить. Он принадлежал Пайку. Не ей.

А потом появился Пайк. Ханна никогда не забудет его выражение лица, когда он увидел крошечного младенца у нее на руках, эту улыбку, его глаза смотрели ровно и холодно.

Она сказала.

— Пайк убил моего ребенка.

Глава 48

Ханна

День двенадцатый

Снова появилась знакомая боль в средней части спины, давящая вниз и наружу через таз. Боль растягивала и расширяла ее, неустанно и настойчиво, требуя, чтобы все остальное — ее тело — отступило назад и освободило место.

Освободило место для новой жизни.

Мысленно Ханна встретила боль сжимая кулаки. Ей казалось, что она борется с собственным телом. Борется с собой. Она не готова. Не хотела этого.

Схватки ослабли, Ханна резко вдохнула и открыла глаза. Уставилась на огонь, боясь взглянуть на Лиам. Боясь увидеть разочарование в его глазах.

— Ты ни в чем не виновата, — хрипло проговорил Лиам. — Ты ничего не могла сделать.

Но он не знал, насколько холодным было ее сердце. Он не знал, что даже когда умоляла спасти жизнь ребенка, она не чувствовала к нему ничего, ничего, кроме пустоты, которая тянула ее в темноту, такую кромешную тьму.

— Я не любила его. Не смогла полюбить.

Лиам наклонился вперед и взял ее за руку. Ее больную руку. Уродливую, неправильной формы. Он не отшатнулся. Он держал ее между своими грубыми и мозолистыми ладонями.

Слезы наворачивались на глаза и текли по щекам.

Она никогда не плакала по нему. Она не умела плакать по нему.

Ханна позволила своему ребенку умереть. Она не боролась достаточно сильно, не поднялась с окровавленного матраса и не бросилась на монстра, не пожертвовала собой, даже зная, что они оба умрут.

Стыд проник глубоко в ее кости и засел там, как боль. Следовало попытаться. Кем она была, что даже не попыталась? Она лежала там, онемев от ужаса, навсегда застряв в этом моменте, как муха, заключенная в янтарь. Что она за мать?

С ее губ сорвался тихий всхлип.

— Ты не могла остановить это, — сказал Лиам, словно прочитав ее мысли. — Ты просто выживала.

— Что, если я не смогу полюбить этого? Что если...?

— Нужно решать по одной проблеме за раз. — Лиам нежно сжал ее больную руку. — Мы разберемся с этим, когда родится ребенок.

Он сказал «мы». Он был здесь. В этот раз все по-другому. Она не одна.

Головная боль обрушилась на нее с новой силой. Казалось, будто топор раскалывает ее череп на части.

А потом боль пронзила ее — огромная, всепоглощающая — и мысли разбежались, уносясь от нее красными волнами.

Схватка началась где-то в спине и двигалась слой за слоем к самой глубине таза. Она вырывалась наружу, распространяясь, расширяясь, проникая в живот, грудь, бедра, позвоночник, словно желая выжать его прямо из кожи.

Качество боли изменилось. Более интенсивная. Более интимная.

Казалось, что ее самые глубинные части тела разрываются на куски — ее кости, ее плоть — раздвигаются, чтобы выпустить что-то новое.

Ханна рычала и стонала, страстно желая, чтобы боль утихла, но она не утихала. Болел живот, таз, пульсировала голова. Темнота висела в уголках ее зрения.

«Презекламсия», — смутно подумала она. Ее кровяное давление стало слишком высоким, подскакивало, и она не знала, что делать, чтобы остановить это.

Боль достигла пика, но вместо того, чтобы утихнуть, стала пульсировать глубже, сильнее, так сильно, что Ханна не могла дышать, забыла о дыхании. Боль оказалась такой настойчивой, такой упорной, что она не могла избавиться от нее. Не могла продолжать. Эта сила захватывала ее, уничтожала ее.

Она закричала, в отчаянии, в панике.

— Ханна! — позвал Лиам. — Ханна!

Его голос отдаляется, стихает.

Она больше не могла видеть его, не могла чувствовать его.

А потом чернота хлынула в ее глаза, и Ханна кружилась, кружилась, кружилась в пустоте, в открытом пространстве, в глубокой серой воде без дна и без поверхности. Она плыла и плыла, и не могла достичь берега, не могла прорваться на поверхность, застряла в пространстве, где больше не существовало света и цвета.

Боль исчезла. Осталось только это, только пустота.

Какой-то маленький фрагмент ее разума понял. Ханна балансировала на грани чего-то. В отличие от тех случаев, когда ее разум исчезал, уходил куда-то еще, а потом возвращался, этот раз был не такой. Это навсегда.

Все могло закончиться — боль, холод, тревога, отчаяние, стыд и горе. Страх.

Это настоящий дар. Подношение.

Ей нужно лишь отпустить себя.

Глава 49

Ноа

День двенадцатый

Ноа всматривался в лобовое стекло. Его пульс громко стучал в ушах. Адреналин бурлил в венах. Он крепче сжал АК-47, но держал его низко под окнами.

Миновав университет, они подъехали к железнодорожному мосту, возвышающемуся впереди над ними. Справа их путь преграждала река, слева — высокая бетонная насыпь.

Несколько автомобилей заблокировали дорогу под мостом. Справа стояла снегоуборочная машина, слева — школьный автобус. Посередине оставалось узкое пространство, достаточно широкое для проезда одной машины, а в центре дороги, примерно в пятнадцати ярдах от заграждения, стоял серый грузовик, припаркованный боком.

За автобусом, снегоуборочной машиной и грузовиком притаилась дюжина фигур, одетых в теплую зимнюю одежду. Были видны их головы, плечи и длинные ружья, стволы которых уставились на их «Форд».

— Бишоп, — предупредил Джулиан.

— Понял! — Бишоп резко свернул влево, пытаясь совершить разворот и вывезти их оттуда. Но ему не хватало места из-за большого количества заглохших машин и резкого обрыва к реке справа от них.

Он наехал на бордюр и попытался затормозить. Решетка радиатора уткнулась в крыло бордовой «Тойоты», припаркованной на обочине. Металл закрипел и издал ужасный скребущий звук. Грузовик резко остановился.

Они остановились боком посреди дороги в двадцати ярдах от импровизированной баррикады.

— Поехали! — закричал Джулиан.

Бишоп завел двигатель и попытался сдать назад. Снег и грязь вылетали из-под шин. Колеса вращались и никуда не ехали.

— Я не могу! Мы застряли!

— Не двигайтесь! — прокричал мужской голос в мегафон. — Выбросьте оружие из окон!

— Мы полицейские! — крикнул Ноа из открытого окна. — Опустите оружие!

— Мы будем стрелять! — продолжал мужчина, словно не слыша его. — Выбросьте оружие и выйдите из машины. Ложитесь, положив руки на голову!

Никто даже не стал ждать, пока они подчинятся. Три выстрела один за другим разорвали воздух. Пуля отскочила от переднего крыла.

Сердце Ноа заколотилось в груди. Он и Бишоп пригнулись на своих местах. Джулиан опустил голову как можно ниже, выплевывая проклятия и проверяя запасные патроны.

Пассажирская сторона располагалась напротив заграждения. Ноа оказался на линии огня почти беззащитным. В отличие от фильмов, хлипкий металл двери автомобиля практически не защищал от мощного выстрела.

— Это становится слишком опасно, — пробормотал Бишоп.

— Думаешь? — проговорил Джулиан. — Нам нужно выбраться из этой консервной

банки и дать себе пространство для маневра. Возможно, мы могли бы сделать разворот, но из-за какого-то гения мы застряли. Теперь нам крышка.

Прозвучало еще два выстрела. Они не попали в грузовик. Предупредительные выстрелы, пока что.

Бишоп повернулся, пытаясь расстегнуть ремень безопасности в тесном пространстве. Он положил одну руку на ручку водительской двери.

— Готовы?

Ноа и Джулиан напряженно кивнули.

Бишоп распахнул дверь и выпрыгнул наружу. Ноа бросился за ним, его винтовка неловко стукнулась о приборную панель, едва не запутавшись в ремне безопасности. Он сильно дернул, и оружие вылетело вместе с ним.

Джулиан выругался, выпрыгнув через заднюю дверь и неловко приземлился.

Ноа упал на снег на четвереньки и пополз вперед к переднему колесу. Бишоп и Джулиан подползли к нему. Ноа и Джулиан держали в руках АК-47, Бишоп схватил дробовик.

Холодный воздух обжигал щеки, уши и нос Ноа. Снег просачивался сквозь джинсы и охлаждал ноги. Его учащенное дыхание клубилось перед ним, как белый туман.

— Вы — законники, — сказал Бишоп. — Каков план?

— Мы не отдадим наше оружие, — ответил Ноа. — Ни за что.

Джулиан опустился на колени и прислонил винтовку к капоту. Еще один выстрел расколол воздух, и он спрятался назад.

— Они стреляют в нас. Мы стреляем в ответ. И мы стреляем на поражение.

Бишоп рискнул заглянуть через капот.

— Они не похожи на бандитов или головорезов. Это обычные люди. Посмотри на их лица. Они напуганы.

— Я слишком занят тем, что слежу за их оружием и пытаюсь не быть убитым, — огрызнулся Джулиан.

— Они просто напуганы, — повторил Бишоп. — Мы можем все обсудить.

— Напуганные люди опасны. Мне все равно, кто они. — Джулиан посмотрел на Бишоп. — Эта твоя воображаемая линия между хорошими и плохими парнями? Ее не существует.

— Существует.

Адреналин затопил Ноа. Внутри тела образовалась пустота.

— Мы не должны вступать в перестрелку, если в этом нет необходимости.

Джулиан бросил на него презрительный взгляд.

— Поздно! Мы уже ввязались в перестрелку.

— Они стреляют над нашими головами, — заявил Бишоп.

— Они ужасные стрелки. Ну и что?

У Ноа разболелась голова. Стресс и адреналин мешали думать, взвешивать факты. Это правда, после первого выстрела ни одна пуля не попала в грузовик.

Он не хотел провоцировать еще одну кровавую баню. К тому же он не испытывал желания быть убитым сегодня. И он не мог позволить себе потерять кого-то еще. Ни Джулиана. Ни Бишоп.

— Они подписали свой смертный приговор, сделав первый выстрел! — Челюсть Джулиана сжалась, мускул на его щеке дрогнул.

— Они просто пытаются нас напугать, — прошипел Бишоп. — Если мы раним или

убьем одного из них, все изменится.

Гнев, смешанный с презрением, искажил черты Джулиана. Не дожидаясь ответа, он вскочил, прицелился и выстрелил в автобус. Он пробил две дыры в лобовом стекле. Стекло разлетелось на липкие осколки.

Бум! Бум! Два выстрела из дробовика в ответ.

— Следующий выстрел — на поражение, — прокричал Джулиан.

Ноа низко пригнулся. Джулиан ошибался. Ноа чувствовал это, глубоко внутри. Джулиан вышел из-под контроля. В нем бурлила тьма, ярость, которую Ноа не понимал. Из-за него они все могут погибнуть.

Он должен помешать своему другу совершить непоправимую ошибку. Каждая секунда, которую они теряли здесь, приближала Майло к смерти. Нужно действовать быстро.

Ноа прислонил винтовку к колесу, пошарил в кармане в поисках значка и вытащил его. Он взглянул на Бишопа, его сердце бешено стучало.

— Прикрой меня.

Бишоп кивнул.

— Прекратите стрелять! — крикнул он своим глубоким баритоном. Звук раздался в тишине, отражаясь от снега. — Сейчас выйдет полицейский, и он безоружен!

— Какого черта? — прорычал Джулиан. — Ноа, не...

Ноа поднялся и обошел грузовик спереди. Он поднял руки вверх, высоко держа значок, и вышел на дорогу.

Глава 50

Ноа

День двенадцатый

Ноа шел вперед, подняв руки вверх и размахивая своим значком. На мокром, грязном снегу он едва не поскользнулся. Легкие горели, когда он делал холодные, неглубокие вдохи.

— Полиция! Мы не представляем угрозы. Не стреляйте!

Ужас смешался с тревогой, скрутившей его внутренности. Это либо самый умный, либо самый глупый поступок в его жизни. По крайней мере, он знал, что Бишоп и Джулиан — вне зависимости от степени недовольства — прикроют его.

Если его подстрелят, эти люди дорого за это заплатят.

Ноа остановился на полпути между двумя группами.

— Двое мужчин со мной — отличные стрелки. Если выстрелите в меня, то потеряете несколько своих людей.

— Вы могли стрелять на поражение, — прогремел Бишоп. — Вы этого не сделали. Мы могли стрелять на поражение. Вон тот парень в бейсболке «Детройт Лайонз» все время держал голову и плечи открытыми. Мы могли бы легко его убить.

Парень покраснел и снял бейсболку, как будто это могло что-то изменить.

— Пока никто не пострадал, — подхватил Ноа. — Мы все еще можем отмотать назад.

— Скажи своим друзьям позади тебя, чтобы бросили оружие! — крикнула женщина.

— Этого не произойдет, — сказал Ноа. — Вы опустите свое.

Из-за автобуса вышел мужчина в зимней одежде. Ноа разглядел обветренный овал бледного лица и ключья седеющих волос. Он держал револьвер в обеих руках и целился в Ноа.

Чернокожая женщина средних лет шла за ним, с ружьем наперевес, прижатым к плечу,

готовая выстрелить.

— Даже не двигайся.

Ноа оставался неподвижным. Он высоко поднял значок.

— Я офицер полиции из Фолл-Крика.

— Ты можешь сказать, что ты кто угодно, — заявила женщина. — Возможно, ты убил полицейского и украл его значок.

— Мое полицейское удостоверение находится в бумажнике. Там есть мое имя, звание, ведомство и моя фотография.

— Брось его нам, — велел мужчина.

Двое мужчин вышли из-за снегоуборочной машины, оба с ружьями. Один чернокожий, другой латиноамериканец. Обоим за сорок, и они были немного полноваты, одеты в джинсы и шерстяные пальто, шапки и шарфы. По виду они скорее походили на учителей или бухгалтеров, а не на бандитов.

Но это не значит, что они не опасны. Любой человек способен на многое, если его довести до крайности, если он достаточно отчаялся. Ноа знал это.

Перед глазами промелькнула картина избитого лица Билли Картера. Его тело все еще лежало в грязном, замусоренном трейлере, где они его оставили. Там, где его оставил Ноа. Он прогнал неприятное воспоминание.

Ноа бросил значок к ногам женщины. Она не сводила глаз с Бишопа и не двигалась. Брюнетка в очках и желтой вязаной шапочке подошла к ней сзади, взяла значок и осмотрела его. У нее был пистолет и охотничье ружье, перекинутое через плечо.

Две женщины негромко переговаривались с пожилым мужчиной. Старик кивнул, когда они пришли к какому-то соглашению.

Старик повернулся к Ноа.

— Кто ты?

— Я офицер полиции Ноа Шеридан. Со мной офицер Синклер так же, как и пастор из церкви Кроссвей в Фолк-Крике, Аттикус Бишоп.

Ноа почувствовал движение позади себя. Шаги хрустели по снегу, когда Бишоп обогнул грузовик и встал рядом с Ноа.

— Мы просто хотим поговорить.

Старик жестом указал своим людям.

— Отставить. Опустить оружие.

Мужчины и женщины повиновались. Еще три человека вышли из-за ограждения, образовав группу примерно из десяти человек. Выражения их лиц были мрачными и изможденными. Они все еще выглядели настороженными, но опустили оружие.

Ноа опустил руки. Бишоп опустил ружье.

— Джулиан, — сказал Ноа. — Ты можешь выйти сейчас. Пожалуйста, не стреляй ни в кого.

Джулиан вышел из укрытия и подошел к группе. Он повесил винтовку на плечо, но свой табельный пистолет держал наготове.

— В этом нет необходимости. — Ноа протянул руку и опустил пистолет Джулиана. — Эти люди не желают нам зла. Они просто защищали свой город.

— То, что от него осталось, — отметила женщина в желтой вязаной шапочке.

Джулиан пробормотал проклятие и бросил мрачный взгляд на Бишопа, словно виня его в этом затруднительном положении. Неохотно он опустил пистолет на бок.

Старик застегнул пальто и убрал револьвер в кобуру.

— Меня зовут Мик Селлерс. Недавно назначенный глава службы безопасности города Найлс. Отслужил двадцать лет в морской пехоте, так что, полагаю, эта работа досталась мне по умолчанию. Жаль, что за нее не платят ни гроша. В данный момент я бы согласился и на бобы.

Ноа протянул руку.

— Хотелось бы сказать, что мне было приятно познакомиться с вами.

Селлерс пожал его руку, поморщившись.

— Я прошу прощения за недоразумение. Жаль, что мы не можем оказать вам более теплый прием.

— У вас много проблем с мародерством? — спросил Бишоп

— Конечно. Так везде, полагаю. Но дело не только в этом, — серьезно сказал Мик. — Три дня назад на нас напали.

Ноа напрягся.

— Кто напал?

— Хороший вопрос. Мы не уверены. Их было почти тридцать человек. Хорошо организованные и хорошо вооруженные. Они пришли с оружием наперевес. Наши магазины и аптеки были уже пусты. Похоже, они знали об этом и оставили их в покое. Они ограбили два аварийных убежища, украли остатки бензина с трех станций, а также разгромили около тридцати домов. Убили семь человек, которые пытались защитить наши запасы.

— Похоже на банду из Бентон-Харбор. — Джулиан попятился назад, нахмурившись, отказываясь убирать в кобуру свой табельный пистолет. Вероятно, он все еще сокрушался из-за того, что не смог арестовать всех за то, что они на него набросились.

Ноа проигнорировал его. Он любил Джулиана, но тот мог быть придурком.

Эти люди не враги. У них и так хватало врагов. Незачем наживать еще больше.

Мик постучал ногами и поежился.

— Не знаю. Они выглядели слишком профессионально, чтобы быть бандой или разношерстной группой отбросов.

— Думаете, ополченцы? — спросил Ноа.

— Возможно. Может быть и отряд нелегальных военных или Национальной гвардии, я так думаю.

— Это коснулось не только нас, — сказала женщина в желтой шапке. — Сагинау пострадал четыре ночи назад. Мы только что получили сообщение, что Бриджман подвергся нападению прошлой ночью. Тот же почерк. Они ворвались туда незадолго до полуночи. Нанесли точный и смертоносный удар. Некоторые из бриджманцев пытались отбиться. Тринадцать из них мертвы.

По позвоночнику Ноа пробежал холодок. Сможет ли Фолл-Крик защитить себя от организованных, профессиональных убийц? Хватит ли людей Саттера, если такая группа обратит свое внимание на их маленький городок?

— Мы просили о защите Национальной гвардии, но ничего не получили, — поделился Мик. — Губернатор слишком занят, пытаясь сдержать насилие в Детройте, Гранд-Рапидсе, Каламазу. Везде, кроме нас. Но у нас здесь тоже есть отчаявшиеся люди. Мы легкая добыча. — Он похлопал по револьверу на своем боку. — Поэтому мы решили сами защитить наш город. Если они придут снова, мы будем готовы.

— Разумное решение. Мы делаем то же самое.

— Как держится Фолл-Крик? — спросила женщина.

Лицо Бишопа исказилось. На мгновение показалось, что он может выйти из себя. Он сделал шаг назад и протер глаза тыльной стороной руки.

— Мы столкнулись со своей долей насилия, — быстро сказал Ноа, давая Бишопу время прийти в себя. — Это оказалось... трудно.

Ветер усилился, поднимая вихри снега и кусая открытое лицо Ноа. Зубы Джулиана стучали. Только Бишоп, казалось, не страдал от холода. Он даже не надел капюшон своей ярко-оранжевой куртки.

— Весь мир перевернулся и сошел с ума. — Мик подул на свои сложенные ладони. — Ну, вы проделали весь этот путь не для того, чтобы стоять здесь и отмораживать себе яйца. Чем мы можем вам помочь?

Глава 51

Ноа

День двенадцатый

Мик Селлерс пожелал им удачи и обеспечил вооруженный эскорт через город.

В Найлсе ничего не удалось найти. Мик и остальные объяснили, что больница практически не функционирует. Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям планировало закрыть ее в ближайшие пару дней и перевести все медицинские ресурсы в действующие больницы в Каламазу, примерно в шестидесяти милях к северо-востоку.

Врачи, медсестры и медицинский персонал работали на пределе своих возможностей. Последняя поставка медикаментов состоялась за день до Черного Рождества. Транспортные службы агентства доставили некоторые материалы в местные больницы, но они закончились буквально через день или два.

Местные клиники, врачебные кабинеты и центры неотложной помощи уже давно опустели и были объединены. Но они не могли вернуться домой с пустыми руками. Они должны продолжать поиски, надеясь, что некоторые критически важные материалы оказались забытыми.

Ноа с друзьями продолжили движение на восток до Бьюкенена, затем вернулись назад и направились на запад по шоссе 12 до Эдвардсбурга, на север по шоссе 62 до Кассополиса, а затем на северо-восток до Давагиака.

Везде наблюдалась одна и та же история.

Ноа выезжал за пределы Фолл-Крика всего один раз с кануна Рождества, и то ночью. Всего за две недели Юго-Западный Мичиган стал похож на страну третьего мира.

Большинство магазинов, предприятий и ресторанов подверглись разграблению и мародерству. Окна разбиты. Входные двери сорваны с петель или разбиты. На фасадах магазинов красовались непристойные граффити.

В окрестностях оказалось не лучше. Мусорные кучи выстроились вдоль обочин. Когда у людей заканчивались мусорные пакеты, они использовали полиэтиленовые продуктовые пакеты. Когда и они заканчивались, люди сваливали свои отходы в кучи на краю двора.

Мусор летел через дороги, через дворы, зацепляясь за заборы и деревья. Порванные пластиковые пакеты с отходами развевались и трепетали на ветру, как флаги.

Ноа указал им налево.

— Возможная угроза на девять часов.

— Я вижу их, — сказал Джулиан.

Трое подростков затаились в тени между банком и разграбленным «Макдональдсом». Вероятно, они поджидали работающий автомобиль, чтобы ограбить или украсть его. Они были вооружены бейсбольными битами и монтировками. Никакого оружия Ноа не заметил.

Тем не менее, они должны проявлять осторожность.

Ноа небрежно высунул винтовку через открытое окно.

Сопляки увидели это. Их глаза стали огромными, и они начали жестикулировать друг другу. Через несколько секунд они скрылись за банком. Они будут ждать, когда появится более легкая добыча.

Грузовик мог стать хорошим призом, но не ценой перестрелки, которую они проиграют. Они еще не настолько отчаялись.

Как скоро они впадут в полное отчаяние? Ноа продолжал думать о жителях Найлса, их изможденных лицах и о том, что Мик Селлерс говорил о жестоких нападениях на местные города.

Фолл-Крик должен быть готов, когда эти профессионалы придут к ним.

Ноа выкинул эту мысль из головы. С этим придется разбираться в другой день. Кроме того, у них имелись ополченцы. Именно по этой причине они пошли на столь радикальные компромиссы. Угрозы подстерегали повсюду.

Из многих домов доносилась ужасная вонь мочи и фекалий. В этих больших городах люди полагались на городскую воду и канализацию, а не на септические системы.

Ноа закашлялся и прикрыл нос и рот локтем. Его глаза слезились.

— Как люди могут так жить?

— Они, должно быть, продолжали пользоваться своими туалетами, пока сточные воды не хлынули в их дома, — сказал Бишоп. — Никто не объяснил им, как строить уборные или самодельные туалеты.

Они проехали мимо большого, величественного дома в стиле ремесленников на углу. Мужчина и два его сына-подростка работали на подъездной дорожке, пилами и топорами разрушая высокий деревянный книжный шкаф и заготавливая кучу дров. Позади них стоял деревянный комод.

В некоторых домах отломали деревянные перила на крыльце. Во дворах других домов виднелись свежие пни — срубленные красивые деревья клена и магнолии, хотя непросохшую древесину будет трудно сжечь.

— Им стоило прочесывать лес, собирая валежник, — заметил Ноа. — Вон тот дуб еще стоит, но он уже мертв. Лучше бы сначала занялись им.

— По крайней мере, они сжигают все, что могут, — тихо проговорил Бишоп.

Они обыскали клиники неотложной помощи, медицинские пункты на дому и учреждения длительного ухода. В домах престарелых закончилось топливо для генераторов, и они перевели своих постояльцев в более крупные учреждения под руководством Красного Креста и чиновников по чрезвычайным ситуациям.

В каждом здании уже вынесли все, даже мусорные пакеты и перчатки для медицинского осмотра. Джулиан охранял грузовик, пока Бишоп и Ноа искали. Снова и снова они ничего не находили.

Однажды в Джулиана стреляли несколько отморожков, которые хотели украсть их грузовик, но Джулиан выстрелил в ответ. Придурки исчезли.

Никто больше не осмеливался нападать на них. Хотя несколько раз они замечали тени за разбитыми окнами, перебегающие от здания к зданию. Несомненно, за ними наблюдали.

Если бы они оказались здесь после наступления ночи, то попали бы в беду. Отморозки, бандиты и преступники не замедлили бы появиться.

Они должны найти что-нибудь, и поскорее.

С каждым рейдом и пустой клиником тревога Ноа возрастала. Ему казалось, что огромная рука сжимает его сердце все сильнее и сильнее. Его мысли крутились вокруг беспокойства за Майло, за всех больных и страдающих в приюте.

Что, если они потерпят неудачу? Сколько людей погибнет? Что случится с Майло?

Прошло несколько часов. День выдался настолько пасмурным, что они могли определить время только по механическим часам Ноа. Ранний полдень перешел в ранний вечер. Облака стали густыми и темными.

Джулиан начал проявлять все большее беспокойство. Даже Бишоп был на взводе. Ноа чувствовал, как напряжение между ними потрескивает, как статическое электричество, как собственная буря.

У них заканчивалось время.

Глава 52

Ноа

День двенадцатый

Грузовик ехал по центральной улице Давагиака, города с населением около пяти тысяч человек, расположенного в пятнадцати милях к востоку от Фолл-Крика. Они проехали мимо автомойки, «Бургер Кинга», «Сабвея», пустующей бензоколонки, шиномонтажной мастерской и круглосуточного магазина на углу.

Магазин оказался разгромленным. Рядом с ним находился ветеринарный кабинет, вывеску «Клиника для животных «Друг» все еще украшали рождественские гирлянды и еловые ветки.

Бишоп ударил по тормозам. Колеса забуксовали. Грузовик на мгновение занесло, и он остановился посреди перекрестка.

Ноа едва не соскользнул с сиденья и не врезался в приборную панель. Его сердце заколотилось в груди. Он неловко поднял винтовку и направил ее в окно. Вытянув шею, оглядел пустые улицы в поисках опасности.

Светофор не горел. В двух десятках ярдов впереди на встречной полосе заглохли внедорожник и малолитражка, занесенные снегом настолько, что невозможно различить их марки и модели.

На углу справа от них находилась аптека, с разбитыми окнами, без движения в тени. То же самое с офисным зданием слева. Оно было двухэтажным, и в окнах второго этажа ничего нельзя было разглядеть. Волоски на его затылке поднялись.

— В чем дело? — спросил он. — Что случилось?

Бишоп стукнул кулаком по рулю.

— Вот оно!

— Лучше бы это оно оказалось хорошим, — огрызнулся Джулиан. — Потому что вождение у тебя отстойное.

— Дафна. — Бишоп втянул воздух и провел одной рукой по лицу. — Она ветеринар. — Его челюсть напряглась, когда он запнулся. — Она была ветеринаром. Она жаловалась, когда девочки болели, и нам приходилось так много платить за антибиотики. Она сказала, что антибиотики для животных почти такие же. У них есть амоксициллин для кошек и

собак. Антибиотики для рыб.

Облегчение пронзило Ноа.

— Серьезно?

— Да. И не только антибиотики одинаковые. Внутривенные солевые растворы тоже.

— Фантастика, — проворчал Джулиан, в его голосе звучал сарказм. — А ты, конечно, не торопился нам рассказывать.

— Мне жаль. Правда. У меня было много забот.

— Сделай ему поблажку, Джулиан, — сказал Ноа. Он радовался, что у них есть еще один вариант. — Давай сходим посмотрим.

Бишоп заглушил двигатель, и они еще раз осмотрели окрестности, прежде чем вылезти. Джулиан остался позади, чтобы прикрывать их спины и охранять грузовик.

Входная дверь в клинику осталась запертой, но окна выбиты. Осколки стекла блестели повсюду. Бишоп и Ноа осторожно пролезли внутрь.

В помещении было темно и холодно. Ноа включил фонарь, установленный на оружии. Сняв с пояса свой фонарик, он перебрал его Бишопу. Приведя оружие в состояние повышенной готовности, они осмотрели приемную, смотровые кабинеты и офис.

Некоторые полки уже успели обчистить, но далеко не все. Они нашли коробки с наполнителем для кошачьих туалетов, ошейники от блох и лекарства от сердечных червей, а также различные пакеты с кормом для кошек, собак и птиц.

— Люди обязательно придут сюда, чтобы взять корм для своих питомцев, — рассуждал Бишоп. — Животным нужно есть столько же, сколько и нам.

Они осторожно двинулись по затемненному заднему коридору, держа наготове оружие. Миновали комнату персонала и кладовку уборщика. В последней комнате они нашли медицинские принадлежности.

Бишоп прислонил дробовик к стене возле двери и посветил фонариком на ряды бутылок и коробок с лекарствами, марлей, бинтами и разными безделушками. Этикетки украшали милые изображения щенков и котят.

— Слава Богу! — Бишоп отбросил коробку с препаратами от сердечных червей и перешел к антибиотикам для животных. Он провел рукой по полке и высыпал в коробку десятки бутылочек с таблетками. — Амоксициллин. Гентамицин. Клиндамицин. Доксициклин.

— Черт возьми. Мы только что сорвали джек-пот.

В кузове грузовика они привезли ящики, прочные большие мешки для мусора и тележку, но здесь стояло множество картонных коробок, несколько из которых уже опустели. Ноа опустил винтовку на перевязь, взял коробку и начал складывать припасы.

— Ты чувствуешь вину за то, что мы просто берем эти вещи? Я представитель закона. Я должен останавливать людей от воровства и мародерства.

Бишоп провел рукой по своим жестким волосам. Его афро вернулось на место.

— Я не претендую на то, что у меня есть ответы на все вопросы. Или что я всегда знаю, что правильно. Но я верю, что сохранение невинной жизни превосходит меньшие грехи. Когда страна снова заработает, мы сможем вернуться и заплатить владельцу бизнеса за то, что мы взяли, чтобы сохранить жизнь нашим близким. Если бы он или она находились сейчас здесь, мы бы заплатили им, или мы бы пошли дальше и искали другой заброшенный магазин. Есть разница между тем, чтобы взять оставленные вещи и украсть у человека, которому эти вещи нужны для выживания так же, как и нам.

Ноа натянуто улыбнулся.

— Спасибо, что успокоили мою совесть, пастор. Я знал, что мы дружим не просто так.

Бишоп фыркнул.

— Так вот почему мы оставались друзьями все эти годы? Ты думаешь, подружившись с проповедником, сможешь спастись благодаря ему?

— Да, именно так я и думал.

— К сожалению, это так не работает.

— Ну, тогда ты мне не нужен.

В резкой игре тени и света от лучей фонарика Ноа уловил легкое подергивание губ Бишопа.

Может быть, с Бишопом действительно все будет в порядке. Не сегодня. Не завтра. Но когда-нибудь в скором времени. Может быть, они все будут в порядке.

Ноа нашел бутылки с физраствором с надписью *NaCl 0,9 %* и аккуратно сложил их в большой картонный ящик вместе с наборами для внутривенных вливаний, шприцами и иглами. Иглы были другие, но Бишоп заверил, что они подойдут для людей.

— А как насчет этих игл-бабочек? — спросил Ноа.

— Конечно. Они отлично подойдут для детей, пожилых людей, всех обезвоженных. Кроме того, я нашел большую коробку многоцветных пакетов для льда. Мы можем наполнить их снегом вместо того, чтобы использовать мокрые мочалки. Они пригодятся при любых шишках и синяках.

Как только они собрали первую стопку коробок, Ноа взял фонарь и направился обратно через здание к входу, чтобы забрать тележку из кузова грузовика.

Снаружи температура стремительно падала. Менее чем через час наступят сумерки.

Джулиан прислонился к машине, его винтовка была наготове. Он топал ногами, дрожа.

— Ну как?

— Мы нашли то, что нам нужно. — Ноа выгрузил тележку и неловко перетащил ее через заснеженную обочину. — Какие-нибудь проблемы?

— Неа. Все умные люди затаились внутри, укрываясь от бури, надвигающейся на нас.

Прежде чем Ноа успел вернуться внутрь, Джулиан схватил его за руку.

— Ты должен быть осторожен.

— Осторожен в чем?

Джулиан сузил глаза и понизил голос.

— Он делает тебя мягким, Ноа. Он становится обузой.

Ноа покачал головой.

— Они просто горожане. Наши соседи. Мы поступили правильно, что не стали стрелять. Мы все на одной стороне.

Джулиан ничего не сказал. Недовольное выражение на его лице говорило за него.

Ноа отдернул руку. У него нет времени разбираться с плохим настроением Джулиана. Ноа думал о Майло, чувствовал, как утекают секунды, как растет его тревога.

— Мне нужно вернуться внутрь. У нас еще несколько партий.

Он прошел в клинику и погрузил еще несколько коробок на тележку. Ноа не мог выбросить слова Джулиана из головы. Они неустанно звучали на задворках его сознания.

Ноа знал, где Бишоп провел черту. Он знал, что Джулиан не верил в существование границ, особенно когда на кону стояло выживание. И это была своего рода линия на песке.

Вопрос лишь в том, где проходила его собственная?

Глава 53

Ноа

День двенадцатый

Ноа выгрузил бутылки в ящик и потянулся за новыми. Его пальцы окоченели от холода, почти онемели.

Он взглянул на Бишоп.

— Мы чуть не открыли огонь по людям, которые просто пытались защитить свой город.

— Но мы этого не сделали, — заметил Бишоп.

— Потому что ты сохранял спокойствие. Джулиан, он собирался...

— А ты вмешался и предотвратил кровавую бойню.

— Тебе приходилось убивать кого-нибудь в бою? — Ноа стало стыдно, что он никогда не спрашивал. — Прости. Ты не обязан отвечать на этот вопрос.

— Да. В Сирии. Не один раз.

Ноа проглотил комок в горле. Его грудь напряглась.

— Я никогда никого не убивал до налета на лагерь Картеров. Никогда даже не стрелял с намерением попасть в другое человеческое существо.

Бишоп взглянул на него.

— Нелегко нести такой груз.

Ноа схватил несколько бутылок антибиотиков для рыб, сжимая их так сильно, что его пальцы болели в знак протеста. Бишоп даже не представлял насколько тяжело это давалось Ноа.

— Это так.

— Я верю в самооборону. Я не боюсь взять в руки оружие. Я только хотел бы... — Бишоп на мгновение отвернулся, пытаясь собраться с мыслями. Когда он заговорил снова, его голос звучал резко. — Израильтяне защищались мечами и стрелами. На самом деле, они выступали в роли агрессоров десятки раз. Наконечник Божьего праведного копья. Иногда убийство необходимо.

Бишоп посмотрел на свои руки, его лицо помрачнело.

— Коварство убийства в том, что в следующий раз совершить его становится легче. И еще проще в следующий раз. Сдерживаться с каждым разом все труднее и труднее. Сложно остановиться. Ты начинаешь бояться самого себя.

Ноа ничего не ответил.

— Насилие порождает насилие. Кровь порождает кровь. Есть убийства праведные и убийства, мотивированные яростью и мстостью. Справедливое и щепетильное правосудие приносит мир. А жажда мести порождает еще большее кровопролитие. Нужна мудрость, чтобы увидеть разницу.

Джулиан не просто убил кого-то. Он убил его, Ноа.

«А ты стоял в стороне и смотрел, как это происходит».

Чувство вины зарычало в его нутре, застряло в горле.

Он был полицейским. Служителем закона. В реальном мире, до этой катастрофы, Джулиан отправился бы в отпуск прямо сейчас, в ожидании расследования, которое признало бы его виновным, виновным, без сомнения.

А кем был Ноа?

Он подумал о резне в Кроссвей. Образы пронеслись в его сознании. Кровь брызгала и

разлеталась по стенам, скамьям, ковру, телам.

Ноа вспомнил распухшее, окровавленное лицо Билли Картера. Видел, как Джулиан нажимает на спусковой крючок, в упор простреливая ему череп. Убийство безоружного подозреваемого.

Они взяли закон в свои руки. Действовали из ярости и ненависти, а не из справедливости.

В этом и заключалась разница, которую имел в виду Бишоп.

Стыд нагрел его щеки. Ноа потрогал обручальное кольцо под перчаткой. Что Ханна подумает о нем теперь?

— Хочешь чем-нибудь поделиться, старина? — Бишоп сказал это негромко, но Ноа знал, что он говорит серьезно. Он предлагал Ноа выход. Шанс признаться. Облегчить свою совесть.

Но Ноа не хотел это принимать. Не был готов к этому.

— Я рядом, ты знаешь, — добавил Бишоп. — Я всегда рядом.

После они ни о чем не говорили. Оба работали молча, погруженные в свои тяжелые мысли. После очередной загрузки Ноа быстро пересчитал запасы. Ему не терпелось вернуться и убедиться, что с Майло все в порядке.

— У нас достаточно для самых больных. Но что, если другим станет хуже? Как насчет следующего кризиса?

— Мы разберемся и с ним. — Бишоп бросил ему маленькую белую бутылочку с таблетками. — Лови!

Приглядевшись, Ноа прочитал этикетку. Таблетки преднизона, 5 миллиграммов, 100 таблеток. Его сердцебиение участилось. Майло следовало принимать гидрокортизон для лечения болезни Аддисона.

Преднизон не рекомендован для детей из-за его побочных эффектов, но сохранение жизни его сына превыше всего. Преднизон должен справиться с этой задачей.

— У собак тоже бывает болезнь Аддисона. И другие воспалительные, аутоиммунные и аллергические заболевания. Прости меня, Ноа. Я должен был подумать об этом раньше.

Ноа покачал головой, слишком переполненный радостью, чтобы говорить.

— Сколько здесь?

Бишоп посветил фонариком на среднюю полку.

— Трудно сказать. Много. Может быть, на год для такого ребенка, как Майло?

Ноа медленно выдохнул. Он не умел молиться, но прошептал быструю молитву благодарности кому бы то ни было — Богу, Вселенной, судьбе.

Они перевезли еще две коробки и сложили их в кузове грузовика. Наконец, они освободили последнюю полку.

— Кажется, мы все собрали, — сообщил Бишоп.

— Да, мы сделали это. — Горло Ноа сжалось. — Мы сможем их спасти.

— Обязательно. Непременно спасем.

Бишоп обнял Ноа и притянул его в медвежьих объятиях. Ноа обнял его в ответ. Он чувствовал, как едва уловимо вздрагивают широкие плечи его друга, когда тот пытался держать себя в руках.

Слезы увлажнили глаза обоих. За все. За их победы и успехи, за их боль, страдания и потери. Никому из них не требовалось произносить эти слова вслух. Вот что значит иметь друга, который стоит рядом с тобой, несмотря ни на что.

Бишоп отстранился и вытер глаза. Он поднял дробовик и направился к двери.

— Давай доставим это домой к нашим людям.

Глава 54

Ноа

День двенадцатый

Снег падал с неба мокрыми плотными пластами, все тяжелее и тяжелее. Когда они вернулись в Фолл-Крик, уже почти наступила ночь, и фары их машин освещали кружащиеся белые хлопья.

Но это не имело значения. Буря не имела значения. Они нашли все необходимое.

Более двух десятков добровольцев под руководством Шена Ли помогли установить капельницы и раздать антибиотики в приюте. Рецепт против диареи, который написала Молли, очень помогал.

Миссис Клири, мать четырех буйных мальчишек, умерла. В сочетании с волчанкой нагрузка оказалась слишком большой для ее организма.

Ее смерть трагична. Каждая смерть сопровождалась трагедией. За последние две недели Ноа увидел столько смертей, что хватило бы на несколько жизней. Он чувствовал, что онемел от этого. Оцепенел.

Если он не воздвигнет какой-то барьер, не ожесточит свое сердце, это разрушит его. От него зависело слишком много людей. Они нуждались в его эффективности, а не в рыдающей безвольной куче на полу.

Он отгородился от трагедии и позволил себе быть благодарным. В тот день больше никто не умер. Все могло быть гораздо хуже. И общество объединилось. Все поддерживали, все помогали.

Ноа не стал ждать в приюте дольше, чем нужно. Он оставил Джулиана в средней школе с большей частью вещей и отправился прямо к Молли домой. Бишоп поехал с ним, чтобы помочь с капельницей, так как имел медицинскую подготовку.

Ноа взглянул на индикатор бензина. Бак почти опустел. Если бы не пополнение запасов, которое вчера привезли ополченцы, бензин на заправке уже закончился бы. Теперь ему оставалось только заехать и пополнить бак утром.

Он очень дорожил этим городом и его жителями, даже любил некоторых из них как родных. Но его приоритетом был и всегда будет только один человек.

Они уютно устроились на теплой, жаркой кухне, когда появились Ноа и Бишоп с набором для внутривенного вливания и антибиотиками в руках. Молли и Квинн перетаскивали диван на кухню для Майло, чтобы все они могли вместе греться. Из айпода Квинн негромко играла музыка — «I'm a Believer» группы *Monkees*.

Квинн сидела на одном конце дивана, читая вслух главу романа «Противостояние». Голова Майло покоилась у нее на коленях. Он лежал на диване, укутавшись в одеяла, толстый рыжий кот раскинулся у него на груди, табби и черный свернулись в клубочек у его ног.

При виде сына огромное облегчение пронеслось по всему телу Ноа. Это чувство оказалось настолько сильным, что у него чуть не подкосились ноги.

Молли подняла глаза от кухонного стола, перед ней на старых газетах лежала куча сушеных трав и специй. На ее локте лежала сумка Майло, а в ней — неиспользованные флакон и шприц.

Молли нахмурилась на Ноа.

— Долго же ты возился. — Она переключилась на Бишопа. Широкая улыбка расплылась по ее морщинистому лицу. — Пастор, рада видеть вас снова.

— Я тоже рад вас видеть, Молли.

Молли улыбнулась ему.

Квинн лениво помахала Бишопу рукой, но ее улыбка выглядела искренней.

— Привет, Гавайи 5–0.

Бишоп посмотрел вниз на свою оранжевую гавайскую рубашку под расстегнутой курткой. Его глаза остались мрачны, но улыбка совпала с ее улыбкой.

— Подходящее прозвище. Я одобряю.

— Я так и думала.

Ноа едва слышал их. Его внимание сосредоточилось на одном. Он в несколько шагов пересек кухню и опустился на колени рядом с Майло.

— Как ты себя чувствуешь, сынок?

— Лучше после лекарства мисс Молли, — ответил Майло со слабой улыбкой. Его обычно оливковый цвет лица казался все еще слишком бледным. А большие темные глаза выглядели мутными от температуры. — На вкус оно как вишневое желе. Я скучал по тебе, папа.

— Я тоже по тебе скучал. — Его грудь сжалась. — Скоро тебе станет намного лучше, я обещаю. Ты уже пил свои таблетки?

Квинн фыркнула.

— Конечно.

— А его температура?

— Поднялась до 39 градусов, — сказала Квинн, став более серьезной. — Но она снижается. Мы следим за ней, как ястреб.

Ноа поперхнулся.

— Спасибо.

Через десять минут Бишоп подключил капельницу к руке Майло, и жизненно важные жидкости попали прямо в его кровь.

Поболтав с Квинн несколько минут, Бишоп отправился на грузовике обратно в школьный приют, чтобы помочь, пообещав вернуться через несколько часов за Майло и Ноа.

Прошло совсем немного времени, прежде чем Майло начал приходить в себя. Вскоре Майло почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы прочитать им несколько своих любимых строк из книги «Противостояние», которую Квинн так любезно вручила ему.

Ноа поднял брови.

— Для восьмилетнего? Seriously, Смurfетта?

Квинн задрала подбородок.

— Не надо осуждать наши литературные вкусы.

— Да, папа, — подхватил Майло. — Я книголюб!

Он выглядел таким счастливым, что у Ноа не хватило духу ему возразить.

Ноа помог Квинн разогреть домашний томатный суп Молли и поджарить чесночный хлеб на дровяной печи. Молли раскритиковала их кулинарные способности. Квинн закатила глаза. Они танцевали под песни *Aerosmith* «Dream On» и *Journey* «Don't Stop Believin».

Это почти напоминало дом. Настоящий дом.

Кошки мяукали, мурлыкали и вообще досаждали, обвиняясь вокруг его лодыжек и пытаясь поставить ему подножку. Пушистая белая кошка, Хель Разрушительница Миров или что-то в этом роде, устроилась на верхушке холодильника и следила за каждым движением Ноа дьявольским взглядом.

— Твои кошки пытаются меня убить.

— Возможно, — сказала Квинн со злобной ухмылкой. — Осторожнее с той, что наверху. Недаром она носит имя Владычицы подземного мира.

Майло хихикнул.

Самый лучший звук, который он когда-либо слышал. Внезапно Ноа подумал о Ханне. Его рука потянулась к обручальному кольцу. Ей бы понравились эти люди. Она бы их полюбила.

— Вы двое должны жить с нами, — проговорил Ноа с болью в груди. — В «Винтер Хэйвене». Там большой дом. У нас есть место.

Молли подняла свои насупленные брови.

— Остальные семьи тоже не отказались бы. В этом есть смысл. Там дома с четырьмя или пятью спальнями, подвалами, тремя или четырьмя ванными комнатами. Люди, живущие вместе, могут разделить работу и безопасность.

Майло усмехнулся.

— Ты можешь быть моей сестрой, Квинн!

Квинн нахмурилась.

— Тебе бы не понравилось, если бы я стала твоей сестрой. Мне пришлось бы бить тебя по ногам и рукам и повесить на дверь табличку «Мальчикам вход воспрещен».

— Тогда я буду подкладывать грязь в твои ботинки и лягушек под твою подушку.

— Вот только я люблю лягушек и грязь, так что тебе придется придумать что-нибудь получше.

Он пожевал нижнюю губу, размышляя.

— Я буду незаметным. Ты никогда не увидишь моего появления. Прямо как суперниндзя.

Квинн взъерошила его волосы.

— Гуше, Мелкий.

Суровые черты Молли смягчились.

— Твоя доброта оценена, Ноа. Но это мой дом. Мы с мужем прожили здесь сорок лет. Пусть у нас нет электричества, но мы знаем, как обойтись. У нас все будет хорошо.

Квинн сморщила нос, как будто ей не очень хотелось обходиться без электричества, но она не стала спорить. Ее пирсинг в губах и бровях блестел в свете костра.

Лицо Майло поникло. Квинн наклонилась и что-то прошептала Майло на ухо. Достаточно громко, чтобы Ноа слышал.

— Мы все еще можем быть лучшими друзьями, но только если ты поклянешься на мизинце не рассказывать об этом ни единой душе.

Майло усмехнулся и радостно подцепил ее мизинец своим.

Снаружи шел снег. Ветер свистел по углам дома. Крупинки льда стучали по темному стеклу.

Внутри было тепло и безопасно. Майло почти в порядке. У людей есть еда, вода и дрова еще на день. Город под защитой.

— Дела идут в гору, — сказал Ноа. — Я думаю, мы действительно справимся.

Квинн бросила на него недоверчивый взгляд.

— Ты правда в это веришь?

— Верю.

Квинн пролистала экран айпода и выбрала песню. Из динамиков зазвучала «The End of the World as We Know It» R.E.M.

— Значит, ты не согласна, — отшутился Ноа.

Ухмылка Квина померкла.

— Эти недоумки из ополчения забрали половину бабушкиной кладовой, ты знал об этом?

— Совет одобрил десять процентов.

— Это было не десять процентов. Они взяли больше, потому что хотели. Потому что могли.

Ноа поджал губы. В его сердце закралась тревога. Он подавил ее.

— Я поговорю с Саттером. И верну вам все назад.

Взгляд, брошенный на него Квинн, в лучшем случае выглядел скептическим.

— Я верну. Не волнуйся. Теперь все будет лучше. Я обещаю.

Она покачала головой и посмотрела в окно.

— Я думаю, ты ошибаешься. Настоящая буря только начинается.

Глава 55

Лиам

День двенадцатый

Лиам ничего не мог с собой поделать. Его самозащита ослабла, нервы оказались на пределе.

Ужасные воспоминания нежданно-негаданно обрушились на него. Горе и печаль грозили его захлестнуть. Он уже проходил через это раньше.

Каждый раз, когда он смотрел на Ханну, он видел Джессу. Чувствовал кровь на своей коже, нож в руках, отчаяние и безысходность, терзающие его сердце.

Он спас ребенка — своего племянника — но не мать. Не Джессу.

Он потерял свою невестку. Потерял единственную женщину, которую когда-либо любил. Сколько бы умений и талантов у него ни было, он не смог ее спасти.

Лиам уставился на свои руки.

Он рожден солдатом. Его руки созданы для причинения боли, для уничтожения врага, для того, чтобы плохие парни никогда не добрались до дома.

Он выполнял грязную работу, чтобы другим никогда не пришлось это делать.

Убийство единственное, в чем Лиам хорошо разбирался. Он знал, как лучше сломать человеку шею, как перерезать горло, каждую артерию в человеческом теле и сколько времени нужно, чтобы тот истек кровью. Он мог убить человека с девятисот ярдов.

Теперь эти знания совершенно бесполезны. У него имелись навыки полевого медика, как и у всех спецназовцев, но он боялся, что этого будет недостаточно. Не для этого. Не для того, что поставлено на карту.

Ханна и ребенок внутри нее. Они прошли через слишком многое. Вместе боролись, сражались и истекали кровью.

Лиам не собирался снова потерпеть неудачу.

Он не позволит ей умереть.

Лицо Ханна искажилось в абсолютной сосредоточенности и концентрации, в безмерной боли. Ее длинные каштановые волосы намокли и завились на лбу, на щеках. Ее тело напряглось, сухожилия на шее вытянулись.

Ханна закричала. Высокий, панический животный крик ужаса и страдания.

Сердце Лиам заколотилось от адреналина и страха.

— Ханна!

Он сжал ее руку. Это была ее «плохая» рука, ее деформированные пальцы оставались жесткими и неподатливыми под его ладонью. Здесь не было ничего уродливого. Ничего.

Ее рука стала боевой раной. Боевым шрамом. У него полно своих.

Ханна не реагировала на его прикосновения. Ее закрытые глаза быстро двигались под веками. Кожа стала абсолютно белой, каждая веснушка выделялась, как кровь.

Ужас скрутил его изнутри.

— Ханна. Ты меня слышишь?

Она пробормотала что-то нечленораздельное. Она явно бредила.

Лиам наклонился над ней, обхватил за плечи, нежно тряс и звал по имени.

— Ханна, Ханна! Вернись. очнись. Открой глаза.

Она не очнулась. Она не открыла глаза. Ее тело обмякло в его руках.

Его мозг перебирал варианты и оценивал ситуацию. Его обучение взяло верх, мышечная память о неотложной медицинской помощи в полевых условиях, о людях с ампутированными конечностями и истекающих кровью на песке.

Лиам приложил подушечки пальцев к ее пульсу. Тусклый, нитевидный, такой слабый, что он сомневался, что вообще что-то почувствовал. Лиам положил руки ей на грудь. Наклонившись ближе, он не почувствовал ни теплого дыхания на своей щеке, ни легкого вздымания ее ребер.

Ханна не дышала.

Страх пронзил его насквозь. Он слегка откинул ее голову назад и приподнял подбородок, убедившись, что дыхательные пути чисты. Сделал тридцать нажатий грудной клетки, сцепленными руками, одно за другим. Он продолжал снова и снова.

Ее губы были теплыми, но безжизненными. Под его руками ее грудина казалась хрупкой, как стекло.

— Дыши, черт возьми, дыши!

Призрак вскочил на ноги. Он кружил по матрасу, попеременно скуля и рыча, делая паузы, чтобы обнюхать безжизненное лицо Ханна, ее обмякшие плечи. Он низко и недоуменно заскулил, что звучало вполне по-человечески.

— Я пытаюсь, — проговорил Лиам, его голос стал тихим, когда он начал делать очередную серию компрессий. — Я правда стараюсь.

Слезы собрались в его глазах и потекли по изрезанным щекам вниз, в бороду. Он едва замечал. Ему было все равно.

Он только хотел, чтобы Ханна жила, чтобы она открыла глаза и посмотрела на него с этой блестящей, прекрасной улыбкой, чтобы он мог сказать ей, что ему жаль, жаль всех.

И Ханну. И Джессу и Линкольна. И его маленького племянника. И этот проклятый мир, который украл всех, кто имел значение, всех, кто был добрым, хорошим и хоть чего-то стоил.

Проходили бесконечные секунды. Время замедлилось. Огонь потрескивал и шипел. Призрак скулил. Его собственный пульс громко стучал в ушах. «Давай, давай!»

А потом Лиам молился, умолял, торговался с тем Богом, который жил там, за

звездами, — Богом, от которого он давно отвернулся. «Просто позволь ей жить. Ей и ребенку. Возьми меня вместо нее».

Он отдал бы тысячу жизней, чтобы спасти Ханну. С радостью обменяет себя на нее. Пойдет на любую фаустовскую сделку.

Лиам не заслуживал быть здесь. Он потратил годы своей жизни в горькой изоляции, воюя с миром.

Она не была Джессой. И никогда не сможет стать Джессой. Никакие уговоры, мольбы или дьявольские сделки никогда не вернут Джессу.

Лиам потерял ее, потерял своего брата-близнеца.

Линкольн, с его громким смехом, общительным характером, шумный и веселый, он совсем не походил на Лиаму. Линкольн, который всегда был рядом с ним, даже в их детстве, в годы, потерянные из-за пьяного, буйного отца.

Даже разделенный сотнями миль и годами отчуждения, его близнец всегда оставался рядом с ним.

И Джесса, его сердце, первая и единственная женщина, которую он любил.

Лиам плакал. Он плакал о том, что сломалось внутри него и что он никогда не сможет исправить. Обо всех случаях, когда он подводил людей, которых должен был защищать больше всего. Об эгоистичных ошибках, упущениях и самоотречениях, которые позволили ему уйти от мира, изолировать себя от горьких разочарований, но также и от радостей, побед, маленьких моментов, которые значили все.

Слезы лились свободно, без стыда, когда он склонился над неподвижной Ханной, надавливая на ее грудь, заставляя вдохнуть воздух в легкие.

Ханна еще не ушла. Ханна лежала здесь, в его объятиях, прямо сейчас.

Хрупкая и одновременно невероятно сильная девушка, гораздо сильнее, чем он считал. Она была смелой и решительной, стальной хребет под этой кротостью, этим страхом.

После всего, через что она прошла, после всего, что этот садист Пайк сделал с ней, она все еще цеплялась за надежду, в ней все еще жило добро.

Лиам не понимал этого. Он стал озлобленным и циничным. Из-за того, что с ним сделали, из-за того, что он сделал. Он не понимал этого, но он уважал ее — уважал. Заботился о ней так, как он думал, никогда не сможет.

Она заслуживала жизни. Заслужила найти свой путь в этом обреченном мире, заслужила шанс снова стать собой.

Он вливал в нее свое дыхание, вливал свои желания и потребности, свое горе и печаль, последний мерцающий уголек надежды.

«Вернись. Вернись ко мне».

И тогда это случилось. Тело Ханны выгнулось под ним. Она закашлялась, ее грудь сжалась. Глаза распахнулись. Она судорожно вдохнула, задыхаясь.

Лиам откинулся на пятки. Оседая на пол от облегчения.

Она медленно моргнула, ее глаза сфокусировались на нем. Туман рассеялся. Душа вернулась в тело, привязываясь к Земле.

Призрак радостно залаял. Пес прижался к ее лицу, словно проверяя, действительно ли она здесь. Она подняла одну руку и коснулась его шеи. Он стоял у изголовья матраса, неся вахту.

Лиам проглотил комок в горле. Потер лицо тыльной стороной руки.

— С возвращением.

— Разве я... — слабо спросила Ханна.

— На минуту мы с Призраком подумали, что ты... — Он сделал паузу, не в силах продолжать. Слишком много эмоций бурлило в нем — облегчение, благодарность и что-то еще, что-то глубокое, сильное и слишком тревожное, чтобы это назвать. — Я думал, что потерял тебя.

Она протянула дрожащую руку к его лицу, на долю секунды коснулась его щеки, ее пальцы обжигали его кожу.

— Ты вернул меня.

Его пульс участился.

— Ты сама себя вернула.

Ханна обдумывала его слова какое-то мгновение, тяжело дыша, затем кивнула. Она снова жива, но он ничего не сделал. То, что вернуло ее к жизни, исходило от нее самой, изнутри Ханна.

Ее лицо исказилось, мучительная боль искривила черты. Следующая схватка настигла Ханну. Жизнь толкалась, пробивая себе путь в мир, не терпя отказа.

— Ты готова? — спросил Лиам, расположившись между ее ног.

Ее взгляд остановился на нем.

— Готова.

Глава 56

Ханна

День двенадцатый

Это случилось. Время пришло.

Ее лицо заливали слезы и пот. Боль наполняла Ханну, переполняла, вызывая острое желание тужиться, выталкивать это нечто, давящее на нее. Она тужилась яростно, изо всех сил, чтобы произвести на свет этого ребенка, несмотря ни на что.

Ребенок должен выйти, и она рожала, толкала его, делала это. Добивалась его появления.

Не существовало никакой возможности избежать родов. Огромное давление превратилось в приливную волну. Ханна вцепилась в простыни скрюченными пальцами, ее деформированная рука согнулась и впилась в матрас, но она даже не чувствовала этого, испытывала только боль, потребность.

Она выгибалась, стонала, плакала и тужилась, напрягаясь изо всех сил, прилагая всю свою волю ради одного: выпустить ребенка.

Казалось, что ее разрывают на части, но на этот раз Ханна знала, что это не так. Такова часть процесса — открыться, чтобы выпустить жизнь, пропустить ее через себя.

Она приняла эту мучительную боль вместо того, чтобы бороться с ней.

Ханна выбрала это, так же как решила продолжать плыть против этого теплого, бесцветного моря, против всей этой серой пустоты. Выбрала бороться за возвращение в это место, принять боль, горе и страх, продолжать идти.

На самом деле она не была воином, не была сильной, храброй или могущественной. Она просто упряма, и, возможно, в конце концов, именно это и помогло. Ее упрямый отказ сдаваться, никогда, ни в чем. Даже сейчас.

И тут Ханна почувствовала его появление. Ребенок рождался, не выскользнул из нее легко, а боролся за каждый дюйм, и она подумала: «Борись, дитя, борись».

Боль сжимала ее, жгла, разрывала, терзала, а Ханна тужилась, тужилась и боролась с ней, вместе с ней.

Внезапно боль отпустила. Ребенок вышел.

Ее веки дрогнули. Красная дымка перед глазами медленно рассеялась. Ханна упала обратно на матрас, совершенно обессиленная.

Она почувствовала Лиам между ног и поняла, что он подхватил младенца.

Все закончилось. Она сделала это.

Странная тишина. Никаких звуков, кроме потрескивания огня и стука когтей Призрака по деревянному полу, когда он кружил вокруг, настороженный и бдительный.

Молчание Лиам. Ни писка от ребенка.

Младенцы должны плакать.

Ее сердце сжалось. Ледяной холод струился по ее ноющему, дрожащему телу. Ханна с трудом приняла сидячее положение, все ее конечности ослабли, словно превратились в желе.

— Лиам, — позвала она, потом громче. — Мой ребенок.

Глава 57

Лиам

День двенадцатый

Ребенок вышел с пуповиной, обернутой вокруг его крошечной шейки.

Макушка головы выскользнула наружу, а на плечах расплылась кровь. Маленькая грудь, живот и две ноги, а затем она вышла, пуповина тянулась за ней, когда Лиам взял это чудесное создание в свои руки.

Дочь Ханна была перепачкана кровью и имела серый цвет.

Он подумал о племяннике, которого успел спасти, но оставил.

Потеря выжгла дыру в его сердце. Все тело болело — кости, грудь, пространство под сводом ребер.

Это другой ребенок. Но и не совсем.

Ханна может сломаться, потеряв эту малышку. Лиам знал, что его это точно сломает.

В доме нет отделения интенсивной терапии, нет инкубаторов и аппаратов искусственной вентиляции легких, нет квалифицированных медсестер и врачей, которые могли бы забрать ребенка и провести экстренную операцию.

Все теперь зависело только от него.

«Ты знаешь, что делать, — прошептал голос Джессы в его голове, появившись, когда он больше всего в этом нуждался. — Помни, что я тебе говорила».

Он действительно помнил. Он помнил каждую секунду того ужасного, кровавого часа.

Лиам перестал думать, а только действовал. Его пальцы уже двигались, нащупывая края разбухшей синеватой петли, перекрывающей дыхательные пути младенца.

Быстро, он положил хрупкого ребенка на свои бедра, направив ноги к туловищу, а голову к коленям, и молился, чтобы не стало слишком поздно, молился, чтобы петля затянулась только в последние мгновения после рождения.

Ханна звала его по имени, ее голос звучал тонко и отчаянно, но он не мог ответить ей, не мог рискнуть даже вздохнуть, чтобы ответить.

Все его внимание сосредоточилось на спасении ее ребенка.

Он потянул за пуповину, мягко, но настойчиво, руки не дрожали, но сердце трепетало

от напряжения. Он должен действовать абсолютно точно. Никаких ошибок. У него нет права на ошибку.

Каждая тикающая секунда приближала ребенка к смерти.

Лиам размотал хлюпающую, пульсирующую пуповину, распутал ее и, наконец, освободил крошечную шейку младенца. Осторожно погладил ее грудину двумя пальцами.

Девочка походила на инопланетное существо, голубоватая, вся в крови и белой жиже. Так похожа на его племянника, что это причиняло Лиаму физическую боль. В его сердце словно вонзился острый нож.

«Дыши, дыши, дыши». Он повторял слова в уме. Напев, мольба, молитва.

Малышка пошевелилась. Ее маленькие ручки сжались в кулачки. Она прищурила глаза. Ее маленький розовый ротик открылся.

Ребенок набрал воздуха и заплакал. Тонкий, настойчивый, яростный крик.

Облегчение разлилось по его венам. Напряжение в его плечах ослабло. Лиам позволил себе выдохнуть.

Девочка упряма. Прямо как ее мать.

Он перевязал пуповину в нескольких дюймах от ребенка заранее нарезанными полосками простыни, затем сделал вторую перевязку в нескольких дюймах от первой, между ребенком и Ханной.

Джессе не понадобилась вторая перевязка. Для нее это было слишком поздно. Горе пронзило Лиаму. Он вспомнил, что она говорила о матери, истекающей кровью после родов. Убедился, что повязки тугие и надежные.

Лиам аккуратно перерезал пуповину стерилизованным кухонным ножом, осторожно обмыл младенца теплой водой и полотенцем, а затем положил его на руки Ханне.

Он сидел и смотрел на них в мерцающем свете камина, в его груди разгоралась неистовая нежность. Призрак устроился рядом с ним, тихонько покачивая плюмажевым хвостом. Его пушистая грудь вздымалась, как у гордого дяди.

Лиам пошел в армию в восемнадцать лет, чтобы сбежать из дома, где его преследовали ярость и насилие. Но это не основная причина. Он верил в дело. Защищать и оберегать. Уберечь невинных от беды. Остановить плохих парней.

Его вера не умерла вместе с Джессой и Линкольном.

Он думал, что да. Но он ошибался.

Она все еще жила в нем.

Он снова почувствовал ее, растущую и крепнущую с каждым ударом крошечного сердца этого ребенка. Она воплощала собой невинность, уязвимость.

Лиам готов защищать эту малышку и ее мать всю свою жизнь.

Машинально он потянулся к карману. Это произошло даже не от сознания, а от чего-то более глубокого, инстинктивного. Он вытащил маленькую вязаную шапочку с зелеными и серыми полосками. Немного бугристая, немного кривая, но мягкая и сделанная вручную с самыми лучшими намерениями.

Он осторожно опустился на колени на матрас рядом с Ханной. Она смотрела на него, потная и измученная, в ее уставших глазах сиял восторг.

Лиам бережно натянул вязаную шапочку на голову ребенка. Она села идеально.

Раньше она олицетворяла его ошибки, его горе, его разбитое сердце.

Теперь шапочка означала что-то другое. Что-то, что сильно напоминало надежду.

Глава 58

Ноа

День тринадцатый

— Сегодня нам есть чем гордиться, — обратилась Розамонд Пайк к членам совета. — Нам есть что отпраздновать.

Она сидела на своем обычном месте за огромным островом в большой комнате своего дома с открытой планировкой. Фонари и свечи мерцали, освещая пространство теплым сиянием. Розамонд берегла драгоценное электричество для обогрева, дополняя его ревушим камином.

Члены совета расположились в свободном кругу на табуретах, мягких креслах, за кофейным столиком и на двух диванах с напитками в руках. Розамонд предложила пиво, текилу и виски.

— Это последнее, так что пейте! — объявила она.

Снаружи весь день шел сильный снег. Выпало не меньше фута снега, и ожидалось еще много.

Розамонд едва не отменила встречу, но оповестить всех об отмене оказалось так же сложно, как и провести встречу по плану. А поскольку все уже жили в «Винтер Хейвене», дорога оказалась короткой, хотя и жестокой.

Ноа плотнул ароматного виски и почувствовал жжение. Он поднял бокал с Самантой Перес и Хосе Рейносо, которые сидели по обе стороны от него на диване напротив кухонного острова.

Даже Маттиас Саттер, вечно спешащий солдат, приветствующий насилие, казалось, расслабился и наслаждался теплом, компанией и напитками.

Настроение значительно улучшилось по сравнению с тем, каким оно было всего несколько дней назад. Предстоящий путь оставался темным и холодным, но они уже видели несколько проблесков надежды.

Болезнь от вируса или бактерии миновала. Все, кроме миссис Клири, полностью выздоровели, включая Майло. Четверо мальчиков миссис Клири поправились, но они страшно переживали и страдали.

Аннет Кинг, неизменно отличавшаяся добротой и отзывчивым сердцем, предложила приютить четырех мальчиков до тех пор, пока для них не будет найден постоянный дом. В службу опеки теперь невозможно просто позвонить.

Еще долгое время им придется заботиться о себе и горожанах самим.

Сегодня утром люди Саттера привезли еще одну партию продовольствия и припасов, включая коробки с отбеливателем для дезинфекции речной воды, этого хватит Фолл-Крик еще на месяц.

Молли сказала Ноа, что для дезинфекции воды можно также использовать средство для бассейна, которое гораздо легче найти в большом количестве. Ноа передал эту информацию, и Саттер добавил пункт в свой растущий список.

У города появились продукты, газ и дизельное топливо еще на несколько дней.

Розамонд хлопнула в ладоши, чтобы привлечь всеобщее внимание.

— Конечно, впереди у нас еще много трудностей.

— Нет ничего такого, с чем бы мои люди не справились, — заявил Саттер.

Розамонд ровно улыбнулась.

— Согласна. Однако собрание, чтобы ввести всех в курс дела и дать людям возможность

поделиться своими мыслями, очень полезно. Лучше оценить ситуацию на ранней стадии, чем потом удивляться.

Саттер пожал плечами. Похоже, ему плевать, что думает народ.

— Большинство из них согласилось с налогом. Некоторые проявили... недовольство. И мы столкнулись со значительным противодействием со стороны жителей города против «Винтер Хейвена». Несколько попыток взлома. Теперь дюжина человек патрулирует периметр круглосуточно.

— Полагаю, этого следовало ожидать, к сожалению. Мы дадим им возможность выговориться и подчеркнем необходимость того, чтобы «Винтер Хейвен» оставался ресурсом для руководства нашего города. — Она прочистила горло и сцепила пальцы. — Я также предлагаю отправить несколько групп на поиски местных жителей, которые так и не смогли вернуться домой после ЭМИ. Не тех, кто находится в других штатах и странах, а тех, кто работает в Саут-Бенде и других близлежащих городах. Есть по крайней мере, двенадцать жителей, которые до сих пор не вернулись домой.

Все понимали, что на самом деле она имела в виду своего сына, Гэвина Пайка, старшего сводного брата Джулиана.

Рейносо и Хейс подняли руки в знак согласия. Джулиан не стал.

— Спасибо. — Розамонд поджала губы и пристально посмотрела на Джулиана. Мгновение спустя ее лицо прояснилось. — Наконец, у нас есть еще одно неприятное дело. Шеф Бриггс решил бросить Фолл-Крик.

Комнату заполнил гул возгласов. Ноа огляделся. Шефа Бриггса нигде не оказалось. Его не было и вчера. И позавчера тоже.

— Он отправился в Сент-Джо, — сообщил Джулиан со своего табурета на острове рядом с матерью. — Взял один из снегоходов. Фиолетовую «Ямаху».

Теперь, когда Джулиан упомянул об этом, Ноа вспомнил тот разговор. Последние несколько дней выдались тяжелыми. Все было как в тумане. Некоторые вещи лучше забыть в пыльном, игнорируемом уголке его мозга.

— Что означает «бросил»? — с сомнением спросил Сэм.

— Его дочь и зять живут в Сент-Джо, — сказала Розамонд. — Вы знаете, что он решительно выступал против некоторых предложений и улучшений здесь. Надеюсь, Сент-Джо придется ему по вкусу.

Виггинс удовлетворенно ухмыльнулся.

По комнате прокатился ропот и смущенные, беспокойные шепотки.

Розамонд сцепила руки и обвела взглядом комнату, обращаясь к каждому.

— Это его выбор. Мы не будем возмущаться или унижать его за то, что он выбрал благополучие своей семьи. Но нам нужен начальник полиции.

Рядом с ней начал подниматься Джулиан.

Ноа обнаружил, что уже ухмыляется. Джулиан был амбициозен. Он всегда хотел стать начальником полиции или переехать в более крупный город и дослужиться до комиссара. Это его шанс.

Ноа поставил свой бокал на журнальный столик, чтобы похлопать по плечу своего друга. Они с Джулианом обменялись взглядами. Джулиан сиял от нетерпения и триумфа.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я сам выберу нового шефа. Целесообразность и эффективность вот что важно в трудные времена. Как и общее видение единства. Лидер общины, готовый служить в равной степени, как и руководить.

Все внимательно слушали, все внимание собравшихся сосредоточилось на Розамонд. Она довольно улыбалась, наслаждаясь своей властью над аудиторией. Ее всегда отличал особый талант оратора.

— После долгих раздумий новым начальником полиции Фолл-Крика назначается... Ноа Шеридан!

В комнате воцарилась мертвая тишина.

Ноа напрягся. Его взгляд метнулся к Джулиану. Его другу. Его лучшему другу. Он не почувствовал от него ни радости, ни одобрения, ни поддержки. Сердце Ноа ухнуло вниз.

Тень пересекла лицо Джулиана — обида и гнев. Челюсти напряглись, рот сжался.

Возможно, никто больше этого не заметил. Все смотрели на Ноа. Но Ноа это увидел. Внутри у него все сжалось.

Рейносо хлопнул Ноа по спине.

— Вставай, парень!

Ноа нерешительно встал.

Присутствующие в комнате разразились аплодисментами. Действительно ли они радовались, он не знал. В конце концов, когда-то он считался изгоем в обществе, его подозревали в убийстве собственной жены.

«Это осталось в прошлом. Все уже закончилось и ушло. Теперь всё изменилось».

Розамонд встала и разгладила юбку, стряхнула невидимые ворсинки с плеча.

— Ноа Шеридан проявил себя во время бойни в Кроссвее. Он снова отличился во время налета на лагерь Картеров. Он привез необходимые капельницы и антибиотики, которые спасли более восьмидесяти наших соседей, родственников и друзей. Лучше Ноа нам не найти, уверяю вас.

Сэм подняла свой бокал с искренним одобрением.

— Да, да!

Дэйв и Майк улыбались. Аннет тоже. Даже Рейносо, лучший друг Джулиана, казалось, радовался за Ноа, довольный принятым решением.

— Я не знаю, что сказать, — пробормотал Ноа.

— Скажи «да»! — засияла Розамонд.

Он колебался. Все смотрели на него — Джулиан, Розамонд и Маттиас Саттер.

Его разум метался, пытаясь осмыслить все это, распутать все ниточки и возможные последствия. И не только из-за его дружбы с Джулианом.

Ноа инстинктивно понимал, что придется пойти на определенные уступки, как только он согласится на повышение. Он прекрасно знал, кто на самом деле главный, даже не говоря ни слова вслух.

В Фолл-Крике начальник полиции играл роль декорации.

Но даже будучи декором, он все равно мог оказывать влияние. Он мог присматривать за людьми, о которых заботился. По крайней мере, так он говорил себе.

Он вспомнил лицо Билли.

Его охватило острое отчаяние. Он потерял Ханну. Он не мог потерять еще и Майло.

Чтобы сохранить сына в безопасности, он готов на все.

Ему придется делать то, что ему не нравится, с чем он не согласен. Теперь он это понимал.

В следующий раз ему придется самому нажать на курок.

Ноа сглотнул.

— Ну что, Шеридан? Не держи нас в подвешенном состоянии! — прорычал Дэйв.

— Я согласен. — Его горло сжалось, во рту пересохло. Он больше не смотрел на Джулиана. Он не мог. — Большое спасибо. Я обещаю, что сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить и уберечь Фолл-Крик.

— Отныне во всем, что идет не так, виноват он, — проворковала Розамонд, вызвав еще больше смеха и аплодисментов.

— А если серьезно. Я уже говорила это раньше, и скажу снова. — Она подождала, пока все затихнет, и окинула взглядом каждого члена совета. — Вы все для меня — семья. Мы семья друг для друга. Мы делаем то, что должны делать. И мы выживем!

Больше криков. Больше аплодисментов. Теперь это звучало искренне. Может, так оно и было.

Пока друзья, коллеги и члены совета хлопали его по спине и поздравляли, Ноа огляделся в поисках Джулиана. Он хотел убедиться, что это ничего не изменит между ними.

Они были друзьями. Даже ближе, чем братья.

Джулиан будет дуться и злиться несколько дней, но он переживет это, как пережил, когда Ноа выбрали первым полузащитником вместо него.

Розамонд, вероятно, считала, что совет посчитает кумовством, если она назначит Джулиана начальником полиции. В этом не было ничего личного. Это не могло быть оскорблением для Джулиана. Ноа объяснит ему это.

Только он не мог, потому что Джулиана не оказалось в комнате.

Он уже ушел.

Глава 59

Квинн

День четырнадцатый

— Вы крадете нашу еду! — кричала женщина.

— От наших запасов зависит наша жизнь! — выкрикнул мужчина из толпы. — Вы не имеете права!

Квинн неловко пошевелилась на жестком металлическом стуле. Шуруп впился ей в спину через куртку. Даже несмотря на скопление людей в здании было прохладно.

Она неподвижно сидела рядом с бабушкой.

— Это глупо, — сказала она слишком громко.

Несколько человек оглянулись на нее, нахмурившись. Квинн нахмурилась в ответ.

Она поправила кольцо на губе и наклонилась ближе к бабушке.

— Почему мы вообще здесь?

— Просто чтобы оценить обстановку, — тихо сказала бабушка. — Нам нужно выяснить, о ком стоит беспокоиться.

Суперинтендант Синклер созвала общее собрание в историческом здании суда. Несколько сотен металлических складных стульев выстроились в огромном двухэтажном зале с позолоченными арками, белыми колоннами и блестящим деревянным полом.

Когда-то в бурные двадцатые годы здесь проводились танцевальные вечера. Так рассказывала бабушка.

Несмотря на то, что зимняя буря не утихала уже два дня, зал все равно оказался переполнен. Все места были заняты, несколько десятков человек стояли сзади или прислонялись к стенам по бокам.

В начале собрания суперинтендант объявила о новой роли Ноа в качестве начальника полиции. По мнению Квинн, такое назначение не могло состояться раньше, до ЭМИ. Может быть, теперь действительно произойдет что-то хорошее.

Все аплодировали ему, но люди все равно оставались напряженными и беспокоящими и не собирались легко успокаиваться. Квинн тоже.

В первом ряду Майло хлопал и радостно поддерживал своего отца. К счастью, он снова выглядел бодрым и веселым. После пережитого испуга Ноа держал его рядом.

Розамонд Синклер продолжила обсуждение возможных мест для закрытого общественного сада и пунктов приема мусора. Они выделили места, куда люди могли бы выбрасывать мусор, вместо того чтобы позволять ему скапливаться у них во дворе и вонять на весь город.

— Мы уже объяснили всем, что такое налог на продукты питания, — сказала суперинтендант в мегафон. Ее голос звучал спокойно и уверенно, но плечи напряглись, рот сжался. — Если каждый принимает участие, мы объединяемся как сообщество, как семья. Мы здесь не для того, чтобы отнять у вас, а чтобы дать то, что вам нужно. Любые необходимые вам продукты питания или принадлежности, включая дрова, вы можете получить в пункте выдачи средней школы или в магазине «Фрэндли», где хранятся охлажденные и замороженные продукты.

— Нам не требовались подачки, когда у нас оставались свои запасы, — пробормотала Квинн себе под нос.

Бабушка приструнила ее, ударив по ноге.

— А как же «Винтер Хейвен»? — Мистер Блэр встал в центральном ряду. Он все еще носил свое дорогое шерстяное пальто, все еще был высоким и хмурым, но его лицо осунулось и похудело, неухоженная борода топорщилась вокруг челюсти. — Почему все члены совета пользуются электричеством, а остальные — нет?

По толпе прокатился ропот согласия.

— Это несправедливо!

— У нас семья из шести детей, а у Джулиана Синклера огромный дом!

— Я не принимал душ целую неделю!

— Приют переполнен и перегружен! Почему мы не можем остановиться в «Винтер Хейвене»?

— Мы заслуживаем тех же привилегий, что и вы!

— Какого черта кучка странных военных захватывает НАШИ дома! «Винтер Хейвен» принадлежит нам!

Директор Кинг встала с первого ряда. Она подняла руку, и суперинтендант протянула ей мегафон.

— Как член совета, я хочу заверить вас, что мы изо всех сил стараемся разумно использовать ресурсы «Винтер Хейвен». Я лично попросила еще три семьи переехать ко мне в мой дом...

— Это даже не ваш дом! — крикнул кто-то сзади. — Он принадлежит Далсонам, а не вам!

Директор Кинг слегка вздрогнула.

— И я отдам его, когда они вернутся. Как уже говорила, Дэйв Фаррис и Майк Дункан также открыли свои дома в «Винтер Хейвене» для нескольких семей. Я уверена, что и другие члены совета сделают тоже.

Дэррил Виггинс, сидевший на стуле позади суперинтенданта, скорчил гримасу. Вероятно, он не собирался ничем делиться.

— Кроме того я открываю свой дом для организованного посещения душа, — объявила директор Кинг. — Там не так много горячей воды, но, по крайней мере, вы сможете помыться. Пожалуйста, подходите ко мне, если хотите попасть в график.

— Как щедро с твоей стороны, — проворчала Пэтти Снайдер, в каждом слове сквозил сарказм. — И все это время я думала, что мы настоящие друзья, Аннет.

Кто-то выкрикнул нецензурное оскорбление.

Лицо директора побледнело. Она открыла рот, но ничего не сказала, просто стояла, выглядя обиженной и шокированной.

Квинн почувствовала некоторую жалость к этой женщине. Директор Кинг не плохой человек. Но она понимала, почему люди расстроены. Она и сама расстраивалась, но по другой причине.

Толпа разразилась гневным и разочарованным ревом. Все выглядели измученными, усталыми, испуганными и встревоженными. Их одежда была помятой и грязной, волосы взъерошены. Лица искажены беспокойством.

Даже когда ополченцы раздавали всем еду, ее оказалось не так много, как горожане привыкли. Это все равно ничего не давало взамен всех вещей и людей, которых они уже потеряли.

— Хватит! — крикнул Ноа. Он поднял руки, пытаясь успокоить толпу. — Я понимаю, что вы расстроены. Но нет причин проявлять неуважение. Мы соседи и друзья. Мы можем обсудить все вместе и прийти к соглашению — вместе.

Это не сработало. Собравшиеся сердито покачали головами. Несколько человек шипели и освистывали.

— Вам легко говорить, — усмехнулся мистер Блэр. — Вы же не голодаете и не замерзаете до смерти? У вас у самого есть один из этих милых уголков.

Пэтси покачала головой.

— Похоже, суперинтендант проделала большую работу, подкупая людей.

— Слушайте вашего нового начальника полиции, — прокричала Розамонд в мегафон, на самом деле повышая голос. Люди не хотели слушать.

Маттиас Саттер вышел вперед и протянул руку за мегафоном. Суперинтендант передала ему его без колебаний. Его второй командир, Себастьян Десото, встал рядом с ним.

У Квинн сжалось все внутри. Она ненавидела Десото. Ненавидела его пренебрежительное, уничижительное отношение к ней и бабушке. То, как он насмешливо смотрел на Фолл-Крик.

Еще больше она ненавидела Маттиаса Саттера. Возможно, это казалось иррациональным, но ей плевать. Ее чувства — это ее чувства.

Она видела, как он направил оружие на ее мать и выстрелил в упор ей в голову. Он тот, кто нажал на курок. За это она ненавидела его лютой, первобытной ненавистью.

Неважно, заслужила ли Октавия это. Неважно, что казнь стала правильным решением, или что Квинн обрадовалась смерти этих монстров.

Ужасные воспоминания промелькнули перед ее глазами. Крики эхом отдавались в ее ушах, выстрелы, звон разбивающегося стекла. Падающие и дрожащие тела. Плач Юнипер, выкрикивающей ее имя снова и снова, тот же испуганный крик, который все еще преследовал ее в кошмарах. Возможно, так будет всегда.

Она моргнула, сжала руки в кулаки и загнала воспоминания вглубь.

— Вы будете вести себя тихо, или это собрание незамедлительно прекратится, — непреклонным голосом заявил Саттер.

Дюжина ополченцев вышла вперед с обеих сторон зала, держа оружие наготове. Еще полдюжины стояли за спинами Саттера и Десото.

До сих пор они держались в тени и молчали, пока в них не возникла необходимость. Их оружие все еще оставалось в кобуре, все еще покоилось на перевязи, но предупреждение прозвучало ясно.

Толпа недовольно зашумела, сдвинулась с места и зароптала, но повиновалась. У людей не было выбора.

В Квинн вспыхнул гнев. Она потянулась к карману и нащупала рукоятку рогатки. Ей необходимо почувствовать свое оружие, ощутить уверенность.

Она представила, как достает ее, заряжает стальным снарядом в три восьмых дюйма и дергает за ленту, прижимая к правой щеке под ведущим правым глазом, своей точкой опоры. Представила, как выстраивает свой выстрел между вилкой, расположенной под углом, и отпускает, посылая снаряд прямо в глазное яблоко таракана.

Квинн сидела менее чем в десяти ярдах от него. Прямой, ровный выстрел. Никаких сложных углов. Никакого ветра вокруг. Она сможет отвлечься от толпы.

Она может попасть в цель. Легко и просто. Стальной шар пробил бы мягкое мясо глазницы и вошел бы в мозг...

Бабушка схватила ее за предплечье и бросила острый взгляд, словно точно знала, о чем Квинн думает и что может сделать.

Квинн вздохнула и откинулась на сиденье. Бабушка права. «Не будь глупой. Обдумай все до конца». Иногда просто сидеть и мечтать кое о чем даже не стоит.

— Это не демократия, — сказал Саттер. — Она умерла вместе с электричеством. Мы не обязаны ничего объяснять и оправдываться перед вами. «Винтер Хейвен» — наш, а не ваш. Если вам это не нравится, мы лично проводим вас до следующего автобуса агентства.

Еще одна волна недовольства прокатилась по толпе.

Рядом с Саттером Ноа оставался неподвижным и тихим. Его лицо напряглось, губы сжались в тонкую линию, как будто Саттер ему не нравился так же, как и Квинн.

Но он не сказал ни слова. Он не остановил Саттера.

— Это мы обеспечиваем вас едой и жильем. Не забывайте об этом. Вы хотите есть? Именно так обстоят дела. — Саттер обвел взглядом помещение. — Выполняйте условия или убирайтесь к черту.

Саттер передал мегафон суперинтенданту, повернулся на пятках и пошел к задней двери. Двое ополченцев ждали и открыли ему дверь.

Суперинтендант Синклер быстро устремилась за ним. Джулиан отступил в сторону, наблюдая за толпой, затем пошел следом. Ноа жестом подозвал Майло, который вскочил и побежал к нему. Ноа взял его за руку, повернулся и двинулся за остальными.

Никто не кричал им вслед. Толпа затихла и покорилась. Покорилась людям с оружием и не очень-то завуалированным угрозам. Послание прозвучало громко и четко.

Если они хотят, чтобы их детей продолжали кормить, им нужно заткнуться и встать в строй.

К тому же Саттер оказался главным мудаком. Розамонд не могла ему противостоять. И Ноа тоже.

Это беспокоило Квинн больше всего. О чем думал Ноа? Он не мог смириться с этим. Она знала его. Он был ее другом. Теперь он возглавлял полицию, что означало, что он должен что-то делать.

— Идите домой, — приказал Десото толпе. — Ешьте свой ужин и будьте благодарны.

— Лицемерный придурок. — Квинн закатила глаза, помогая бабушке подняться на ноги и протягивая ей трость.

Выражение лица бабушки сделалось серьезным, глаза сверкали. Она расстроилась не меньше, чем Квинн.

Бабушка ценила свою свободу так же, как и дедушка. Никто в семье Квинн никогда не любил, когда ему указывали, что делать, и уж точно не тираны из маленького городка.

Она постучала по губам кольцом, нахмурившись.

— Ноа просто стоял там. Он ничего не сделал.

Бабушка вздохнула.

— Знаю. Я видела.

Беспокойство терзало Квинн. Ноа должен помогать. Она не верила во многое, но в него верила.

— Ситуация станет еще хуже.

— Да, я полагаю, что да.

— Они раздают эти вещи только для того, чтобы удержать власть над людьми. Долго так продолжаться не может. Скоро они начнут обижать горожан, хуже, чем уже сделали.

Бабушка проворчала.

— Как-то ты слишком умна для своих лет, да? Говоришь прямо как твой дедушка.

— Чертовски верно. — Квинн раздулась от гордости. Она расправила плечи и вздернула подбородок. — Раньше ты говорила, что есть время ждать и время сопротивляться. Теперь пора?

— Возможно, да.

— И что мы будем делать?

Бабушка ответила:

— Это нам и предстоит выяснить.

Глава 60

Джулиан Синклер

День пятнадцатый

На третий день метель переросла в полноценную снежную бурю. Она бушевала на юге Мичигана и не собиралась стихать. Порывистый ветер и снег привели к почти полной изоляции города.

Все остальные сидели по домам, ища укрытия и тепла. Джулиану Синклеру следовало оставаться внутри, как и всем людям. Но он не мог больше ни минуты держать в кармане вещь, пылающую, как кусок раскаленного угля.

Хриплый ветер завывал и стонал, разрывая куртку Джулиана и капюшон с меховой подкладкой. Его глаза слезились, а из носа текло. Он пригнул голову вниз, смахнул перчаткой снег с очков, но это оказалось бесполезно. Он едва мог видеть.

Но ему и не нужно видеть. Он точно знал, куда идет.

Припаркованный снегоход замер на мосту через реку Фолл-Крик. Джулиан стоял у ограждения, защищаясь от ветра и глядя на замерзшие просторы реки.

Прямо под ним вода глубоко вздымалась, течение в этом месте усиливалось. Темный лед был тонким.

Он сдвинул рюкзак с плеча, расстегнул молнию и достал кирпич. Взял его в руки. Тот был тяжелым и прочным. Идеально подходит для его целей.

Ярость бурлила в его жилах. Горечь и негодование. После всего, что Джулиан сделал для своей матери. Для этого города.

Всю свою жизнь он только и делал, что угождал ей.

Он ненавидел быть копом. Ему не нравилось жить в тени своего старшего сводного брата. Гэвин Пайк всегда оставался любимчиком. Тот, кто охотно делал все, что пожелает Розамонд Синклер, и даже больше.

Но Пайк исчез бесследно. Возможно, он никогда не вернется.

Джулиан попытался изобразить что-то вроде беспокойства, тревоги или печали, но не смог. Как считал Джулиан, его брату лучше исчезнуть навсегда.

Пайк — психованный ублюдок. Он всегда был таким.

Не имело значения, как он скрывал свою жестокость перед публикой. Джулиан знал, кто он такой. На что он способен. Как ему нравилось причинять боль тем, кого он считал ниже себя.

Меньших, слабых, младших братьев, например.

Но Джулиан недолго оставался слабым и маленьким. Он вырос сильным. Мощным. Пайк оставил его в покое на долгие годы. Но Джулиан не забыл.

Боль трудно забыть. Вывих запястья. Сломанный палец или два.

Впрочем, ни тогда, ни сейчас не имело значения, что творил его брат. Он всегда оставался любимчиком их матери.

Разве Джулиан не делал все, что мог, с тех пор как начался весь этот кризис? Все, что хотела суперинтендант. Когда она потребовала, чтобы он прыгнул, Джулиан просто спросил, как высоко. Он прекрасно справился с ролью заместителя своего брата.

Он сделал то, что нужно матери, еще до того, как она попросила. Он разобрался с каждой угрозой. Разве не исчезла и отягчающая проблема шефа Бриггса?

Его неприязнь к Пайку всегда таилась в глубине души. К Аттикусу Бишопу он питал отвращение. Теперь в нем зародилась новая ненависть.

Когда, наконец, настал момент, чтобы обрести заслуженную славу, Ноа Шеридан проскользнул, как крыса, и украл ее прямо у него из-под носа.

Джулиан дрожал от резкого холода. Его грудь горела, когда замороженный воздух затягивало глубоко в легкие. Лед собирался в его ноздрях, замораживал ресницы. Но он не двигался.

Именно Джулиан привел Ноа в их семью. Робкий, покрытый прыщами парнишка с потрясающими спортивными способностями, лучший полузащитник во всем округе Берриен. Но потерянный и одинокий, жаждущий внимания и стремящийся следовать за Джулианом, как щенок.

В старших классах Ноа практически жил в доме Джулиана. Джулиан не возмущался. Он был счастлив разделить с ним свой хороший дом, полную кладовую и холодильник, даже привязанность своей матери.

В обмен Ноа делал все, что хотел Джулиан. Даже последовал за ним в правоохранительные органы. Собственная маленькая свита Джулиана.

Ноа повзрослел. Подружился с Бишопом вопреки совету Джулиана. Влюбился в Ханну и

женился на ней в результате бурного романа. У него родился ребенок. Возникли проблемы в браке. Потом жена исчезла.

Джулиан стал тем, на кого он опирался. Джулиан всегда и во всем оставался рядом с ним — расследование, подозрения и слухи, последующее отчаянье.

Двуличный Ноа отплатил за щедрость Джулиана предательством.

Отвращение бурлило в глубине души Джулиана. Ноа всегда оставался слабым. Занудой в своей бессмысленной преданности таким, как Атикус Бишоп, самодовольным ослом, который скрывал свое безмерное высокомерие и жадность под благочестивой маской, обманывая всех.

Но Джулиана не удалось одурачить. Он увидел уродливую правду, которая смотрела ему в лицо.

Бишоп не единственный злодей в Фолл-Крик.

Он смахнул снег, скопившийся на его очках. Жестокий холод проникал прямо сквозь одежду. Все тепло исчезло из этого мира.

Застывшая тьма, казалось, поглощала его в себя. Холод заполнял его, проникая, как ледяной костный мозг, в самые кости.

Было только это — дикая ярость матери-природы и его собственное холодное и хрупкое сердце.

Он обязан стать лучше. Работать усерднее. Заслужить уважение матери. Доказать ей, как она заблуждалась — какую ошибку совершила, выбрав Ноа, а не Джулиана.

Что касается Ноа...

Теперь Ноа — враг.

И Джулиан планировал заставить его заплатить.

Он разматывал шнур, который принес с собой, его пальцы уже стали жесткими и медленными. Он выругался, едва не уронив веревку. У него оставалось всего несколько минут до наступления гипотермии. Нужно спешить.

Его перчатки были слишком толстыми. Он стянул их и сунул в карман. Голые руки мгновенно обожгло.

Ему удалось надежно завязать один конец узлом вокруг кирпича. Он достал из кармана куртки какой-то предмет и аккуратно завязал другой конец шнура в тугую петлю. Потянул за него, проверяя, будет ли он держаться. Получилось.

Горькая кислота застряла в горле. Не стоило даже брать его. Это ошибка. Ошибка в череде других. Джулиан не мог исправить все, но он мог избавиться от этой маленькой проблемы.

Всплеск вины смешался с горьким гневом. Он не знал, говорил он себе. Он не знал, что они сделают. Ту же самую мантру Джулиан повторял себе тысячу раз за последнюю неделю.

В том, что случилось, нет его вины.

Он сделал только то, что должен был. Он не виноват в случившемся.

Злобный ветер ревел. Снег сыпал вниз. Джулиан едва мог видеть в десяти футах перед собой. Это даже хорошо. Буря укрыла его, защитила. Спрятала его.

Никто не видел снегоход, припаркованный в центре моста. Никто не видел желтых лучей фар, пронзающих темноту, и одинокого человека, его крошечную фигурку почти скрывал белый шквал снега и ветра.

И никто не видел, как он бросил кирпич через край моста.

Кирпич перевернулся и разбился о лед в двадцати футах ниже. На мгновение Джулиан

испугался, что лед не поддастся. Но он провалился.

Тонкий лед треснул и раскрылся, как пасть, обнажив стремительную черную воду внизу.

Кирпич соскользнул в воду и упал в черноту.

Унося с собой старинный железный ключ.

Глава 61

Ханна

День шестнадцатый

На улице бушевала метель. Снег валил сильно и быстро. Ветер завывал и стонал. Он бил по крыше, по стенам, по фанере, приколоченной к раздвижной стеклянной двери на кухне. Но дверь выдержала. Дом устоял.

Под подоконниками лежали сугробы. На стекле появился иней. Казалось, что их постепенно отгораживают от остального мира. Дом медленно заносило снегом.

Они оставались в доме четыре дня. Лиам пробил лопатой узкую тропинку через заднюю дверь, чтобы Призрак мог делать свои дела.

Завтра они никуда не пойдут. Может быть, и на следующий день тоже. Но это не страшно.

Они в безопасности, все четверо в безопасности.

Весь остальной мир — холодное, неопределенное будущее — ждал там, снаружи. Ноа и Майло и дом. Города без электричества. Миллионы испуганных, отчаявшихся, голодных людей.

Но все это могло подождать. И оно подождет.

Внутри горел теплый огонь и мерцали свечи на камине, на книжном шкафу и журнальном столике, придвинутом к стене.

Окровавленный матрас они отодвинули в противоположный угол перед дверью, чтобы разобраться с ним позже. Лиам отдал ей свой матрас и занял диван. Теперь он лежал там, укрывшись одеялом, а AR-15 находилось рядом с ним, всегда наготове.

Призрак шевелился на ковре перед камином, вальяжно потягиваясь, на его морде читалось откровенное довольство. Как будто он сам проделал тяжелую работу по появлению на свет этого крошечного нового существа. Теперь его вахта окончена, вся стая в сборе.

Ханна лежала, свернувшись калачиком, на матрасе с фиолетовыми простынями принцессы, лицом к огню, спеленатый младенец изогнулся вокруг ее тела, как запятая, одной рукой она прикрывала мягкую пушистую головку ребенка.

Ханна оставалась почти голой под одеялом — только белая ночная рубашка, которую Лиам, должно быть, стянул или разрезал, чтобы ей было удобно кормить грудью. Она не помнила, да это и не имело значения.

Все, что происходило после — перерезание пуповины, грязные последы, причудливая пурпурная плацента, похожая на инопланетную форму жизни — Лиам позаботился об этом.

Он порылся в шкафах в ванной и нашел для нее прокладки. У них не нашлось подгузников для ребенка, но Лиам уже вырезал полоски из простыней и нашел булавки.

Он позаботился о них. О ней и ребенке.

Ханна измучилась, страдала от боли и вымоталась до предела, но в то же время сияла, ликовала и была жива. Она сомневалась в себе, испытывала страх и ужас, боль и печаль.

И все же она прошла через это. Через лабиринт, пещеру, долину смерти.

Она выбрала свой собственный путь, хороший путь. Правильный путь.

Она не до конца готова, возможно, никогда не будет готова к этому испытанию, но все равно приняла его.

Ханна смотрела на младенца у своей груди, на крошечные ручки и миниатюрные пальчики маленькой девочки, на ее теплую гладкую кожу, на пушистые шоколадно-каштановые волосы под вязаной шапочкой ручной работы, которую ей подарил Лиам. Ее первый подарок.

Ее дочь просто идеальна. Шарлотта Роуз была абсолютным совершенством.

Сердце Ханны наполнилось эмоциями, которые, как она боялась, умерли внутри нее, но это оказалось совсем не так.

В ней проснулась сильная и вечная материнская любовь.

Конец третьей книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net